

РАЛЬФ ДЕ ТОЛЕДАНО

ШПИОНЫ, ПРОСТОФИЛИ И ДИПЛОМАТЫ

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Повествование с интересным сюжетом и бойко рассказанное – лучшее средство для распространения исторических знаний, – сказал как-то профессор Алан Невинс. – Без жизни нет правды истории, а без воображения нет жизни».

В этом смысле «Шпионы, простофили и дипломаты» – это история. Но это также и манифест совести. Это документальное изложение той точки зрения, которую безжалостно душили в американских кругах. Это еще одно подтверждение той забытой истины, что человеческие идеалы и воззрения – застывший монолит, но что история человечества – вещь живая и постоянно меняющаяся, и потому писатель, журналист он или профессор, получив доступ к новым материалам, должен либо игнорировать ранее неизвестные ему факты, либо менять свою точку зрения.

Тридцать лет фальсификации, когда думалось одно, а говорилось другое, извратили мышление западного мира, его представления о том, в чем корень зла нашего времени. Два десятилетия однопартийной гегемонии в Соединенных Штатах создали целую школу апологетов – привилегированную группу «официальных» хроникеров и историков, захвативших все места на рынке идей и всячески препятствовавших свободной торговле. Даже самые солидные, предельно документированные научные работы отбрасывались в сторону, если шли вразрез с гладкими, давно обкатанными суждениями придворных фаворитов.

Книга «Шпионы, простофили и дипломаты» была написана как попытка перепроверить, переоценить и заново изложить одну из самых жизненно важных глав современной истории: причины и механизмы самоубийственной американской политики на Дальнем Востоке. И время как никогда благоприятно для этого. Под давлением комиссий конгресса и современных исследователей, правительств, пусть неохотно, но начало публиковать важные документы, сокрушительные для прежних представлений. В свете новых материалов сегодняшние гипотезы разрушают вчерашние «официальные» постулаты, готовя им участь ошибочных концепций, выброшенных на свалку истории.

Когда это предисловие уже было написано, Объединенные Нации и Совет Безопасности одобрили китайско-советский договор от 1945 года, навязанный Чай Кайши после Ялты, продемонстрировав еще раз неизменное пренебрежение к насилию, чинимому русскими над Маньчжурией, и той военной помощи, которую Россия оказывала китайским коммунистам. Более пяти лет, однако, прикормленные властями историки и влиятельные политики Америки крикливо отвергали эту очевидную истину и нападали на тех, кто пытался ее излагать.

Новые факты по-новому высвечивают старые. И с помощью новых и/или игнорировавшихся ранее документов, в книге «Шпионы, простофили и дипломаты» делается попытка показать, как в области дальневосточной политики и дипломатии Соединенные Штаты были введены в заблуждение и обмануты, как догматическая наивность вкупе с неприкрытой двуличностью дважды за последние двенадцать лет втягивала народ в вооруженные конфликты на Дальнем Востоке. Но то, что мы послушно следовали губительным советам, – это всем известно. Но то, что некоторые люди именно это и планировали, – становится все яснее. Однако факт обмана – и самообмана – этого повального увлечения нашего времени однажды дойдет до сознания американцев. И то, что самая крупная и свободная пресса в мире проглядела эту историю, и делает эту книгу нужной, если не настоятельной.

Тот, кто пишет о современной истории, имеет дело не со скелетами в шкафу, а с героями во плоти и крови. И потому пишущий должен так обращаться со своими героями, как если бы они были живыми людьми, и аккуратно насаживать их на острие хроники событий. Небрежность в характеристиках героев часто приводит к неприятной переписке, а иногда и к чему похуже. И потому, приступая к изложению этого повествования, я поставил своей целью следовать духу «Закона о доброкачественности пищи и лекарств». Я тщательно отделял овец от «красных» козлищ и аккуратно метил каждую. Потому что до сих пор не придумано слово для описания драматических персонажей нашей несчастной эпохи, и они прошли через эти страницы без какого-либо ярлыка. Я старался не останавливаться на мотивах и иметь дело с поступками, которые оказали воздействие на ход современной истории.

В политике, как и на войне, учитывается поступок, а не мотив. Поскольку мотив важен в выборе наказания, а не в оценке последствий ошибки. Возможно, что некоторые из тех, кто защищал коммунистов и внутри, и вне правительства, как это следует из моего повествования, делали это по причинам, заслуживающим уважения. Пусть будет так. Но я не испытываю ничего, кроме гнева и презрения, думая об этой так называемой «новой стратегии» либерализма, которая всячески защищает мотив, закрывая глаза на совершенный поступок, пусть даже и подтвержденный свидетельскими показаниями. Задача этой книги – описать подобные действия. А уже потом у нас будет достаточно времени, чтобы обсудить мотивы.

Знаменитого комика Гручо Маркса однажды спросили:

- Где вы живете?

- Я переехал, - ответил он. В этом диалоге отражена суть подхода госсекретаря Ачесона ко всем вопросам, связанным с вопиющим, разрушительным курсом американской внешней политики. Как действие такая политика неплохо смотрелась бы на сцене Палас-театра. Но на сцене истории она перестает быть смешной. «Шпионы, простофили и дипломаты» и есть попытка честно и откровенно ответить на эти вопросы и вместо Дина Ачесона, и вместо Госдепартамента, и вместо всех остальных стратегов поражения.

Возможно, что все это - ненужные объяснения. Книга говорит сама за себя. Но что решительно необходимо - это указать источники, из которых я черпал свои аргументы. Вот некоторые из них. Важнейшие из них - признание Рихарда Зорге, документ объемом в 30 000 слов; выдержки из показаний и заявлений Ходзуми Одзак и других участников аппарата Зорге; протоколы суда над членами аппарата, которые были переведены с японского персоналом разведки дальневосточного командования Соединенных Штатов в Токио; переписка с Институтом тихоокеанских отношений (IPR); стенограммы слушаний сенатского комитета по международной безопасности; стенограммы и вещественные доказательства из так называемых слушаний Макартура; аффедевиты коммунистов, а также документы, которые у меня имеются, и различные воспоминания.

Были и другие источники: донесения разведки «Шпионская группа Зорге», опубликованные министерством обороны в 1949 году; мой собственный обширный архив, касающийся коммунистической деятельности и главных направлений политики коммунистов; доклады различных комитетов Конгресса; статьи и вырезки из газет, а также библиотека Нового/Справедливого Курса по-американски.

Эти предварительные замечания будут неполными без слов признательности бригадному генералу Боннеру Феллерсу, щедро делившемуся со мной бесценными материалами; Роберту Моррису, консультанту подкомитета Маккаррана за материалы по расследованию деятельности Института тихоокеанских отношений; д-ру Карлу Витфогелю, который предлагал, но не навязывал высококвалифицированные советы; а также Норе де Толедано, с юмором и пониманием относившейся к мукам творчества и писательской раздражительности. Этим людям, а также всем остальным, кто ободрял меня на протяжении всего пути, моя огромная благодарность.

ГЛАВА 1

ЛЮБОВЬ И СМЕРТЬ - ПАДАЮЩИЕ ЗВЕЗДЫ...

Сидя в камере смертников, человек не может не думать о виселице, но при этом не верит, однако, в ее существование. Да, он допускает, что близок час его смерти, но не верит в самую смерть. При мысли об исчезновении и распаде сосет под ложечкой. Осужденный человек живет в подвешенном состоянии, он только думает. И мысли приходят разные – в зависимости от его природы и состояния души. Меряя шагами тесную камеру или уставясь взором на холодное небо, он не устает вопрошать себя: «Где я ошибся? Когда сделал неверный шаг?» И для него эти вопросы куда более значимы, нежели вопрос: «Неужели я умру?»

В мрачном ряду камер токийской тюрьмы Сугамо, где японская империя изолировала людей надежней, чем на кладбище, Рихард Зорге и Ходзуми Одзаки пытались изложить истории своих жизней, ожидая в любую минуту того стука в дверь, что возвестит о наступлении их последнего часа. Шел 1944 год, ноябрь месяц. Страна, против которой один шпионил, а другой – предал, по-прежнему сражалась против Англии и Соединенных Штатов, но уже неумолимо шла к поражению, которое в конечном итоге свершилось после взрыва над Хиросимой и было официально оформлено генералом Макартуром на палубе американского военного корабля.

Но ни Зорге, ни Одзаки не знали этого. Вышколенная охрана тюрьмы Сугамо извещала их лишь о победах и триумфах жестокого и расчетливого японского империализма. Но для Зорге эти успехи слишком мало значили, чтобы затронуть его чувства. Все эти схватки капиталистических сил означают лишь борьбу за временную гегемонию до величайшего и окончательного триумфа советской власти на всем земном шаре. Могучий интеллект, способный классифицировать любые факты и разложить все сущее по полочкам с помощью своего кредо – ленинской диалектики, Зорге поставил перед собой задачу детально проследить события своей жизни, работы и достижений. И это неофициальное жизнеописание он изложил на бумаге, настойчиво поощряемый своими тюремщиками-японцами.

Не было особого смысла в этом признании. Поскольку хоть в документе объемом в 32 тысячи слов и была подробнейшим образом изложена вся его шпионская деятельность в Китае и Японии, по своему характеру это скорее было своего рода послание японским язычникам, объясняющее им все величие и целеустремленность советского метода. В нем не было никаких секретов, еще не известных японской тайной полиции. Там же, где дело касалось самого Зорге, человека и коммуниста, исповедь его скорее смахивала на послание, адресованное его хозяевам в Кремле. Видите, казалось, говорил Зорге, хоть я и совершил тяжкий грех, позволив врагу схватить себя, я по-прежнему остаюсь твердым ленинцем. Последние слова этого документа – признание своей юношеской идеологической ошибки в оценке взглядов немецкой революционерки Розы Люксембург.

Зорге гордился своим коммунистическим прошлым. Он перешел на орбиту марксизма как молодой солдат, сознательный и добросовестный, полностью отдающий себе отчет в своей деятельности. Он хорошо послужил Сталину, выполнив одну из невероятно трудных миссий в истории шпионажа, когда, выступая как доверенное лицо агентов гестапо, этот советский шпион сумел проникнуть на самые важные совещания в германском посольстве в Токио и дошел в своей игре до немислимых высот, помогая, например, нацистским «друзьям» и японским «союзникам» готовить проект антикоминтерновского пакта. Через своего агента Одзаки он узнал один из самых охраняемых военных секретов Японии – о времени и месте готовящегося нападения на США – о Пёрл-Харборе. И, узнав, передал эту информацию в Москву за месяц до того дня, когда японские самолеты по сути уничтожили американский Тихоокеанский флот. Этот небольшой эпизод в его разведывательной деятельности практически изменил ход мировой истории: сибирские войска отправились на германский фронт.

Благодаря своей интуиции, неплохо уживавшейся с железной логикой, Зорге знал, что его работа на Дальнем Востоке по-прежнему будет иметь огромное значение для воюющих коммунистических армий. Его агенты – Агнес Смедли и Гюнтер Штайн – не покладая рук работали над созданием такой атмосферы в умонастроениях, когда стало бы возможным преодолеть присущие американской политике своекорыстие и эгоизм и в конечном итоге обеспечить зловещую победу китайских коммунистов в послевоенные годы. Путь от камеры Зорге до Белой Книги Государственного департамента оказался долгим и мучительным, но несокрушимая логика Зорге помогла ему мысленно пройти этот путь.

Возможно, что временами сожаления и вспыхивали в уме Зорге – умирать никому неохота, но сожаления эти носили скорее чувственный, плотский характер. Ибо на протяжении всей своей взрослой жизни он неистово пил и без особых раздумий вступал в многочисленные внебрачные связи. Так, выборочная проверка, проведенная японской тайной полицией сразу после ареста Зорге, принесла улов в виде имен более тридцати женщин, прошедших через его постель на протяжении токийских лет. Среди них были и любовницы-гетеры из коммунистического подполья, и жены и

любовницы его коллег-шпионов, и даже жены обитателей германского посольства – то есть людей, малейшее подозрение со стороны которых могло в любой момент уничтожить Зорге. Но и спиртное, способное спровоцировать политическую неосторожность и неблагоразумие, и секс были заранее рассчитанным риском его существования, мерой его темперамента и самонадеянности. И нередко в постели или за бутылкой закаленный и мужественный большевик вдруг исчезал и на его месте оказывался разнузданный тевтон.

Ходзуми Одзаки был совершенно другим человеком. Он пришел к коммунизму из верхов общества, ведомый чувством вины, обыкновенной сентиментальностью и, в очень большой степени, нерассуждающим, беспечным идеализмом. Последовавший вскоре переход к шпионажу произошел совершенно безболезненно, после того как Агнес Смедли удалось убедить его, что в жизни «нужно заниматься чем-то по-настоящему важным». Ходзуми был уверен, что его встреча с Агнес и решение «последовать по узкой дорожке» было «предопределено свыше». Он был захвачен, очарован коммунистическими лозунгами и призывами и попался в ловушку надежд на грядущие тучные зеленые пастбища для всего человечества. Но оказавшись рабом тех средств, которые ему пришлось применить для достижения этой цели, он испытал, наконец, угрызения совести. Ибо прекрасно сознавал, что с точки зрения морали и нравственности его преступление куда тяжелее, нежели вина Зорге: ведь он, Одзаки, предал собственную страну. Предал, имея жену, которую любил, и ребенка.

Одзаки, как и Зорге, тоже писал воспоминания, но не в форме диалектического описания своих деяний и подвигов. Нет, вместо этого он выдал пространные, эмоциональные письма к жене и апологию для японского суда, в которой делал попытку проследить весь ход своего духовного падения и с печалью признавал справедливость грядущего исчезновения. Написанные по всем правилам японского цветистого слога, письма к жене позднее были опубликованы и их название отражает ту двойственность, что свойственна японскому характеру: «Любовь подобна падающей звезде». А вот апология, где изложены мысли человека, жизнь которого приняла дурной оборот и который знал, что он проживет еще достаточно, чтобы успеть пожалеть об этом, так и лежит где-то похороненной в архивах токийского суда.

«Сейчас я ожидаю окончательного приговора, – писал он на заключительных страницах. – Я достаточно хорошо осведомлен о важности законов, которые я нарушил... Выйти на улицу, жить среди друзей, даже после того, как пройдет много лет, уже невозможно и с точки зрения моей совести, и с точки зрения моих возможностей и сил... Я счастлив при мысли, что родился и умру в этой, моей, стране... Я заканчиваю писать в камере токийской тюрьмы в час, когда тучи низко висят над землей, предупреждая о надвигающейся буре».

Но прежде чем обрести спокойствие и ясность, Одзаки прошел через муки сомнений и темную ночь разрушенных убеждений. «Окруженный справедливостью и милосердием, добротой и любовью... я почувствовал, что я что-то упустил, не обратил внимания на серьезную ошибку в обосновании своих поступков. Поначалу сама мысль о такой возможности была мучительна... Я виновато чувствовал, что утратил веру». Но он отринул от себя эту вину, потому что был таким же «стопроцентным» большевиком, как, скажем, и Фредерик Филд, хотя в свое время он принял «Большую Восточно-Азиатскую войну» как патриотическую. Но что характерно, он никогда по-настоящему не сознавал ни политического, ни нравственного значения своих преступлений.

Внезапное изменение его отношения к коммунизму было сугубо эмоциональным и личным. «Моя любовь к семье вновь проявила себя, как неожиданно мощная сила... Поначалу читать письма жены было для меня так болезненно, что я не мог даже взглянуть на фотографию моего ребенка. Иногда я рыдал, а иногда обида переполняла меня, и я думал, насколько все было бы проще, не будь у меня семьи... Профессиональные революционеры не должны иметь семьи... Мысли о будущем моего отца, о котором я обычно так мало думал, также угнетали и давили на меня... Я рисовал его образ в своем воображении – вот он стоит ко мне спиной, склонившись с тревогой и печалью».

Одзаки переполняло чувство благодарности, поскольку после его ареста жена и дочь не были побиты камнями. «Учитель, на попечении которого находился класс моей дочери, специально нанес визит ко мне домой, – писал он, – чтобы сказать жене, что дочь может посещать школу, как и прежде».

Он даже сумел написать нечто почти безмятежное: «Я не трус, и я не боюсь смерти».

В сентябре 1943 года Токийским окружным судом Зорге и Одзаки были приговорены к смерти. В разгар войны им была предоставлена возможность воспользоваться для защиты гражданским законодательством и обжаловать обвинение в шпионаже в Верховном суде Японии. Аргументы их защиты были типичными, и многими из них шесть лет спустя воспользовались некоторые из самых искусных сподвижников Элджера Хисса. Они-де не совершили ничего противозаконного, утверждали в качестве оправдания Зорге и Одзаки. Они не применяли силу для сбора информации, и те сведения, которые они передавали в Москву, не были добыты в результате каких-то тайных разведывательных операций, но представляли из себя факты, доступные любому интеллигентному человеку.

Апелляция Зорге в Верховный Суд представляла из себя, в некотором роде, классическое коммунистическое оправдание:

«Японские законы – субъект для толкований, и толковать их можно либо широко, либо буквально. И хотя утечка информации может, строго говоря, быть наказуема законом, в практике японской судебной системы вопросы хранения секретов не являются подсудными... Я полагаю, что в обвинительном заключении было уделено недостаточно внимания нашей деятельности и природе собираемой нами информации. Данные, которые получал (один из моих агентов), не являлись ни секретными, ни важными. Он приносил мне лишь те новости, которые были хорошо известны любому корреспонденту-международнику... То, что можно было бы назвать информацией политического характера, добывалось Одзаки и мною.

Я получал информацию в германском посольстве, но и здесь я также считаю, что лишь малую ее часть можно было бы отнести к разряду госсекретов. Ее давали мне добровольно, и, добывая ее, я не прибегал ни к какой стратегии, за которую меня следовало бы наказать. Я не пользовался ни ложью, ни силой... Я очень доверял той информации, которая предназначалась... для использования в германском генеральном штабе, и я убежден, что японское правительство, сообщая какие-то сведения германскому посольству, учитывало возможность утечки... Даже та информация, которую Одзаки считал важной и секретной, уже таковой не являлась, потому что он получал ее опосредованно, лишь после того, как она покинула секретный источник».

Японский суд действовал достаточно сдержанно. Все второстепенные участники заговора были приговорены к различным срокам тюремного заключения, Зорге и Одзаки – к смерти. В январе 1944 года Верховный Суд утвердил приговор Зорге, а в апреле – Одзаки. Но никто не знал, в какой именно день приговор будет приведен в исполнение.

В последовавшие за этим месяцы оба попеременно допрашивались военными и полицейскими властями, пытавшимися нащупать все нити их разветвленного заговора. Одзаки давал показания свободно и без сожаления. Зорге же по-прежнему вел себя осторожно и сдержанно. Но хвалился, что Сталин непременно придет ему на помощь – уж слишком ценный он человек для 4-го Управления Красной армии (разведка), чтобы им можно было так легко пожертвовать. СССР и Япония непременно придут к какому-то соглашению на его счет.

Утром 7 ноября 1944 года, как раз в тот момент, когда Одзаки закончил очередное письмо к жене, начальник тюрьмы Сугамо вошел к нему в камеру. Одзаки знал, что это – приглашение на виселицу. Он достал приготовленную для этого случая чистую одежду и переоделся. Начальник тюрьмы церемонно спросил его имя, возраст и местожительство, чтобы официально удостовериться, что Одзаки именно тот, кто приговорен к смерти. Потом через тюремный двор осужденного провели из камеры смертников в небольшую бетонную камеру, предназначенную для исполнения смертных приговоров. В прихожей этого строения находился большой золоченый алтарь Будды, освещенный мерцающим светом тонких восковых свечей.

Старший капеллан, буддийский священник, предложил Одзаки чаю и саке. Он выслушал пояснения Одзаки к его письменному завещанию и спросил, кого уведомить о его смерти, а потом сказал: «И жизнь, и смерть – равнозначны для того, кто достиг блаженства бесстрастности. А блаженство бесстрастности возможно обрести, если положиться во всем на милость Будды».

Одзаки преклонил колени, и священник прочитал «Три обещания вечной жизни» из Книги Сутр. Одзаки зажег благовония, закрыл глаза и поклонился. Поднявшись, поблагодарил тюремных чиновников за их любезность и произнес:

– Я готов.

За алтарем, в комнате без окон, стояла виселица. Одзаки было велено встать под ней, и петля обвила ему шею. Одзаки еще раз дважды повторил незатейливый буддийский ритуал утешения, и в 9:33 трап был выбит у него из-под ног. В 9:51 он был объявлен мертвым.

Через несколько минут начальник тюрьмы нанес еще один визит – в камеру Зорге. Был повторен тот же ритуал обряда идентификации, и Зорге информировали, что министр юстиции приказал казнить его сегодня утром. Не желает ли он добавить что-нибудь к своему завещанию, спросили Зорге.

– Завещание останется таким, каким я написал его, – ответил тот.

– Может, вы хотели бы еще что-нибудь добавить? – спросил начальник тюрьмы.

– Нет, больше ничего. – Зорге повернулся к чиновникам, стоявшим в камере, и поклонился: – Благодарю вас за вашу любезность.

Выйдя из камеры смертников, он пересек тюремный двор и, обогнув серые стены дома смерти, вошел в единственную дверь. Миновав золоченый алтарь, он сразу прошел в комнату с виселицей.

Тюремные записи гласят, что трап был выбит у него из-под ног в 10:20, а мертвым он был объявлен в 10:36.

Но один немецкий карьерный дипломат, прикомандированный к германскому посольству в Токио, хорошо знавший Зорге и говоривший с ним в его последние дни, не верит тюремным записям. В 1949 году, находясь с миссией в Вашингтоне, он остановился в Нью-Йорке.

- Если Зорге и вошел в камеру смерти, - говорил он друзьям, - то вышел он из нее на своих ногах. Зорге не умер. Сталин заключил сделку с японцами. После войны я слышал, что Зорге еще жив. И я этому верю. Тюремные записи? Ну, каждый большевик знает, что записи хранятся лишь для того, чтобы скрыть истину...

Мертвый или живой, но Зорге оставил свой след в истории. И это тот еще след...

ГЛАВА 2

НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ БЕЗ ПЕРЕМЕН

История Зорге начинается в Германии. В смысле личном это история риска и заблуждений идеализма, круто замешанного на авантюризме и политическом цинизме. Но, по иронии судьбы, история Зорге – это история самой Германии. Коммунизм наших дней – это российская опухоль, но именно германский организаторский гений создал всемирный коммунистический apparatus, в котором Рихард Зорге играл столь выдающуюся роль. Сложная система групп коммунистического фронта, распространившихся, подобно метастазам, по всему земному шару, была задумана и впервые опробована в Германии, немцем Вилли Мюнзенбергом. И языком общения функционеров Коминтерна и агентов 4-го Управления Красной армии на протяжении многих лет был немецкий.

И если мы забыли, то напомним, что «научный социализм», сбитый в форму доктрины из грез и мечтаний цивилизованных европейцев, был детищем Карла Маркса, немца, чья страсть к порядку и легла в основу его веры в жесткое суровое общество, стирающее любые различия между людьми, а также в научный антисемитизм. Американские и английские фабианцы всячески стараются заглушить тот факт, что в годы перед Первой мировой войной самой дисциплинированной социалистической партией в мире – и самой влиятельной – была германская. И когда разразилась мировая война, немецкие социал-демократы, прищелкнув каблучками, легко встали в шеренгу за кайзером Вильгельмом.

Милитаристы провозгласили: «Got mit uns». Социалисты ответили: «Marx mit uns». Результат был один и тот же. Аргументы, которыми социал-демократы оправдывали свой «пацифизм», поразительно напоминали современную сталинскую политику мира. Лишь установление германского «прогресса» во всей Европе могло-де покончить с бесконечными войнами между непрочными союзами европейских государств. Этот аргумент имел смысл, если бы были немцем, но ни французская, ни английская, ни итальянская партии, входившие во II Интернационал, не были достаточно «прогрессивными», чтобы понять это. II Интернационал распался, подготовив почву для ленинского III Интернационала – и лишь непрактичные итальянцы так и остались на антивоенных позициях.

Брак социал-демократии с империализмом был удачным лишь до того момента, пока не кончился медовый месяц и германские армии не двинулись вперед. Но по мере того, как Германия все глубже увязала в трясине позиционной войны на Западном фронте, «супружество» становилось все более обременительным. И на руинах разрушенного до основания германского государства, на мели поражения, перемирия и Версаля брак был окончательно расторгнут. Билль о разводе и беспорядочность последовавшего образа жизни оставили громадный политический вакуум, заполнить который так никому и не удалось до самой победы национал-социализма. (Уже в 20-е годы германские левые заигрывали с национал-большевистскими теориями Карла Радека, и понадобилось срочное вмешательство главы Коминтерна Зиновьева, чтобы убедить их не делать этого.)

Все вышеизложенное важно для понимания истории Германии, ибо объясняет и высокие надежды 1914-го, и сокрушительное моральное банкротство 1918-го, и распространение нигилизма и негативизма среди германских интеллектуалов, потрясающее разрушение сексуальных норм и, конечно же, переход к политической проституции левых сталинистов. Это объясняет и невыносимый фатализм заклинаний «На Западном фронте без перемен», и перезрелый цинизм Die Dreigroschenoper, ярко проявившийся в прославлении сводников, шлюх и воров Бертольдом Брехтом и Куртом Вайлем – двух людей, ярко сиявших на коммунистическом артистическом небосклоне. Но это же объясняет и феномен Рихарда Зорге.

Мужчиной ли, мальчиком – Рихард был немцем до мозга костей. Легкость, с которой ему удавалось дурачить нацистов в конце его карьеры, была фантастической, а его токийские авантюры наглядно показывают, что коммунистических активистов мало что отличало от гестаповских карьеристов, за исключением, пожалуй, лишь выбора хозяев. (Даже антисемитизм, как запоздало узнал мир, был одинаково присущ обеим идеологиям, ибо в любой закрытой системе еврей – существо неприемлемое.)

Первая мировая война застала Рихарда Зорге в восемнадцатилетнем возрасте во время поездки в Швецию. Он вернулся в Германию последним пароходом и, не раздумывая, записался на военную службу, не дав себе труда сдать выпускные экзамены в Высшей окружной школе Берлина или хотя бы поставить в известность мать. Две вещи слегка отличали его от прочих германских парней – он был рожден в Баку, на Южном Кавказе, и был внуком Адольфа Зорге, секретаря I Интернационала при жизни Карла Маркса. Детские годы, описанные в «Признании», демонстрируют черты интеллектуального превосходства и постоянно проскальзывающее чувство своей непохожести на других.

«До войны мое отрочество проходило в сравнительно комфортной обстановке, обычной для класса

богатой германской буржуазии. В нашем доме не знали финансовых трудностей... А некоторая необычность семьи Зорге одарила мое раннее детство рядом отличительных черт... Я был плохим учеником, нарушал школьную дисциплину, был упрямым и своенравным, и редко открывал рот. В истории, литературе, философии, политических науках и, конечно, атлетике, я был намного выше уровня своих одноклассников, но был ниже среднего по всем остальным предметам.

В пятнадцать лет у меня появился жадный интерес к Гете, Шиллеру, Лессингу, Клопштоку, Данте и другим трудным авторам, и вдобавок ко всему я тщетно сражался с историей философии и Кантом. Мое любимое время в истории – период французской революции, наполеоновских войн и времена Бисмарка. Современные германские проблемы я знал лучше, чем средний взрослый.

В школе меня называли «премьер-министром». Я знал о вкладе моего деда в рабочее движение, но я также знал, что взгляды моего отца были диаметрально противоположны взглядам деда. Отец был явный националист и империалист и всю свою жизнь не мог избавиться от впечатления, которое в юности произвело на него строительство германской империи в период войны 1870 – 1871 годов. Он ясно сознавал цену собственности, накопленной им, и социального положения, которого он достиг... В течение многих лет я был членом рабочей атлетической ассоциации, а это означало, что я находился в постоянном контакте с рабочими, но как у любого студента, у меня не было ясной политической позиции. Мне было интересно приобретать политические знания, но я был не способен определить свое собственное отношение к ним».

Конечно, многое здесь – попытка логически осмыслить события задним числом. И запись Зорге в армию, и его отношение к войне точно такие, какие и должны были быть у юноши, являвшегося частью своего социального окружения – националистического и империалистического, – и какие характерны были для всей германской молодежи, готовой встать под знамена Великой Германии. Он пошел в армию, вспоминал Зорге, из-за «сильного желания приобрести опыт, желания освободиться от школьных занятий, от того образа жизни тогдашних восемнадцатилетних, который я считал совершенно бессмысленным и бесцельным существованием, и из-за всеобщего взрыва восторга, порожденного войной». Это – реакция способного, но угрюмого, со скверным характером, подверженного настроениям подростка, отдающего дань состоянию «мировой скорби», характерному для его возраста, и изголодавшегося по физическим приключениям, а вовсе не рассуждения политически искушенного, но безыдейного ума.

«Совершенно бесполезный шестинедельный курс военной подготовки на полигоне в пригороде Берлина» – вот и весь его курс военной науки. Ну а потом – «я был на корабле отправлен в Бельгию, чтобы принять там участие в грандиозной битве на берегах Изера. Этот период можно кратко описать как «из класса – на поле боя» или «со школьной парты – на эшафот».

Реакцией Зорге на «жестокий и кровопролитный конфликт» стало впервые испытанное им чувство серьезного психологического дискомфорта. Вслед за одним из долгих и ужасно театральных антрактов позиционной войны последовало, наконец, настоящее сражение. Но «после того, как наша жажда битв и приключений была утолена», писал Зорге, «наступили несколько месяцев тишины и печальной пустоты».

Все войны – жестоки, кровопролитны и ужасны, и первый великий европейский конфликт был не более ужасен, чем большинство других, а с точки зрения человеческого страдания он был куда менее страшным, чем, к примеру, американская война между штатами. Но и эта мировая война, на которую столь беспечно отправились молодые люди того времени, ожесточила их души, смешав их с грязью. Если бойня еще терпима, то жизнь в окопах – нет. Сражение – это функция масс, а не индивидуумов. Гигантских, бесчувственных масс людей, убивающих друг друга за несколько ярдов бесполезной земли, превращенной в пыль. Более того, индивидуумы, затерявшиеся внутри этих масс и воспитанные на розовых рассуждениях XIX века о прогрессе и растущем благосостоянии, были не готовы к восприятию действительности. Солдаты сражались лишь за одно – за право вернуться домой. Но многим людям в окопах, похоже, казалось, что дома больше не существует.

«Сколько раз до меня немецкие солдаты воевали в Бельгии, чтобы захватить Францию, а армии Франции, стоявшие здесь, были готовы нарушить границы Германии, – думал Зорге. – И никто не знал истинной цели этой войны, не говорил о ее тайном смысле. Большинство солдат были людьми среднего возраста, рабочими и ремесленниками по роду занятий. Почти все они состояли в профсоюзах, и многие из них были социал-демократами... Я совсем запутался в своих исторических познаниях». Но так и не успев найти ответы на мучившие его вопросы, Зорге был ранен.

Вернувшись в Германию для лечения ран, он испытал своего рода психологический шок. На месте безудержного патриотизма, который он оставил дома, уходя на фронт, он нашел «новые стандарты», правившие жизнью тыла. «На деньги можно было купить кое-что на черном рынке... В военное время процветали спекуляция и подпольная торговля, а возвышенные мысли и идеалы, характерные для начала этой войны, уходили все дальше и дальше на задний план... Цель – достичь более высокого уровня жизни любой ценой».

Проявлявшиеся повсюду признаки разложения тревожили его, но не настолько, чтобы помешать воевать. Возвращение к гражданской жизни не сделало его счастливым, да и политические труды, которые он изучал, могли показаться довольно бессмысленными на фоне войны и опыта, приобретенного им в окопах, ибо были, по его собственным словам, «лишены реального смысла».

Отпуск закончился, и Зорге вновь добровольно вернулся на фронт, но прибыв в свою старую часть, мало кого из друзей нашел он в живых.

На этот раз он оказался на Восточном фронте, где боевой дух был очень высок. Германская армия выигрывала одно сражение за другим у плохо вооруженной и плохо управляемой армии империалистической России. Однако военные действия продолжались, и Зорге не устоял против профессионального риска, подстерегающего всех солдат: «Факт, что хотя мы и поразили Россию в самом сердце, но войне по-прежнему не видно конца, был налицо, и многие стали бояться, что она будет длиться вечно». Все это неожиданно кончилось для него, когда он был ранен во второй раз. После долгой поездки через оккупированную Россию он вернулся домой, чтобы найти ситуацию в Германии в начале 1916 года критической.

Когда после первого выздоровления Зорге добровольно вернулся к исполнению своего воинского долга, он чувствовал, что «для меня было бы лучше погибнуть, сражаясь на чужой земле, чем тонуть в дерьме дома». Но и в армии перед его взором предстала картина распада – неперемогимого спутника надвигающегося поражения. «Общая атмосфера в моем полку была еще мрачнее и угрюмее, чем прежде, но многие люди проявляли явный интерес к политическим проблемам и вопросам окончания войны. Среди них росло понимание, что резкие и немедленные политические перемены – единственный способ для нас выбраться из этой трясины».

Сначала дискуссии были ограничены обсуждением возможностей окончания войны без полной капитуляции перед врагом. Много говорилось о долговременном решении всех проблем военной победой. Моральный дух в войсках был по-прежнему далек от точки капитуляции, но среди радикалов уже вовсю обсуждалась мысль о революции. Имена Карла Либкнехта, Розы Люксембург, левых социалистов, стоявших на антивоенных позициях, перестали быть пустым звуком для многих немцев. Германское правительство забрасывало войска пропагандистскими материалами, разъясняя долгосрочные цели Германии и подробно разбирая причины германских требований к другим странам. Но растущее число левых агитаторов внутри армии пользовалось каждым листком официальных бумаг, чтобы использовать его в качестве контроружия.

Когда Зорге лежал в госпитале после третьего ранения – два осколка от снаряда пробили кость, отчего у Зорге на всю жизнь осталась легкая хромота, – он был почти готов принять самую активную роль в битве за Германию. Судьба не слепа, и она поручила раненого солдата попечению врача и медсестры – отца и дочери, которые были левыми социалистами. И в течение нескольких месяцев, пока тело его поправлялось, они усердно кормили его книгами и беседами, предоставив подробный анализ революционного развития событий в тылу. Книги Канта и Шопенгауэра перемежались с политическими трактатами и трудами. «Несмотря на серьезность моего ранения и мучительную боль, впервые за много лет я был счастлив», – вспоминал Зорге.

Хотя он по-прежнему оставался солдатом и продолжал лечение, он возобновил учебу в Берлинском университете. «В течение лета и зимы 1917-го я окончательно осознал бессмысленность и разрушительный характер великой войны. Несколько миллионов уже погибли... Хваленая германская экономическая машина превращена в руины... Капитализм распался на составные части – анархизм и массу бессовестных неразборчивых лавочников».

И он находит ответ: спасение – в «единственно новой и эффективной идеологии» – идеологии рабочего движения. Он проводит все свое время в университете, читая труды греческих философов, Гегеля, Маркса и Энгельса; он углубляется в историю рабочего движения. Отречение русского царя и российская революция февраля 1917 года «обозначили для меня путь, по которому следует направить международное рабочее движение». И он решает стать частью этого движения.

Демобилизовавшись в январе 1918 года, Рихард Зорге продолжил учебу в Кельнском университете, и в это же время он вступает в Независимую социал-демократическую партию. Второй шаг куда более соответствовал духу времени. Германия находилась в брожении. Подписан Брест-Литовский договор, положивший конец войне с Россией, но бои на Западном фронте продолжались. Из-за восточной границы шли вдохновляющие, возбуждающие известия о рабочих и солдатских Советах, о реющих красных знаменах. Карл Либкнехт, неистовый немецкий социалист, избран почетным членом Петроградского Совета. Революционные брошюры Ленина, Троцкого и Бухарина достигли Германии, а большевистские лозунги и призывы широко распространялись солдатами, возвращающимися с Восточного фронта.

На Западном фронте немцы прорвали линию обороны союзников, но это уже не могло повернуть ход событий в пользу Германии. Повсюду в войсках царили усталость и замешательство. Американские войска, недавно вступившие в войну, поднимались в окопах, чтобы преодолеть нейтральную полосу,

встретиться лицом к лицу с усталыми немцами, несшими на своих плечах всю тяжесть военных лет. Германский генеральный штаб рассчитывал на чудо, на компромиссы и, наконец, на почетную смерть. Немецкий народ надеялся на мир – и, похоже, на мир любой ценой. Войска же были охвачены революционной пропагандой, и бунты вспыхивали то здесь, то там.

В такой обстановке Зорге и предпринял свои первые левые действия: организовал молодежное социалистическое движение в Кельне, возглавил учебные группы, «изучавшие историю революционного движения и разницу между революционным и контрреволюционным движениями» и вербовал новых членов партии среди студентов и друзей.

И вновь судьба идет Зорге навстречу. В конце октября моряки германского ВМФ отказались выходить в море, чтобы принять бой с британским флотом, имея при этом мало шансов победить в нем. Адмирал фон Гиппер поспешно отменил планы на «смертельный поход» и приказал Третьей эскадре вернуться на родную базу в Кельн, надеясь, что увольнение на берег поможет успокоить матросов. Этот просчет и спустил курок немецкой революции. Моряки и рабочие братались, встретившись на берегу, митинги из Кельна распространились до Бремена и Гамбурга, где десятки тысяч людей маршировали по улицам, распевая революционные песни и провозглашая республику. Солдаты покидали казармы и присоединялись к шествиям. Красные флаги реяли над большинством военных кораблей. Мятеж все ширился, и 10 ноября Берлин уже был в руках рабочих и солдатских Советов. Германская империя рухнула.

С кельнского восстания началась карьера Зорге как революционного деятеля. Он занимался агитацией, выступая перед мятежными матросами, организовывал митинги, читал лекции по социализму и занимался оргработой в партии.

Его деятельность не осталась незамеченной, и он был приглашен на работу в Берлин, в штаб-квартиру Независимой социалистической партии. Город пребывал в хаосе. Социал-демократическое правительство Фридриха Эберта, поддерживаемое германским официальным корпусом и теми войсками, что остались верны своим командирам, постоянно подвергалось нападкам со стороны «Союза Спартака», возглавляемого Розой Люксембург и Карлом Либкнехтом, и нерешительной Независимой социалистической партией. В январе 1919 года марш вооруженных рабочих на Берлин был подавлен Эбертом и министром обороны Густавом Носке – как раз в тот момент, когда Зорге прибыл в столицу. Его задержали на вокзале и обыскали на предмет оружия, и, проведя в Берлине несколько дней, Зорге вернулся в Кельн.

Переехав в Гамбург, чтобы подготовиться к экзаменам на степень доктора в Гамбургском университете, Зорге с головой окунулся в революционную деятельность. К тому времени, когда «спартаковцы» и независимые социалисты слились с коммунистической партией, Зорге уже стал одним из активистов партии в Гамбургском регионе. Он выбрал для себя сферу партийной деятельности – оргработа и агитация. Произнесение же речей и парламентские интриги оставались прерогативой такого большого человека в партии, как Вильгельм Пик, которому предстояло стать советским гауляйтером Восточной Германии после окончания Второй мировой войны. ЦК поручил Зорге агитационную и учебную работу в Аахене, в зоне действия союзной оккупации. В качестве прикрытия этой деятельности он выбрал преподавательскую работу.

Преподаватель днем, вечерами он был занят пропагандой среди шахтеров, обучением коммунистических кадров и руководством местным отделением компартии. Пределы его влияния расширились до Кологуэ, где он посещал тайные митинги и помогал редактировать коммунистическую газету. Как представитель Рейнского региона, его консультировал ЦК компартии. Но пришло время, и двойная жизнь Зорге вышла наружу. Он был уволен с преподавательской должности в Аахене. В камере токийской тюрьмы Зорге писал:

«Посоветовавшись с партией, я решил усилить свою деятельность среди шахтеров и работать вместе с ними в Аахенском угольном регионе, чтобы заработать на жизнь. Я смог устроиться на работу на шахте близ Аахена в качестве подсобника, не обратив на себя внимания. Это была тяжелая жизнь, и я безмерно страдал от серьезных ранений, полученных мною на фронте, но ни разу не пожалел о своем решении. Опыт, который я приобрел, был столь же ценен, как и тот, что я приобрел на полях сражений, а моя новая профессия была очень важна для партии.

За короткое время моя работа среди шахтеров принесла множество полезных результатов. Я организовал коммунистическую группу на I-й шахте, где я работал, и когда увидел, что группа встала на ноги, я перешел на другую шахту. В течение года я еще раз сменил шахту. Но попытка продолжить партийную работу в угледобывающем районе Голландии провалилась – я был немедленно раскрыт, уволен и депортирован из страны. Между тем я стал известен и на аахенских шахтах, и в результате не мог найти работу. Власти пригрозили передать меня военным властям союзников, и я был вынужден оставить оккупированный район».

Зорге вернулся в Берлин за дальнейшими инструкциями ЦК. Ему предложили оплачиваемую работу в аппарате растущей партийной бюрократии. Аппаратчиков постепенно покупали этими заработками, чтобы потом продать под контроль Москвы. Зорге отказался, ссылаясь на то, что у

него мало практического опыта и что ему необходимо закончить свое образование. При содействии партии он получил место помощника директора департамента общественных наук Франкфуртского университета, причем ЦК дал ему инструкции держать партийную работу и само членство в партии в тайне. Так началась его секретная работа на Коммунистический Интернационал.

«Я хранил все секретные документы и списки членов партии, поддерживал тайную связь между ЦК в Берлине и парторганизацией во Франкфурте. Партийные средства и пропагандистские материалы также поступали на мое имя, и я прятал большую часть партийной собственности в своей учебной комнате в университете или в библиотеке общественных наук, засовывая большие пакеты в корзины для угля. Со мной работали еще два или три члена партии, и потому не было нужды опасаться разоблачения. Сохранность этих материалов позволила партии пользоваться ими постоянно, и в результате, несмотря на запрет Коммунистической партии, ее активность во Франкфурте не снижалась.

Тем временем начавшееся в Саксонии вооруженное восстание закончилось провозглашением рабочей республики, с которой, по приказу партии, я поддерживал постоянную связь. Я часто бывал в Саксонии со специальными миссиями, передавая важные первоочередные политические и организационные документы и директивы, которые партия могла переправить через Франкфурт».

Зорге-идеалист и Зорге-активист успешно шел по пути, который привел его к Зорге-шпиону, а господство Коминтерна в Германской коммунистической партии сделало это не только возможным, но и необходимым. Согласно ленинской доктрине, в числе «21 условия» для принятия в Коминтерн было и условие о том, что коммунистические партии должны повсюду «создавать наряду с законными, еще и параллельные нелегальные аппараты». Для этих нелегальных аппаратов подбирались самые деятельные и перспективные товарищи. С образованием Германской коммунистической партии русские агенты внедрялись в нее, чтобы превратить в организацию, призванную впоследствии стать классическим образцом для коммунистических организаций по всему миру.

Принцип революционного подполья «бей-беги» времен романтического прошлого уже не годился. С первых дней существования Коминтерна его лидеры рассматривали всех членов всех партий как помощников советского государства, резерв для рекрутирования политических и шпионских бойцов. Нелегальная партия была разбита на группы, каждая из которых проходила особую подготовку и выполняла специфические функции:

М-группа: подготовка кадров, которые в будущем составили бы костяк германской Красной армии. Члены группы получали базовую подготовку, дополненную ночными маршами и тайными маневрами. Имели собственный арсенал.

Н-группа: выступала в качестве Nachrichten (разведки). Самое лучшее снабжение и финансирование. Н-группа отвечала за охрану партийных лидеров, поставляла телохранителей для русских агентов, проезжавших через страну. Достаточно окрепнув, группа приступила к выполнению шпионских функций и проникновению в тыл противника. Со временем стала важнейшей из всех подпольных групп. Именно в этой группе и состоял Зорге.

Т-группа: террористические объединения, предназначенные для диверсий и подрывной деятельности, похищения детей и ликвидации предателей партии и «врагов класса».

Z-группа: выступала в качестве Zersetzung (подрывники). Это было подразделение Н-группы. Задача группы – «подрыв изнутри» вражеских организаций, или их разрушение, или их внутренняя переориентация. Восстание в Саксонии было организовано М и Z-группами.

Но каждый член этих групп имел и свою сверхзадачу: помогать советской власти крепко держать бразды правления германской партийной машиной. Руководители групп назначались и получали зарплату в Кремле. Одновременно Коминтерн был полностью протитуирован руководством Германской компартии. Из 135 тысяч членов в начале 20-х годов свыше 4300 получали деньги по русским платежным ведомостям, и если они вдруг осмеливались ставить интересы Германской компартии выше интересов Коминтерна, их вызывали в Москву, где они тихо исчезали во мгле, либо «прозревали». Если же они игнорировали приглашение, у них или похищали детей, или «изобличали» как коммунистов и передавали в руки германской полиции. Таким образом, левая оппозиция в Германской компартии систематически уничтожалась, и «верные» коммунисты-сталинисты исключались из партии за «привет», брошенный на улице члену левой оппозиции.

Поскольку советская тайная полиция забирала все больше и больше власти в Германии, Берлин стал вторым по значению центром подготовки шпионских операций. Эта «невидимая иерархия», «тайная элита» (по словам Рут Фишер и Вальтера Кривицкого, шефа разведки Красной армии в Западной Европе) была строжайше организована, и ее операции были, без сомнения, операциями, проводимыми под руководством ГПУ (позднее НКВД). Ее члены имели определенное звание и соответствующий документ, получали определенную плату и существовали на полувоенной основе.

Зорге, интеллектуал и человек действия, отлично вписался в структуру этой дисциплинированной, невидимой иерархии. Смелый и проверенный, он постепенно поднялся до очень ответственного поста, на что он очень осторожно намекнул в своем токийском признании:

«Поскольку я занимался тайными связями партии, то было неудивительно, что на коммунистическом съезде, прошедшем во Франкфурте-на-Майне в 1924 году, меня выбрали для обеспечения охраны делегатов советской коммунистической партии, которые представляли Коминтерн и прибыли в страну нелегально».

Учитывая, что Германскую компартию тогда сотрясало от схватки Сталин - Троцкий, Коминтерн прислал руководителей самого высокого ранга - Пятницкого, Мануильского, Куусинена и Лозовского, и потому ответственность Зорге как руководителя «службы безопасности, и доверие, оказанное ему, были огромны.

«Конечно, мои отношения с делегатами Коминтерна были очень близкими, и они с каждым днем становились все более дружескими. На заключительном заседании они попросили меня приехать в штаб-квартиру Коминтерна в Москву, чтобы поработать там». Покровительствуемый этими высокопоставленными советскими руководителями, Зорге перешел из Германской в Советскую компартию, сделав, таким образом, первый шаг к тому, чтобы стать аппаратчиком высокого ранга.

В конце 1924 года Зорге появился в Москве. Начиналась его конспиративная работа.

ГЛАВА 3

«СОБАКАМ И КИТАЙЦАМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН»

Создание коммунистического шпионского аппарата требует участия людей многих и разных. В центре – обученный лидер, закаленный, опытный и беззаветно преданный делу победы советского империализма. Рихард Зорге и был одним из таких лидеров. Но бывали при этом задействованы и авантюристы, и идеологические последователи – приверженцы коммунистической идеи, а также невротики и неудачники на ниве секса или человеческого общения, которые, как говорится, «ищут, куда бы приткнуться». Одни, как Агнес Смедли, втянулись в коммунистическую деятельность из-за обиды на мужчин и озабоченности судьбами человечества. Другие, как Эдджер Хисс, уступив одному из смертных грехов – гордыне. Но все они поступили на службу коммунизму из глубокого презрения к человечеству сегодняшнему и в попытке нащупать путь человеческого спасения.

А своего рода защитным прикрытием для аппарата служат и политики, и доброхоты-благодетели, и простофили, и обманутые, которые, как правило, не ведают, что творят, а также умные дельцы и мошенники, полагающие, что дьявола можно запрячь в телегу своекорыстных интересов. При этом многие из этих типов убеждены, что они – антикоммунисты, ибо когда последствия их безрассудства или своекорыстных действий становятся публичным достоянием, они бывают искренне изумлены и бурно протестуют, хотя в момент кризиса эти Катилины наших дней неизменно ставят карьеру и свое «я» выше национальных интересов. И в то время как коммунистический аппарат обдeldывает свои делишки за их широкими юбками, они продолжают упорно твердить, что такового в природе не существует. Дело Хисса и так называемое расследование Тайдинга показали этот тип людей во всей его красе.

Вот они-то, похоже, самые опасные, поскольку именно они защищают коммунистические ячейки в тот момент, когда появляется возможность полностью их уничтожить. Однако наиболее эффективно действуют – до того, естественно, как аппарат разоблачат – те, кто искренне любит коммунизм, потому что любит человечество. Те, кто предает свои страны из любви к коммунизму и маскирует и предательство, и коммунизм паутиной морали. Среди таких убежденных, уважаемых «пауков», служащих партии вернее, чем тысяча просто платящих взносы, был и Ходзуми Одзаки, сбитый с толку идеалист, ставший главным сообщником Рихарда Зорге.

Метрические записи гласят, что родился Одзаки в Токио 1 мая 1901 года. Он был еще мальчиком, когда его отец перевез семью на Формозу. Переезд был вызван назначением отца редактором тайваньской газеты «Nichi-Nichi Shimbun», и Одзаки провел детство и часть отрочества на острове. Жизнь его была спокойной и вполне упорядоченной, что было обычным для семей японского высшего класса. Формоза, однако, была оккупированной территорией, захваченной у Китая за шесть лет до рождения Одзаки, и «многочисленные примеры дискриминации поработанного народа со стороны японских захватчиков стали причиной сомнений гуманистического характера, терзавших мой ум», писал Одзаки незадолго до своей смерти.

Японское общество пребывало в смятении. Разбуженная от феодальной спячки американским предпринимательством, небольшая, но сплоченная страна едва ли не в одночасье превратилась в современное индустриальное государство. Экономика, базировавшаяся на разного рода ремеслах и домашних промыслах, была преобразована в громадное массовое производство, почти на равных конкурировавшее с Великобританией на азиатском рынке. С военной и экономической точки зрения разгром России в 1905 году и последовавшая индустриальная революция превратили Японию в Англию Дальнего Востока – Англию 1588 года. Хотя и за единственным исключением, делавшим, однако, ситуацию более взрывчатой и искушающе заманчивой: Японии, в отличие от Англии, не противостояли через Китайское море сильные национальные государства. Лишь слабая и раздробленная Китайская империя тряслась перед ней, и только усилия западных империалистов преграждали Японии путь к установлению гегемонии в Азии.

С начала века японская внешняя политика была направлена на вытеснение западного влияния и свертывание политики открытых дверей – единственного гаранта политического и экономического единства Китая. И эта решимость Японии проявлялась во всем. Так, следующим шагом после захвата Формозы стала оккупация Кореи. А когда во время Первой мировой войны силы западных держав оказались связаны в Европе, Япония воспользовалась этим обстоятельством, чтобы навязать Китаю свои гнусные «21 требование», которые фактически обеспечивали бы ей контроль и над всем материковым Китаем.

Однако мускулы японской империи были пока накачаны недостаточно, чтобы противостоять давлению Англии, Франции и Америки, требовавших снять условия, выставленные Японией Китаю. Но случившиеся время от времени покушения на германские интересы в провинции Шантунг стали постоянными – и это был первый шаг на пути к целенаправленному проникновению в китайское государство. И почерк Японии становился все заметнее на изорванной в клочья карте Азии.

Однако в самой Японии издержки индустриализации повсюду бросались в глаза. Лишенный

машинами индивидуальности рабочий оказался беззащитен, при том, что жесткое патерналистское общество могучим барьером стояло между ним и профсоюзными организациями. Традиция рабского, подобострастного отношения к властям сделала эти организации вялыми и беззубыми. Рабочий день был длинным, плата – ничтожно низкой, широкое распространение получил детский труд. Военщина уже подбиралась к власти, приобретя немалое влияние, а налоговое бремя, взваленное властями на плечи людей, неудержимо росло. Высший класс еще по-прежнему удостаивал своим вниманием искусство и литературу, но это был не более, чем фасад, за которым скрывались тревожные реальности современной жестокой эксплуатации.

В такой вот обстановке и вырос Одзак. Конец Первой мировой войны знаменовался ростом надежд на исполнение американской мечты, и как вспоминал Одзак, он находился под влиянием «фривольной американской пропаганды свободы и мира, которая открывала перед ним бескрайние перспективы». Хотя следует сказать, что это была в те годы не пропаганда, и она не была фривольной, но к сожалению, эти проамериканские чувства были очень скоро промотаны циничными эманациями из Версаля, куда президент Вильсон отправился на мирную конференцию в тоге из идеалов и откуда вернулся голым. Сделки и контрделки, раздел территорий и власти между союзниками-победителями разрушили американское моральное превосходство и влияние. Расчленение Австро-Венгерской федерации, дележка колониальной добычи, возня с перекройкой карт закладывали семена грядущих войн, а закоснелая, вечная аморальность международного сообщества уже готовила почву к тому, чтобы оправдать их. И никто не понимал этого лучше японцев.

Образовавшийся пропагандистский вакуум заполнила новорожденная система иллюзий, гальванизовавшая мир, – русская революция. Из пепла войны возродилась «свобода» – и повсюду палец Ленина стучал в людские головы.

Реакция Одзак на эти события была несколько запоздалой, и внешне его жизнь несколько не изменилась. В 1919 году он закончил среднюю школу в Тайхоке, и перед отъездом в Токио для поступления в Первую высшую школу (американский аналог начального высшего образования) отец взял его «на поклонение в Тайваньский Храм, где и велел мне стать человеком, служащим своей стране». В тюрьме Сугамо, писал он, «я вспомнил об этом». Но, похоже, он так до конца и не осознал всю иронию подобных воспоминаний.

Именно в Токио и начали закладываться основы его последующего образа жизни. Как студент курса В, литературного отделения, он с головой ушел в изучение европейских классиков. Выучив немецкий, он стал читать немецких философов и поглощать в огромных количествах труды по историческому материализму, без которых марксизм и бессмыслен, и невозможен. В 1922 году он перевелся в Токийский университет, где изучал юриспруденцию, по-прежнему желая стать правительственным чиновником. Но его давно копившееся негодование против японского общества достигло точки кипения, когда он своими глазами увидел первую облаву, устроенную полицией на коммунистов и коммунистически настроенных студентов. Это событие вызвало «справедливое общественное негодование». И на него оно действовало столь же сильно, как и несчастная любовь, погнавшая его обратно на Формозу в состоянии глубокой депрессии.

Однако сердце Одзак было лишь слегка разбито, и если это и оказало какое-то влияние на становление его как человека, то весьма незначительное. Дома, выздоравливая от любовной болезни, он проштудировал биографии Фердинанда Лассалья, основателя Германской социал-демократической партии и социалиста немарксистского толка. От Лассалья Одзак перешел к гегелевской диалектике, к историческому детерминизму, готовя почву для восприятия диалектического материализма и далее – научного коммунизма. Впоследствии в своем признании Одзак заметил, что он находился «под впечатлением» идей Лассалья.

Мысли о глобальных проблемах помогли смягчить и утишить боль от неразделенной любви, и в 1924 году Одзак вернулся в Токио, чтобы сдать экзамены на степень доктора политических наук, после чего вновь принялся за изучение юриспруденции в Токийском императорском университете. Однако правительственная служба, к которой он когда-то так стремился, уже не представляла для него большого интереса. Выйдя из университета, он сразу же вступил в японский аналог американского Клуба общественных проблем. Такие клубы были организованы коммунистами в колледжах и университетах по всему миру – весьма неглупый и удобный способ распространения марксистской теории и вербовки новых членов партии. Возглавлял клуб молодой помощник профессора, и именно он познакомил Одзак с бухаринским «историческим материализмом». «Я посвятил этому больше всего времени», писал Одзак о своих встречах на коммунистических семинарах.

Он серьезно взялся за систематическое изучение марксистской литературы. «Манифест», «Капитал» и работы более ранних классиков стали для него первыми вехами на пути изучения марксизма. Но вскоре он уже читал ленинскую работу «Государство и революция», «Проблемы социализма» Сталина, полемические работы Карла Радека и всю ту коммунистическую пропаганду, что постоянным потоком шла в коминтерновский «Inprecoг» – издание, которое готовили корреспонденты-международники и которое печаталось в Москве на всех основных языках мира. В

1925 году он получил юридическую степень и примкнул к коммунистической партии на правах ассоциированного члена.

Но Одзак не замыкался в каком-то сыром углу политической преисподней. В университете он жил веселой жизнью богатого студента. Его любили, им восхищались, у него было много друзей. Так исподволь вкладывал он капитал в свои будущие успехи в качестве советского шпиона.

В докладе, подготовленном Генеральным штабом Дальневосточного командования по группе Зорге, так называемом «Докладе Уиллоби», была дана соответствующая оценка значимости дружеских студенческих связей Одзаки.

Любой выпускник (Токийского императорского университета) мог быть уверен, что подавляющее большинство его однокашников станут в будущем руководителями японского делового, интеллектуального и правительственного мира. Человек из окружения Одзаки, будучи никем в 1925 году, к 1940 году уже мог занять высокий пост, предполагавший огромную ответственность за всю Японию, особенно в управлениях и министерствах императорского правительства. Любой молодой человек, обладающий блеском Одзаки, был просто обязан поддерживать близкие дружеские отношения со многими людьми, которые знали бы в будущем почти все, что можно было знать о жизни страны, и которые всегда могли поделиться своими знаниями с доверенным человеком. И если этот доверенный человек превращался в предателя, секреты его страны непрерывным потоком направлялись к врагу.

Весь следующий год Одзак продолжал жить в мечтах и размышлениях – «гулять в тенистых рощах», но в 1926 году, закончив свое образование, поступает на работу в токийскую газету «Асахи Симбун». И тайно вступает в Kanto Publication – союз рабочих, под именем Генкиши Кусано, своим первым псевдонимом, который он позаимствовал у Мерисаки Генкиши, лидера японских сельскохозяйственных рабочих, арестованного вместе с семьей в студенческие годы Одзаки. В 1927 году он перешел из «Асахи Симбун» в «Осака Асахи» и на следующий год отправился в Шанхай в качестве специального корреспондента. Это был поворотный момент его жизни.

Китай находился в кризисе. В 1911 году революция Сун Ятсена свергла маньчжурскую династию, но страна ни на шаг не продвинулась в направлении демократии, как на то надеялись китайские идеалисты. Военачальники и региональные лидеры раскололи некогда единую нацию на воюющие между собой группы, которые они могли контролировать. И первой партией, достигшей в некотором роде господства в стране, был Гоминдан, возглавляемый доктором Суном, принявшим на вооружение план постепенного, шаг за шагом, реформирования Китая. Три фазы Суна стали официальной программой Гоминдана – и остаются таковыми по сей день.

Это:

- (1) Объединение Китая под началом военного диктатора.
- (2) Период «политической опеки», во время которого стране можно было преподать методы демократического управления.
- (3) Когда люди научатся пользоваться своими политическими правами – тогда и появится оперившееся конституционное правительство.

Основными лозунгами революции Сун Ятсена были претворение в жизнь трех принципов народовластия. Если говорить кратко, они призывали к сильной китайской политике и культурному национализму, к правительству, облеченному квази-диктаторской властью (сдерживаемой, однако, правом народа на выборы, отзыв политиков, правом на законодательную инициативу и референдум) и к форме кейнсианского социализма для регулирования капитализма, с тем, чтобы уравнивать доходы владельцев земельных наделов и предотвратить любой социальный взрыв как проявление марксистской классовой борьбы. Этим последним пунктом Сун прямо дал понять, что в Китае не должно быть ни диктатуры пролетариата, ни классовой борьбы – в них нет необходимости.

К сожалению, Гоминдан оставался партией свободно ассоциированных членов, без какой-либо жесткой организационной структуры. И чтобы укрепить организацию, Сун Ятсен совершил одну из величайших ошибок в истории – заключил союз с китайскими коммунистами и III Интернационалом. Якобы для укрепления партийной организации. Коммунисты предоставили Гоминдану своих специалистов и организаторов. Между Сун Ятсеном, представлявшим Гоминдан, и Адольфом Иоффе, представителем Коминтерна, было заключено торжественное соглашение, в котором оговаривалось, что китайским коммунистам будет позволено вступать в Гоминдан на «индивидуальной основе», что помогло бы Гоминдану «укрепить дисциплину». Этот оформившийся в 1924 году «объединенный фронт» между Гоминданом и коммунистической партией Китая, имевшей к тому времени 30-летнюю историю, в 1924 году, оказался для Китая роковым.

Михаил Бородин, представитель Коминтерна, приехал в Кантон, привезя с собой массу агентов, организаторов, подпольных активистов, прошедших обучение в Москве. Оставил свой пост в

Сибирской Красной армии генерал Блюхер, чтобы заняться обучением китайских вооруженных сил и помочь Чан Кайши в организации военной академии в Вампоа, ставшей китайским аналогом Вест-Пойнта. Под руководством Бородина Гоминдан был реорганизован в соответствии с советской установкой на централизованный контроль, доходивший до самого мелкого подразделения.

В то время как китайские красные постепенно занимали все ключевые посты в Гоминдане, Ли Дачжао торжественно заявлял, что «вступая в Гоминдан, коммунисты... не имеют ни малейшего намерения превратить его в коммунистическую партию. Те коммунисты, которые вступают в Гоминдан, делают это на индивидуальной, а не на партийной основе». И даже в тот момент, когда произносились эти слова, Коминтерн продолжал свои интриги против Гоминдана и упорно продолжал свои посягательства на китайское национальное единство.

Советская тактика предполагала двойной уровень лицемерия. В 1919 году Ленин отказался от всех царских территориальных претензий к Китаю и от экономических концессий. Историк Гарольд Виначе описывает в общих чертах последовавшее за этим предательство («История Дальнего Востока в современном мире», Нью-Йорк, 1941): «Методы, применяемые Иоффе и его преемником Караханом, были следующими: (1) играть на струнах контраста между западным капиталистическим империализмом и неимпериалистическими целями новой (sic) России; (2) Стравливать Китай и Японию на переговорах с обоими; (3) обрабатывать китайскую интеллигенцию, обеспечивая ей поддержку и используя затем эту поддержку для оказания давления на китайское правительство; и (4) установить контакт с Кантоном, местопребыванием властей Гоминдана, и использовать его в качестве рычага давления (на правительство) в Пекине».

К моменту смерти Сун Ятсена в марте 1925 года, коммунисты уже были в состоянии прибрать к рукам центральную партийную машину Гоминдана. И единственной силой, способной противостоять им, был Чан Кайши, который завоевал поддержку некоммунистических профсоюзов, могущественной китайской диаспоры и современного среднего класса в городах. В 1926 году Чан мог с помощью дворцового переворота свалить красную власть в Гоминдане, хотя и поддерживал внешне сердечные отношения с Бородиным. И тут советская высокая стратегия в Китае вдруг резко изменилась.

До сих пор русские противились «северной экспедиции» – кампании против милитаристов в Северном Китае для расширения влияния Гоминдана, и торопили с объединением Китая, ибо русские боялись, что если кантонское правительство станет слишком могущественным до того, как стать полностью коммунистическим, оно может уйти из-под их контроля. Но после успехов Чана Бородин принялся торопить с «северным походом» – мечтой Сун Ятсена с 1917 года.

Чан играл на руку Блюхеру. Пока Чан, следуя кампании, спланированной Блюхером, начал покорение северных территорий, Бородин и коммунисты вновь консолидировали свою власть в Кантоне. И пока Чан отсутствовал, его сместили с поста главнокомандующего гоминдановской армией и вывели из членов постоянного комитета, управлявшего партией.

Но, победив в военной кампании, Чан вернулся, чтобы перейти свой Рубикон. Гоминдан был расколот, и Чан преодолел этот раскол, изгнав коммунистов со всех властных постов. Он перебрался в Шанхай, захватил город и принялся безжалостно истреблять коммунистов, пытавшихся нанести ему удар в спину. К 1928 году Чан фактически завершил объединение Китая, основав столицу в Нанкине и подав в отставку со всех военных и гражданских постов. Однако коммунисты продолжали оставаться страшной угрозой единству и мирному развитию Китая. Изгнанные из городов, они перебрались в сельские районы, придав ленинизму сельскохозяйственный уклон. Мао Цзэдун занял господствующее положение в коммунистической партии, а Лу Синь, настаивавший на военном нападении на городские центры, вернулся в Москву.

Таков был Китай, который приветствовал Одзак Ходзуми. Шанхай все еще трясло при воспоминании о чистках, проведенных Чаном, и для убежденного марксиста, каковым был Одзак, новое китайское государство казалось омерзительным. На фоне триумфов Чана он смог лишь написать: «Недавняя народная революция, породившая национальное правительство в Нанкине, вместе с тем принесла с собой и мощную волну коммунистических настроений». Хотя по общему мнению, настроения эти были свойственны в основном для международных сеттльментов, к тому времени уже кишевших советскими агентами. Одзак смог также написать об усилении западного влияния: «Пресловутый знак «Собакам и китайцам вход воспрещен» в парке на Шанхайской набережной снят, но англичане по-прежнему здесь истинные хозяева».

Работая в Шанхае в качестве корреспондента, Одзак поддерживал контакт с самыми левыми группами в городе – со студентами и коммунистами, ушедшими в подполье. Время от времени он публиковал свои статьи под псевдонимами в журнале левой литературной группы – творческого общества Sozo Sha, а также встречался с коммунистически настроенными японцами – студентами Восточно-Азиатской школы сценаристов, и при всяком удобном случае посещал книжный магазин «Zeitgeist» (Дух времени), расположенный во французском сеттльменте. Этот магазин, центр коммунистической активности, держала миссис Ирэн Вайдмейер. Осенью 1929 года центр Вайдмейер представила Одзак Агнес Смедли, в то время представлявшей газету «Франкфуртер

цайтунг» на Дальнем Востоке.

Эти двое – Одзаки и Агнес – стали близкими друзьями и вскоре признались друг другу в своих коммунистических симпатиях. И сначала из журналистской солидарности, а потом и с ясным пониманием того, кто в конце концов будет получателем, Одзаки давал мисс Смедли информацию, которую узнавал в процессе своей журналистской работы. В основном это были сведения, беспечно выбалтываемые знакомыми журналистами из «Асахи», и которые Агнес Смедли была совсем не против узнать.

В 1930 году Кито Гиничи, японец, член американской коммунистической партии, получивший назначение в Шанхай, неожиданно позвонил Одзаки в офис. Кито спросил Одзаки, не хотел бы он встретиться с американским журналистом по имени Джонсон? Одзаки знал, что Кито – коммунистический агент, и потому догадывался, что приглашение означает нечто большее, нежели светскую вечеринку. Отделавшись от Кито, он решил посоветоваться с Агнес Смедли. Резко, что было вообще характерно для ее манеры, и с легким оттенком страха в голосе, мисс Смедли предостерегла Одзаки от упоминания имени «Джонсон» в дальнейшем.

Однако через несколько дней Агнес Смедли сама подняла тему «Джонсона». Она могла бы представить их друг другу, сказала она Одзаки, и вскоре в ресторане на Нанкин-роуд был устроен обед. В назначенное время Одзаки был в ресторане. Через несколько минут появилась Агнес и присоединилась к нему. Недолгое ожидание, и вот в ресторан вошел высокий коренастый мужчина. Внимательно осмотревшись вокруг, направился к их столику и приветствовал их на английском языке с грубоватым европейским акцентом. Ходзуми Одзаки встретился с Рихардом Зорге.

ГЛАВА 4

КОМИНТЕРН ДЛЯ 4-ГО УПРАВЛЕНИЯ

Интересно отметить неожиданную немногословность показаний Рихарда Зорге, когда он переходит к описанию периода 1925 – 1929 годов в своей шпионской деятельности. Его сдержанность можно объяснить не только желанием быть ближе к делу – он был куда пространней в описаниях своих ранних лет. Похоже, что Зорге знал, что эта эра – одна из опаснейших в истории Коминтерна – была такова, что «охотники за ересью» вполне могли найти свидетельства его идеологических слабостей, независимо от того, какую позицию он тогда занимал. Японцы не собирались проследить жизнь Зорге со всеми ее европейскими промахами. Они не требовали от него многих фактов, и он позволил себе посвятить лишь несколько абзацев описанию этого периода его жизни.

Слегка коснувшись вопросов становления Коминтерна как организации, Зорге фактически проигнорировал этот богатый период его жизни:

«С течением времени росла необходимость дополнять предварительно полученные данные информацией из первых рук, добываемой агентами разведывательного отдела, действовавшими во всех странах и во все времена (писал Зорге). Длительное время была распространена практика посылки спец. эмиссаров из орготдела штаб-квартиры Коминтерна на помощь местным партиям в решении стоящих перед ними проблем, и вскоре было принято решение расширить их функции, включив в них и разведывательную работу.

В соответствии с этой политикой я был послан в Скандинавские страны, чтобы заняться разведывательной деятельностью – как в отношении положения дел в местных коммунистических партиях, так и политических проблем, а также любых вопросов военного характера, которые могли бы возникнуть. Я начал свою деятельность в Дании, заняв, согласно инструкциям, позицию активного руководителя, действовавшего наряду с другими партийными руководителями, и посещая съезды и собрания, бывая в основных партийных организациях страны.

Когда время позволяло, я вел также и разведывательную работу, интересуясь экономическими и политическими проблемами Дании и обсуждая свои наблюдения и открытия с партийными представителями, включая их мнения и оценки в отчеты, которые я посылал в Москву. Затем я из Дании отправился в Швецию, чтобы и там подобным же образом изучать местные проблемы.

(Вернувшись в Москву) в 1928 году, я принял участие в работе полит. комитета на II Всемирном конгрессе Коминтерна, а после конгресса вновь отправился в Скандинавию, на этот раз в первую очередь из-за тяжелой ситуации, сложившейся в компартии Норвегии... Всевозможные партийные проблемы серьезно осложняли мою разведывательную деятельность в экономической и политической областях. Поступил приказ отправиться в Англию, где мне велено было заняться изучением рабочего движения, положения в коммунистической партии, а также политических и экономических условий в Британии в 1929 году. Инструкции предписывали мне оставаться в стороне от внутрипартийных споров, что полностью совпадало с моим личным желанием и давало мне возможность уделять больше внимания политической и экономической разведывательной работе, чем это было в Скандинавии». (Зорге ошибся – VI конгресс.)

Это восхитительно уклончивое описание, возможно, и удовлетворило японские власти, но все это не более, чем слова. Между 1924 и 1927 годами, когда Зорге напряженно работал в коминтерновском центре в Москве, Советский Союз и все коммунистические партии в мире сотрясала борьба титанов – Сталин объединился с Зиновьевым, главой Коминтерна, чтобы сокрушить Троцкого. А когда Троцкий был убран с дороги – выслан в Алма-Ату, – Сталин объединился с Бухариным, чтобы изгнать Зиновьева. Сцена для московских процессов была установлена в отеле-люкс, где руководителей Коминтерна из других стран держали в изоляции во время их пребывания в Москве, проводя тайные консультации для «чистых» иностранных коммунистов, в то время как «нечистые» – те, кто находился в опале из-за поддержки антисталинских фракций, – пребывали в смятении и страхе, надеясь вернуть милость.

На московских улицах поднимался мятеж в защиту Троцкого: состоялись тысячи полуподпольных встреч и собраний в его поддержку, о которых известно было тайной полиции, опасавшейся, однако, что-либо предпринимать. В других крупных городах имели место серьезные беспорядки, когда русские коммунисты пытались дать отпор грядущей диктатуре Сталина – идеологического наследника Ленина. Делегаты конгресса Коминтерна и лидеры зарубежных компартий, планируя из Москвы и обратно, надеялись с помощью лести и жалоб обеспечить поддержку своим фракциям со стороны Сталина. Левые оппозиционеры, хотя и не во всем согласные с Троцким, но выступили против Сталина, стоявшего за сохранение прежнего контроля над местными компартиями со стороны коминтерновского аппарата. Но даже там, где они имели большинство голосов, сталинская тактика нажима с использованием рычагов партийной машины обрекла их на поражение.

Как коминтерновский бюрократ, Зорге мог наблюдать эту борьбу за власть в России. Он был

достаточно незначительной фигурой, чтобы позволить себе оставаться вне линии огня в разгоревшейся борьбе между Сталиным и старыми большевиками, но и он должен был весьма искусно лавировать, поскольку многие второстепенные служащие Коминтерна бывали изгнаны и за куда меньшие ереси. Зорге, как и большинство немецких коммунистов, склонялся на сторону левых оппозиционеров и Троцкого, но оказался достаточно проницательным и хитрым, чтобы приспособиться к требованиям момента. Он был солдатом, присягнувшим на верность партийной дисциплине, и будучи в Москве, скрывал свои истинные симпатии, точно так же, как позднее скрывал их в Токио.

Когда его послали в Англию и Скандинавию, его целью было не только наладить сбор военной, политической и экономической информации, но и в равной степени чистка компартий от левой оппозиции. В Англии, кроме того, перед ним стояла куда более трудная задача – восстановление британской компартии. Расколота левым и правым фракционизмом, она понесла также большой урон после налета полиции в мае 1927 года на «Arcos Ltd.» – русскую торговую компанию в Лондоне, во время которого британская полиция обнаружила дискредитирующую информацию, убедительно доказавшую, что советские агенты пытались красть британские военные секреты, а советские официальные представители в Лондоне куда больше времени посвящали созданию сложностей для Великобритании и ее колоний, нежели развитию торговли между двумя странами.

Получив задание склеить то, что разбилось, Зорге сделал все, что было в его силах. Но 1927 год оказался плохим годом для Советского Союза. Коммунистов повсюду ловили на том, что они были заняты чем угодно, только не освобождением человечества от золотых цепей капитализма. Во Франции члены муниципальных советов и члены партийного секретариата попались на шпионаже. Жак Дорио, ставший позднее нацистом, был арестован и заключен в тюрьму за революционную деятельность во французских колониях.

Сильнейшим ударом для Сталина и Коминтерна стали новости из Китая. Через неделю после того, как российский лидер публично похвалил Чан Кайши и обменялся с ним портретами, Чан начал чистку Гоминдана от коммунистов. Тысячи их были убиты во время бойни в Шанхае. Еще тысячи – в Ухани. А когда по приказу Сталина китайские коммунисты провозгласили Кантонскую коммуну, бросив тем самым вызов Чану, они были также истреблены. Достижные Москвы новости были столь ужасны, что некоторое время казалось, что сталинский политический режим вот-вот рухнет. И лишь отсутствие согласия между троцкистской группой и другими левыми оппозиционерами спасло Сталина от поражения. Сталин отступал по всем фронтам, и его политические враги вполне могли бы покончить с ним раз и навсегда. Китайская коммунистическая революция потерпела сокрушительное поражение – и китайская компартия уцелела лишь благодаря гению Мао Цзэдуна и других «красных» дилеров Китая. Коммунисты в Москве видели лишь кровоточащие останки от обещанной им победы.

Таковыми были времена, в которые жил Зорге и которые так скупно описал, позволив себе лишь осторожно включить в свое «признание» похвалу в адрес коминтерновских функционеров – Лозовского, Мануильского, Пятницкого и Куусинена, которые продолжали поддерживать жизнь в умирающем Коминтерне, в то время как творцы русской революции уничтожали друг друга. Эти люди защитили Зорге, когда ЦКК – комитет по надзору за мыслями и комитет по террору – воспользовалась просчетами Троцкого и принялась за чистку рядов левых оппозиционеров с помощью взяток, подкупа и шантажа, а также долгих страшных допросов, подавлявших волю и способность к борьбе.

Есть некоторые основания предполагать, что у Зорге не было склонности к фракционизму, заплонившему Коминтерн. Докладывая о результатах своей английской миссии Куусинену, возглавлявшему коминтерновскую разведку и оргбюро, Зорге пожаловался, что необходимость вмешиваться в партийные ссоры серьезно осложняла его шпионскую деятельность.

«Я высказал следующие основополагающие предложения, – писал Зорге в своем «признании», – что, выполняя разведывательную программу, следует держаться подальше от внутренних склонок, контролируя местные партии... Такое разделение, сказал я, было также настоятельно необходимо из-за требований секретности, зачастую необходимых в разведывательной работе. По возвращении в Москву агентов-шпионов, работавших в зарубежных странах, необходимо было бы держать более обособленно от остальных организаций Коминтерна, чем это было в прошлом». Зорге воочию видел слабость коминтерновского аппарата во время своих миссий в Скандинавию и Англию. Так, например, чтобы передать информацию, он вынужден был перепоручать ее местным компартиям и их собственной курьерской службе, и потому зачастую с материалами чрезвычайной важности ему приходилось возвращаться в Берлин, чтобы самому увериться в надежности передачи. Он понял, что единственным решением в этой ситуации было бы создание шпионского аппарата, действующего по линии военной разведки.

Была у него и куда более тонкая причина практического характера требовать разделения коминтерновской и чисто шпионской деятельности. Сидя в Москве и наблюдая, как сталинская машина приобретает все большую и большую власть, Зорге понимал, что Коминтерн, как независимая коалиция коммунистических партий, обречен. «На примере моей карьеры можно

проследить, как менялось руководство революционным рабочим движением со стороны... Коминтерна, – вынужден был написать он, оглядываясь назад. – ...Раньше руководящая секция Коминтерна была независима во всех отношениях... Она консультировала в том числе и руководителей русской коммунистической партии... Ныне руководители Коминтерна не могут позволить себе действовать независимо от русской коммунистической партии... как они когда-то действовали, в годы зиновьевского руководства Коминтерном». А русская партия, как это хорошо знал Зорге, это и русское правительство, и Советский Союз.

Руководству Коминтерна не понравились предложения Зорге по разделению полномочий, и оно не одобрило их. Однако Коминтерн более не контролировал ситуацию. Зато 4-е Управление Красной армии (разведка) сразу же обратило внимание на мысль Зорге, ибо в Китае оно предоставило несколько своих лучших людей в распоряжение Коминтерна и при отступлении красных эти люди были уничтожены. И теперь разведке требовались люди, которые не были бы открыто связаны с коммунистическими функционерами и, укрывшись за поддельные мандаты и занятия, могли бы заниматься исключительно шпионской деятельностью и благополучно пережить любые изменения общественного мнения по отношению к коммунистам, т. е. могли бы перенести все, кроме одного – разоблачения.

Как только предложения Зорге дошли до руководства Красной армии, 4-е Управление немедленно перевело его под свою юрисдикцию, и сам Зорге так никогда и не узнал доподлинно, был ли он членом оргбюро Коминтерна, или же оперативником НКВД, или же просто членом Советской коммунистической партии, отданным на время Красной армии. Однако с того момента в 1929 году, когда он был передан в 4-е Управление, ему пришлось прекратить всяческие контакты с «официальными» коммунистами. Будучи в Москве, он тайно навещал Пятницкого, Куусинена и других функционеров, но контакты эти были светскими и – неофициальными.

«Я начал готовиться к разведывательной деятельности в своем номере в отеле или в домах различного местоположения (предпочтительнее не в штаб-квартире местной компартии)... Свои отчеты я посылал в... 4-е Управление, которое снабжало меня всеми техническими средствами (телеграфная связь, радисты) и оказывало другую помощь, необходимую в моей работе».

Зорге приступил к вербовке в Европе других агентов-шпионов, выискивая их среди паствы сочувствующих и партийных симпатизантов и отбирая среди надежных коммунистов. Его обаяние и интересная внешность оказались сильным оружием при вербовке женщин, и личный подход зачастую оказывался столь же эффективным, как и идеологический. Именно тогда Зорге завербовал Геду Мэссинг, ставшую впоследствии женой Герхарда Эйслера, и представил ее Игнасио Рейссу, одному из высокопоставленных представителей Красной армии в Европе.

Но Зорге интересовал Дальний Восток. Катастрофа в Китае убедила его в том, что именно здесь и находилось то место, где он мог бы действовать наиболее эффективно и где его таланты пригодились бы более всего. С немецкой дотошностью изучив этот регион, он попросил о назначении его в Китай. Просьба его была немедленно удовлетворена.

Последовали встречи с генералом Берзиным, главой разведки Красной армии, с членами коллегии Министерства иностранных дел и с некоторыми высокопоставленными руководителями Коминтерна, прежде чем Зорге получил задание: собирать всю возможную информацию о японской деятельности, намерениях, боевых порядках и операциях в Китае. Была и второстепенная задача – сообщать обо всем интересном, с чем он столкнется.

В январе 1930 года Рихард Зорге прибыл в Шанхай. У него было ненадежнейшее из прикрытий – удостоверение корреспондента немецкого социологического журнала. Однако в Шанхае, набитом под завязку шпионами, пропагандистами, искателями приключений, авантюристами и идеалистами, этого было вполне достаточно.

ГЛАВА 5

ШАНХАЙСКОЕ ДЕЙСТВИЕ: «КРАСНЫЙ» ВАРИАНТ

В конце 20-х – начале 30-х годов Шанхай напоминал съемочную площадку своим смешением языков, грозными призраками прекрасных авантюристов, сексом, политиками и полуночным террором. Но в фокусе нашего повествования – значительные события, происходившие за шумом и трескотней туземных районов города, среди дорогих витрин, широких авеню и относительного порядка международных сеттльментов, где истинные хозяева Китая раскручивали маховик своего бизнеса. Ибо коммунистические агенты, приехавшие в густонаселенный город, попрятали свои плащи и кинжалы в укромных местах и переоделись в одежды прозаических бизнесменов, газетчиков и усердных благодетелей рода человеческого. Мизансцена, возможно, была экзотической, но сами коммунистические агенты действовали в Шанхае с тем же успехом, что и в Вашингтоне.

Небольшая армия этих агентов была послана 4-м Управлением Красной армии, Коминтерном и другими придатками советской системы подрывной деятельности. И в то время как китайские коммунисты и их разрозненные армии, ведомые Мао Цзэдуном, ушли в сельские районы страны зализывать раны и готовиться к грядущим битвам, их белые товарищи прикрывали береговую линию. Советские агенты, обосновавшиеся вдоль всего побережья Китая, сглаживали свои марксистские разногласия. Они больше не призывали к революции. Их миссия – быть глазами и ушами советского Министерства иностранных дел. А пропаганда и агитация составляли лишь малую толику их работы – так, поверхностная активность, которая вела к образованию таких организаций, как Китайская лига гражданских прав под началом Агнес Смедли или Всекитайская конфедерация труда.

Все они вдохновлялись и финансировались Вилли Мюнзенбергом, создателем методики функционирования коммунистического фронта.

Головной организацией для многих коммунистических ячеек и параллельных групп, процветавших в Шанхае, был секретариат Всетихоокеанского торгового союза (PPTUS), находившийся под контролем Коминтерна. Подобно многим коминтерновским отпрыскам, действовал он, не очень-то оглядываясь на родителя – Дальневосточное бюро, расквартированное в Берлине. Впоследствии эта штаб-квартира избежала гитлеровского террора, разделившись, подобно амебе, на две половинки – одна отправилась во Владивосток, другая – в Шанхай.

Всетихоокеанский торговый союз действовал в Китае на двух уровнях. Первый – организационный. Зорге описал его как поставщика «связных и шифров для связи с Нью-Йорком, Лондоном и Москвой». В своем признании Зорге посвятил несколько страниц собственным попыткам размежевать китайских коммунистов, другие группы и пропагандистские фронты. Сам он при этом действовал как хозяин, посещая шпионских сановников и прелатов и контролируя пеструю толпу разнородных оперативников.

Второй уровень – политический: подрывная деятельность, шпионаж, агитация. Между функциями Коминтерна, 4-го Управления и советской компартии в Китае не было четко проведенной демаркационной линии. В признании Зорге посвятил несколько страниц описанию своих попыток разграничить оперативные границы каждого аппарата, но тщетны были его старания. Все три организации работали независимо друг от друга, и в то же время вместе, с доминирующим организационно Всетихоокеанским торговым союзом и 4-м Управлением Красной армии во главе с генералом Берзиным, руководившим непосредственно шпионской деятельностью. Сам Зорге, хотя и получал приказы из 4-го Управления, являлся также и «главой Дальневосточной группы секретного отдела ЦК КПСС».

Основанный в 1927 году, Тихоокеанский торговый союз возглавлялся рядом высокопоставленных коминтерновских агентов. Первым его руководителем, «избранным» в момент рождения этой организации, был Эрл Браудер, которого в 1929 году сменил Герхард Эйслер, посланный в Китай с заданием выкорчевать троцкизм, пышно расцветший после кровавого поражения китайских сталинистов. В свою очередь Эйслера сменил другой немец, Артур Эверт, который в конце концов оказался в бразильской тюрьме как подпольный лидер подавленного коммунистического путча 1935 года. Преемником Эверта был Юджин Деннис, действовавший под псевдонимом Пол Уолш. Дальневосточное бюро ежегодно вливало по полмиллиона долларов в казну Тихоокеанского торгового союза, и сумма эта прирастала еще и прибылями от «законного» бизнеса, такого, как, например, огромная экспортно-импортная фирма, основанная комитетом в Шанхае.

Постоянный офис Коминтерна также находился в Шанхае, и функции его были в той же степени политическими, как и у самого Коминтерна. Представляя всемирную коммунистическую организацию, этот офис должен был проводить в жизнь «Тезисы о революционном движении в колониях и полуколониях», основную часть доктрины, провозглашенной на VI Всемирном конгрессе Коминтерна в 1928 году. Пункт 4 этой дерзкой и, по сути, новой программы для Китая, призывал к

«свержению милитаристов и Гоминдана». Эйслер был связан с этим филиалом Коминтерна, но руководили им сначала Поль Рутг (псевдоним «Хиллари Ноуленс», псевдоним «Вандеркрайзен» и еще – 10 других имен. Он снимал четырнадцать квартир и имел по крайней мере семь банковских счетов в банках Шанхая) и Карл Лессе, лишь однажды фигурирующий в рассказе Зорге. Эта коминтерновская группа фактически являлась связной между Москвой и китайской компартией.

В Шанхае также действовала и группа Красной армии под руководством генерал-майора Тео (псевдоним «Фролик»), которая установила связь с китайской Красной армией. Группа Тео находилась в тесном контакте с аппаратом 4-го Управления в Харбине, занимавшимся политической и военной разведкой под началом Гломберга-Отта. Харбинская секция служила также в качестве почтового ящика для других шпионских групп, действовавших на территории Китая, а поначалу и для Рихарда Зорге, пока для быстрой передачи данных в Москву не была приспособлена радиосвязь.

Задолго до того как Зорге получил назначение в Шанхай и на Дальний Восток, там уже существовала крупная и достаточно активная группа, выступавшая в качестве связного между Шанхаем и харбинским аппаратом. Руководил ею американец «Джим», а в состав ее входил и американский вице-консул в Харбине Тичо Лиллестром. В группу «Джима» входили исключительно белые, и если в прибрежных городах она могла действовать без особых затруднений, обманывая обитателей иностранной колонии, то среди японцев и китайцев это было невозможно.

В апреле 1929 года, менее чем за год до прибытия Зорге в Шанхай, членом этого аппарата стал Макс Клаузен, крупный немец плотного сложения, не обладавший ни великим интеллектом, ни хитростью и коварством, но знавший, однако, почти все о радио. Он мог передать информацию, установить передатчики и держать все их отдельно, в разобранном виде. И столь велико было его искусство, что в токийские годы он сумел соорудить достаточно малый передатчик, чтобы его можно было поместить в портфель, но при этом столь мощный, что сигнал доходил до Сибири.

Во многих отношениях он сильно отличался от Зорге и Одзаки, будучи сыном бедного лавочника и получив минимальное образование на одном из небольших островов близ земли Шлезвиг-Гольштейна, где он родился. Когда мальчик подрос, он пошел учиться ремеслу к местному кузнецу, по вечерам посещая ремесленную школу, где неожиданно обнаружил огромные способности к технике. В 1917 году его призвали в армию и направили в радиочасть немецких войск связи на Западном фронте.

«В годы моей ранней юности, – признавался позднее Клаузен, – у меня не было интереса к политике, но попав в армию, я встретил там много солдат, особенно среди своих непосредственных начальников, буквально пропитанных коммунистическим мировоззрением и занимавшихся коммунистической пропагандой. Армейская жизнь... благоприятствовала распространению этой доктрины». А окончательно обратил его в коммунистического симпатизанта кузнец, в мастерскую которого Клаузен вернулся после войны.

Дрейфуя от работы к работе, Клаузен добрался до Гамбурга, где в 1921 году и стал матросом. Портовые города в те времена были «красными» центрами Германии, и в Союзе моряков продолжилось обучение Клаузена. Безработица, политический переворот и послевоенные отчаяние и безысходность – все убеждало Клаузена в том, что коммунизм – единственный выход, а Россия – рай для рабочих.

В 1927 году Клаузен обратился с просьбой о приеме в Германскую компартию. Но к его досаде, пишет он, «мое заявление не кинулись рассматривать немедленно». В течение шести месяцев партия проверяла его, а сам он занимался агитацией и пропагандой среди матросов, пока, наконец, «экзамен», проведенный Карлом Лессе, в те времена главой контролируемого коммунистами германского Союза моряков, окончательно не решил вопрос о членстве Клаузена.

После этого не прошло и года, а Клаузен уже был на полпути к Москве, получив назначение в 4-е Управление Генштаба Красной армии, где после краткого введения в теорию марксизма получил приказ на марш.

«Секретарь генерала Берзина выдал мне 150 американских долларов и билет от Москвы до Харбина и приказал установить контакт с товарищами в Шанхае. Он показал мне фотографию и сказал, что я должен встретить человека, изображенного на ней, который будет приходить в шанхайский Палас-отель каждый вторник в 5 часов вечера. При этом я должен буду держать газету «Шанхай ивнинг пост» в левой руке и трубку – в правой, и когда товарищ скажет мне: «Как Эрнэ?», я должен ответить: «Шлет свой привет».

В апреле 1929 года Клаузен связался с «товарищем» – Константином Мишиным, который отвел его в дом № 10 по Рю Доу во французской концессии. Здесь находились жилой дом, школа и мастерская для двух человек. В качестве прикрытия Клаузен использовал работу в автомастерской «Белый Русский», в свободное же время выслушивал длинные и насыщенные полезной информацией инструктажи от Мишина. Первым заданием Клаузена стало собрать мощный коротковолновый

передатчик и установить радиосвязь с другой станцией с позывными «Висбаден», расположенной, вероятно, в Хабаровске. Передаваемые тексты писались на немецком или английском языке и перед отправкой шифровались.

Когда Клаузен выполнил это задание, ему было велено собрать комплектующие части для другого передатчика и передать их французскому дипломату для тайной переправки в Харбин. В августе 1929 и самого Клаузена послали в Харбин, где в отеле «Модерн» его встретил курьер, представивший его шефу советских агентов в Харбине Гломбергу-Отту. Спустя несколько дней Гломберг-Отт «пришел один и попросил меня отнести мою рацию в частный дом, принадлежавший американскому вице-консулу Лиллестрому – я решил, что это американский швейцарец».

В доме Лиллестрома Клаузена представили другому американцу, который вскоре ушел. «В течение последующих десяти дней я был занят установкой радиопередатчика. Я сделал все так, чтобы Гломберг-Отт мог сразу начать отправлять в Москву сообщения, касающиеся китайской армии».

Вернувшись в Шанхай, чтобы продолжить работу в качестве связного группы, Клаузен переехал из дома Мишина в меблированные комнаты с пансионом. Среди обитателей этого дома была и Анна Валлениус, 31-летняя вдова. В Шанхай миссис Валлениус прибыла со своим ныне покойным мужем как беженка из Советов, и хотя она и приходилась невесткой генералу Мартти Валлениусу из генштаба финской армии, денег у нее было совсем немного. После смерти мужа она поначалу зарабатывала на жизнь в качестве белошвейки, а затем устроилась медсестрой в Шанхайскую инфекционную больницу. Обращение, которому она подверглась, находясь в руках большевиков, и ее нынешние стесненные обстоятельства сделали ее непримиримым врагом коммунизма.

Но, по иронии судьбы, Анна Валлениус влюбилась в Клаузена. Он, судя по всему, хороший автомеханик, неплохо зарабатывающий... И Клаузен, хотя и не был полным идиотом, но ответил на ее чувство. И хотя ее политические взгляды были прямо противоположны его убеждениям, как и убеждениям всего шпионского аппарата, Клаузен жил с ней и в конце концов женился на ней, не поддаваясь давлению своих московских начальников, требовавших, чтобы он разошелся с Анной. В показаниях, данных в японской полиции, он говорил о жене пренебрежительно, да и она говорила о муже достаточно зло и враждебно. Но Анна никогда не предавала его. Она отправлялась вместо мужа на несколько опасных заданий и свою ненависть к коммунизму выразила одним, но очень важным, способом: у Макса и Анны не было детей – Анна категорически заявила мужу, что никогда не принесет в мир ребенка от советского агента.

В январе 1930 года «Джим» передал Клаузена недавно приехавшему Рихарду Зорге. За процедурой, которая последовала, как всегда скрытный и молчаливый «Джим», царь и бог подполья, просто сказал Клаузену: «Твой друг остановился в Анкор-отеле и хотел бы тебя видеть. Ему удобно встретиться около 10». Этим другом был Джозеф Вейнгард, которого Клаузен знал еще в Германии. А через неделю Вейнгард привел Клаузена в другой отель, чтобы «встретиться с человеком, который хочет видеть тебя». Человеком этим был Рихард Зорге. В шпионской карьере Клаузена наступил звездный час. В течение года Зорге стоял во главе всех операций в Шанхае, а Клаузен был шефом радиоподразделения.

ГЛАВА 6

ЗОРГЕ ЗА РАБОТОЙ

Гигантская волна забастовок в Китае уже пошла на убыль, когда Рихард Зорге прибыл в Шанхай, чтобы приступить к выполнению своего задания. Кули, работавшие во французской концессии и международных сеттльментах, похожие на взбесившуюся, сокрушающую все на своем пути машину в попытке сбросить груз белого человека со своих спин, были приведены в чувство китайскими промышленниками, уже почувствовавшими издержки беззакония на своих кошельках. Поначалу эти туземные индустриализаторы поощряли забастовку, предвидя удешевление стоимости рабочей силы, если «белый» бизнес будет изгнан из Шанхая. Но это соединение алчности и «патриотизма» на деле оказалось самоубийственным, и китайцы наконец заставили кули вернуться к работе. Шанхай успокоился до уровня своего обычного бурления.

Прибыв в город сразу вслед за вспышкой гражданской ярости и насилия, Зорге вскоре должен был оставить его. Измученный город вновь был охвачен военным насилием. Однако шанхайский инцидент, предвестник тотальной японской войны в Китае, сделал миссию Зорге вдвое более важной для его хозяев в Москве, что в конечном итоге и привело его в Токио – к успеху и тюрьме Сугамо.

В своей суховатой, немногословной немецкой манере Зорге описывает новую работу под заголовком «Шпионская деятельность журналистов в Китае между январем 1930 и декабрем 1932 г. А. Организация китайской группы».

«Я приехал в Китай с двумя сотрудниками-иностранцами, которые передавал и мне приказы и распоряжения, полученные от 4-го Управления Красной армии. Единственным человеком в Китае, на которого, как я знал, могу положиться, была Агнес Смедли. О ней я впервые услышал еще в Европе. Я настоятельно просил ее о помощи в организации моей группы в Китае и особенно в подборе сотрудников-китайцев. Я старался как можно чаще встречаться с ее молодыми друзьями-китайцами, предпринимая специальные попытки поближе познакомиться с теми, кто добровольно хотел бы сотрудничать со мной и работать на иностранцев из-за своих левых убеждений».

Через Агнес Смедли Зорге мог также вербовать белых и японцев. Она же служила и своего рода связным для контактов с теми людьми, с которыми Зорге не мог или не считал для себя возможным встречаться лично.

Миссия Зорге изначально базировалась на уверенности, что «события на Дальнем Востоке неизбежно приведут к серьезным последствиям в великих европейских державах и в Соединенных Штатах, и могут привести к кардинальному изменению существующего баланса сил». В 1945 году Дж. Пауэлл и Д. Истмен сформулировали это более кратко, заявив, что «судьбы мира поставлены на карту в Китае». В 1951 году генерал Макартур рискнул карьерой и репутацией, чтобы сделать этот факт предельно ясным для упрямого, одержимого политикой и «красным» влиянием Госдепартамента времен Трумэна – Ачесона. Что касается Зорге, то еще в 1930 году он осознал важность Дальнего Востока – и получил полное одобрение Москвы. И Зорге оказался прав – он был реалист. А Госдепартамент был неправ – он замечтался.

И в то время как американские дипломаты в Китае приступали к сочинению длинных и энергичных апологий в защиту «аграрных реформ» и «так называемых коммунистов», у Зорге уже был ясный и определенный мандат на то, чтобы «добывать, узнавать и проникать». Обязанности его были четко сформулированы:

«Среди основных вопросов, ответы на которые мы пытались найти с помощью нашей шпионской деятельности, – писал он, – были, например, следующие: какие слои народа поддерживали нанкинское правительство? Какова истинная природа изменений, происшедших в социальной базе правительства? Отношение интеллектуалов было различным, но с расширением правительственных бюрократических структур некоторые из интеллектуалов становились правительственными чиновниками».

Его обширные отчеты, представленные с конца 1930 и до середины 1932 годов, служили основой для осторожного обхаживания этих классов, особенно правительственной интеллигенции. В конце концов, эти самые люди, неуклонно поднимавшиеся во все более и более высокие эшелоны власти в Гоминдане, и внесли бесценный вклад как в падение националистического правительства Китая, так и в убеждение наивных американцев в том, что именно они, интеллектуалы, и есть самая беспристрастная и «демократическая» оппозиция ужасному тирану, каковым является в глазах общественного мнения Чан Кайши. И когда китайские коммунисты взяли верх, все эти давнишние ниспровергатели тирании гуртом перешли на сторону «красных».

С изгнанием Бородина, Блюхера и других советников китайской национальной армии, Советский Союз утратил главный источник поступления военной информации. И потому эта область

деятельности также была передана Зорге. Его попросили собирать:

«... всю возможную информацию о различных дивизиях, поддерживаемых правительством, и о реорганизации китайской армии, проводимой немецкими военными советниками (которые были приглашены еще до эры Гитлера, чтобы вытеснить русских). Более того, нам пришлось отслеживать все перемены, происходившие как в высшем военном командовании, так и в вооружении укрепрайонов и военных соединений... Мы постепенно накапливали информацию, касающуюся т. н. дивизий Чан Кайши, оснащенных самым современным оружием, а также дивизий сомнительной надежности... Факты такого рода я получал главным образом через китайцев – членов моей группы, но кроме того важную информацию я получал лично от немецких военных советников и бизнесменов, занятых импортом оружия...

Мне (также) было приказано постоянно собирать информацию, касающуюся внешней политики нанкинского правительства... Было очевидно, что она находилась в большой зависимости от Англии и Соединенных Штатов и что с практической точки зрения подобная внешняя политика выступала в качестве платежного средства.

Было очень интересно наблюдать эту политику опоры на британскую и американскую поддержку во время шанхайского инцидента в 1932 году. Англия и Соединенные Штаты предпринимали отчаянные усилия с целью помочь нанкинскому правительству в его противостоянии с Японией».

В то же время Зорге не спускал глаз с британских и японских сделок с антикитайскими фракциями. Даже в те дни Великобритания «использовала Гонконг как базу для маневров» против Чан Кайши – то есть проводила политику, которая и увенчалась успехом в 1950 году, когда «антикоммунистическое» лейбористское правительство Англии с неприличной поспешностью признало китайское коммунистическое правительство.

Планы нанкинского правительства разрешить, наконец, извечный китайский сельскохозяйственный кризис, также входили в круг интересов Зорге. Как и вопросы промышленного развития. Китай предпринимал попытки ускоренного развития своей текстильной промышленности – и достаточно успешные, чтобы угрожать интересам японских текстильщиков. Китай также создавал новые арсеналы и обновлял старые в ответ на растущую японскую военную угрозу в Китае и Маньчжурии. «Я был в состоянии точно определить производственные возможности нанкинских и ханькоуских арсеналов, получая официальные диаграммы, стат. отчеты и другие конкретные документы. Мне также приходилось анализировать полученную информацию о китайских воздушных трассах». Эта и другая информация была поистине бесценной для китайских коммунистических армий.

От «молодого сотрудника американского консульства», из осторожности не названного, и от Агнес Смедли Зорге получал информацию о роли США в тихоокеанском регионе.

«Американская деятельность в Китае, состоявшая главным образом в крупных вложениях в радиовещание и авиационную промышленность, систематически направлялась американскими бизнесменами и торговым атташе из шанхайского консульства. Соединенные Штаты развили также дипломатическую активность в связи с проблемой экстерриториальных прав и прекращением военных действий в Шанхае».

В последней области США пользовались поддержкой Великобритании, безнадежно взиравшей на дешевизну японской рабочей силы, японские методы массового производства и растущую агрессивность Японии, все настойчивее выталкивающую Англию с азиатских рынков. Однако по проблеме экстерриториальности Британия уже не была столь же активным партнером.

Зорге пророчески заметил:

«Соединенные Штаты займут место Великобритании в качестве главенствующей силы на Дальнем Востоке. И признаки этого уже появились в то время. Британская активность в Азии шла на спад, и потому СССР был поставлен в условия, когда он был вынужден придавать большее значение дипломатическим отношениям с Соединенными Штатами».

В то время, когда были написаны эти слова, Советский Союз уже был «союзником» Соединенных Штатов, но в период, о котором идет речь, президент Рузвельт еще не признал Россию; соглашение Халл – Литвинов, нарушенное коммунистами едва ли не сразу после подписания, пока оставалось кремлевской мечтой.

Что сделало «обсуждения» и «консультации» более неотложными – так это хладнокровное вторжение японских империалистов в Маньчжурию в 1931 году. Похоже, что это была та отправная точка в новой японской военной дипломатии, после которой и Соединенные Штаты, и Россия вдруг осознали, что появился новый растущий центр военной мощи в Азии. Американскому госсекретарю Генри Смитсону пришлось использовать все свое влияние, чтобы удержать неизменную приверженность своей страны политике «открытых дверей» – превосходный пример просвещенного эгоизма. Администрация демократов, придя к власти, выбросила на свалку эту политику с самыми

трагическими для страны последствиями.

«Прямое воздействие Маньчжурского инцидента на Советский Союз, – писал Зорге, – состояло в том, что СССР столкнулся лицом к лицу с Японией в обширном приграничном регионе, до того почти не вызывавшем вопросов с точки зрения национальной безопасности... Было также невозможно сказать определенно, пойдет ли Япония на север, в Сибирь, или же на юг, в Китай». Если японское наступление будет развиваться в сторону Сибири, тогда российская политика должна стать политикой примирения с Соединенными Штатами и Китаем – единственными возможными союзниками. Если же наступление пойдет в направлении Китая, тогда Россия сможет списать Японию как военную угрозу и попытаться отхватить для себя кусок побольше от империалистического пирога – Китая. Эта дилемма мучила Советский Союз до самой осени 1941 года. Ею же можно объяснить и колебания советской политики в отношении Чан Кайши и Соединенных Штатов. И Зорге был прекрасно об этом осведомлен. Так же, как и Сталин. А вот отцы-основатели американского послевоенного хаоса совершенно упустили это из виду в своих до-ялтинских обсуждениях.

Шло время, и деятельность Зорге в Китае сфокусировалась на Японии. «Мне пришлось выяснять истинные намерения Японии», – писал он. Через японских членов своего аппарата он принялся зондировать и исследовать эту проблему – сначала, подобно студенту, читая книги по истории, труды политиков и экономистов. Потом его агенты стали доставлять ему специфическую информацию о военной технике и японской политике, о ее целях и намерениях. Своего апогея эта деятельность достигла в годы его работы в Токио.

В таком открытом городе, как Шанхай, у Зорге не было проблем с вербовкой необходимых ему агентов. При этом сам он оставался в тени, пока Агнес Смедли «обрабатывала» кандидата, после чего следовала договоренность о встрече, кандидат осторожно прощупывался и получал задание. Ошибок не было. Возможно потому, что Смедли идеально подходила для этой работы. Ведь большую часть своей жизни она занималась конспиративной работой. Она знала почти все про суды, тюрьмы и заговоры, знала основы подрывной деятельности. Ей знакомо было и показное «мученичество» беззаветной преданности куда более негодным делам.

В 1918 году она вступила в Нью-Йорке в Индийское революционное общество, финансировавшееся правительством императорской Германии. Мисс Смедли всякий раз не могла удержаться от негодования, вспоминая, как Соединенные Штаты во время войны с бошами сочли ее деятельность несколько незаконной и заточили ее в нью-йоркскую городскую тюрьму Томбс («могила») за нарушение Закона о нейтралитете. Вскоре после подписания перемирия, обвинения против нее были сняты, но она ничего не забыла и так никогда и не смогла избавиться от чувства ненависти к своей родной Америке. И эта ненависть была обращена не только против ее страны, но и против всего человечества. Это ясно проявлялось, например, в том, что она называла «невозможностью склонить меня к сексуальным отношениям». И хотя она и имела мужчин-любовников, но предпочитала одеваться в самые мужские из одежд, какие только существовали. Так, в Китае она приспособила для себя форму бойца Красной армии и носила ее, находясь на территории, контролируемой коммунистами. Ее ранний брак завершился столь же быстрым разводом.

Оказавшись в Берлине, она возобновила отношения с индийским революционером Вирендранатом Чаттопадхайя, позднее ставшим коммунистом. Некоторое время она жила с ним, несмотря на его «малый интерес к женщинам». Не раз она оставляла его, но всякий раз возвращалась. В течение почти трех лет в 20-е годы «мое желание жить постоянно угасало и я, наконец, слегла... По целым дням я лежала в бессознательном состоянии, неспособная двигаться или говорить». Однажды она попыталась покончить с собой, но неудачно. «Больше, чем смерти, я боялась сумасшествия», – писала она в одной из своих книг. Спас ее психоанализ, уверена она.

В 1928 году она порывает с Вирендранатом, оставив его для коммунистической работы, и переходит к более захватывающим областям деятельности. Вооружившись аккредитацией от «Франкфуртер цайтунг», она уезжает в Китай. Через Москву.

Коммунистическое движение пришлось Агнес Смедли как раз по вкусу. Оно соединяло в себе интригу и конспиративную работу, которым она научилась у Вирендраната, с налетом религиозного благочестия, которое она любила. Она готова была поверить всему, что ей говорили, – при условии, что это затрагивало ее чувства человеколюбия и вызывало сердечное волнение, – а затем ясным голосом повторить во всеуслышание на весь западный мир. Так, прибыв в Харбин в первый день нового, 1920 года, она стала очевидцем подъема нового китайского национального флага над Маньчжурией, но это тронуло ее куда меньше, чем известие, которое нашептали ей в уши, о том, что китайский рабочий вынужден трудиться 24 часа в сутки, чтобы прокормить семью. С самой серьезной миной на лице она повторила это обвинение в своей книге «Боевой гимн Китая».

Лицемерие Китая и китайцев доставляло ей почти физическую боль, но она не оставляла попыток полюбить их. Не говоря на китайском и ничего не зная ни о стране, ни о народе, она сразу же принялась «авторитетно» писать о китайской политике. Если китаец был с ней любезен, она делала вывод, что это шпик из полиции. Если же он бывал с ней груб, то это был, по ее мнению, фашист из

Гоминдана. Однажды в Харбине она вошла в офис президента Торговой палаты и фактически обвинила его в торговле опиумом. А когда с китайской учтивостью он проигнорировал ее нападки и любезно осведомился о ее здоровье, она восприняла это как признание им своей вины и пример двуличия и лицемерия. Вращаясь почти исключительно среди коммунистов и их симпатизантов, она всякий раз возмущалась тем, что полиция относится к ней с подозрением. Когда однажды культурные китайцы из высших слоев общества пригласили ее на обед, она, напившись за их счет, принялась всячески оскорблять хозяев и потом продолжила бесчинства на улице, крича: «А ну-ка, выходите все сюда, и давайте набьем дом рикшами-кули! Давайте докажем, что в Китае нет классов!»

Когда именно Агнес Смедли присоединилась к коммунистическому подполью, остается неясным. Хотя она и написала о еще одной поездке в Москву в 1928 году в своей книге «Боевой гимн Китая», но так, словно это событие едва заслуживает пары предложений – немногословность, свойственная ей лишь тогда, когда ей было что скрывать. Согласно отчету шанхайской муниципальной полиции за 1929 год, Смедли получала жалованье в коммунистическом Дальневосточном бюро. И хотя местные коммунисты находились в глубоком подполье, преследуемые в ходе гигантских чисток Чана, она быстро установила с ними связь. Ее брали в места тайных собраний, она видела их пропагандистские материалы. Так, библиотекарь в Шанхае показал ей книгу, на вид – Евангелие от Иоанна, но после вводных страниц следовал коммунистический пропагандистский трактат. Она была несомненно тем, кто в коммунистическом движении зовется «особый представитель».

То, что она практически сразу после прибытия в Китай «засветилась» как агитатор и пропагандист, не означало, вопреки общепринятой теории, провала. Нет, это был сознательно спланированный курс. Ведь, выступая в роли друга китайских обездоленных, будучи объектом для систематических и злобных нападок со стороны Гоминдана и европейской прессы, она становилась ближе к тем китайцам и японцам, чьи симпатии находились на стороне Советов и их всемирной гегемонии. Задачей Агнес Смедли было заводить друзей и вербовать среди них агентов, помогая при случае местной компартии в оргработе. Она никогда не принимала обвинений в том, что люди обычно считают шпионажем – в сборе секретных документов и добывании информации путем эксплуатации доверия людей. Позднее она могла чистосердечно предъявить свое прошлое в качестве доказательства того, что она никогда не была шпионкой. Маскировка была превосходной.

Хотя, возможно, что «маскировка» – не то слово. Зорге, как и большинство членов его шанхайской группы, время от времени бывал под полицейским наблюдением, однако достаточно редко появлялись показания, которые могли бы привести к аресту. В какой-то момент, между 1935 и 1945 годами, шанхайские полицейские архивы были разграблены, и множество уличающих документов против Зорге, Агнес Смедли, Эрла Браудера, Юджина Денниса и Ирэн Вайдмейер исчезло. Но некоторые отчеты уцелели и находятся сейчас в архивах разведки Соединенных Штатов.

Несмотря на слежку – и несмотря на подозрительность, преследовавшую ее, – Агнес Смедли хладнокровно продолжала заниматься своим делом. Однажды ее арестовали, но быстро освободили. Ей было все равно. Ее псевдонимы, сначала – Элис Берд, потом – миссис Петройкос, были довольно прозрачной защитой, но и это ее не волновало. Она подолгу задерживалась в книжном магазине «Цайтгайт» на Бабблинг-уэлл-роуд, где заводила знакомства со впечатлительными радикалами. Ее контакты с инакомыслящими китайцами были бесценны для Зорге, и он использовал их на всю катушку.

Первый завербованный ею радикал, которого она привела к Зорге, оказался и самым ценным. Это был Ходзуми Одзаки. «Одзаки был моим первым и самым ценным сотрудником», – признавался Зорге. «Я познакомился с ним в Шанхае через Смедли. Наши отношения, и личные, и деловые, были превосходны. Его информация была самой точной и интересной из всего, что я получал из любого японского источника, и мы быстро подружился». Именно через Одзаки Зорге завербовал других японцев, работавших на него. Когда в 1933 году Агнес Смедли было велено создать шпионскую группу в Чунцине, она обратилась к Одзаки, уже уехавшему в Японию. И он специально приехал в Шанхай лишь для того, чтобы обсудить этот вопрос и посоветовать, кто может помочь ей в работе.

Но в Китае у Одзаки была всего лишь пора ученичества. Его день пришел позднее. Однако в Шанхае были и другие агенты, в основном китайцы, готовые перейти от Смедли в распоряжение Зорге и Москвы. Они-то и составили настоящую шанхайскую группу.

ГЛАВА 7

КОЛЬЦО ВОКРУГ ШАНХАЯ

Для большинства американцев шпионаж – это кража военных и политических секретов, а Мата Хари и Бенедикт Арнольд – прототипы всех шпионов. Хорошенькая женщина, соблазняющая генералов; призрачные фигуры, встречающиеся в темных и зловонных притонах; выстрелы в ночи и погони на крышах – все это элементы шпионажа для читателей триллеров и поклонников Хичкока. Но шаги шпионажа – неспешные и тяжелые. Эффективный шпион – это терпеливый, упорный работник; эффективный аппарат – это люди, кропотливо и старательно собирающие крупницы информации, важной и не очень, которые подобно исследователям, тщательно просеивают факты, чтобы потом сложить их воедино и получить целостную картину. Хорошая полицейская работа, хороший шпионаж – это в основном методичная, рутинная и нелегкая работа.

И как обученный оперативник, Зорге знал это. Он не пытался залезть в карман Чан Кайши или вскрыть сейф в японском консульстве. Агнес Смедли создала обширный круг друзей-китайцев – они-то и были теми, с кем Зорге осторожно начал работать. «Мне попался один, который был очень знающим, и я решил использовать его в качестве переводчика... Пообщавшись с ним два или три месяца, я кратко рассказал ему о своих целях и попросил его работать со мной». Зорге назвал этого человека «Ванг». Ванг познакомил Зорге с многочисленными друзьями и родственниками, включая и свою жену, впоследствии также присоединившуюся к группе.

«Ванг назвал мне имена своих друзей в Кантоне, когда я отправился туда на три месяца, и среди них я обнаружил женщину, урожденную кантонку, которая исключительно подходила для нашей работы. Она хорошо знала Смедли, и я... успешно завербовал ее.

Ванг приносил самую разнообразную информацию... Когда данные по своей природе требовали более подробных объяснений или отчетов, Ванг или я беседовали с людьми – источниками этой информации... С течением времени стало очевидно, что у каждого агента есть особые пристрастия к определенным темам... и мы стали примерно разбивать разведывательную работу в Шанхае на сферы с учетом индивидуальной специализации каждого агента. Агентам же в Пекине, Ханькоу, Кантоне и других городах приходилось заниматься всеми проблемами подряд. Мы часто встречались по вечерам, используя для встреч людные улицы, когда позволяла погода. Встречались и в частных домах... Я старался время от времени менять места встреч и избегал использовать в этом качестве свой собственный дом, насколько это было возможно... В Шанхае тех дней риск был не очень велик».

Отношения Зорге с японскими членами его группы были не столь просты, однако вовсе не из-за страха перед шанхайской муниципальной полицией. Дело в том, что в городе росло враждебное чувство против японцев, участились случаи нападения китайцев на японцев. Маньчжурский инцидент разжег китайский национализм, а победы Чана воодушевили китайцев, придав им смелости. Более того, коммунисты по-прежнему придерживались своей обычной тактики завоевания поддержки, вызывая беспорядки и возбуждая ярость и ожесточение.

Рихард Зорге писал, что «с японскими членами группы мы встречались в ресторанах, кафе или в доме Смедли (во французской концессии)».

«Поскольку японцам было небезопасно ходить по улицам Шанхая... то обычно я поджидал японца в Гарден Бридж у границы японского сэттльмента, сажал его в машину или сам сопровождал его до места встречи. Чтобы избежать слежки со стороны японской полиции, я почти никогда не посещал японцев в японской концессии. Однако бывали и исключения. Раз или два я встречался с Одзаки в кафе на Ханькоу. Но спокойней всего я чувствовал себя, когда мы встречались в доме Смедли, и я часто привозил туда Одзаки и других японцев... Встречи обычно происходили поздно вечером.

Я избегал ненужных частых встреч и старался проводить их с интервалами в две-три недели, насколько это было возможно. После того как Одзаки сменил другой японец, я отказался от randevu на улицах международного сэттльмента... Даты встреч, установленные заранее, всегда строго соблюдались во избежание необходимости использования почты или телефона. Бывали случаи, когда мы были в затруднении, решая, что предпринять, когда случалось что-то важное, но все равно решили и впредь не отклоняться от этого правила насколько это было возможно. Когда бы я ни встречался с японцами, я всегда делал это один, не позволяя моим зарубежным помощникам сопровождать меня. Впервые я представил японца «Полю», чтобы договориться о связи после моего отъезда из Шанхая. Мы очень редко обменивались письмами и материалами при встречах; информацию мы передавали устно (хотя бывали и исключения)».

Одзаки был способный и уважаемый журналист, надежный друг Зорге и самый ценный член шанхайской – и позднее токийской – группы. Но были в группе и другие японцы, достаточно важные агенты, чтобы 4-е Управление впоследствии пожелало вернуть их в Токио для дальнейшей работы с Зорге. Среди них было несколько коммунистов, несколько сочувствующих, несколько авантюристов,

а остальные – смесь авантюриста с коммунистом. Каваи Текиши был именно из этой категории. Он так и не закончил университет и менял одну работу за другой. В начале 1928 года он уехал в Китай и устроился репортером в «Шанхай Уикли», где ухитрился продержаться почти два года. Он открыл книжный магазин в Чунцине, а потом вновь принялся бродить с места на место. В 1939 году этот заслуженный советский агент был завербован японской разведкой, а в 1940-м вернулся в Японию и возобновил свою работу в группе Зорге.

Каваи стал коммунистом вскоре после прибытия в Шанхай, в 1928 году. До октября 1931 года он работал во второстепенной советской группе, когда встретил Одзаки, который и передал его Зорге и Агнес Смедли. Другой член группы, названный Каваи Шайн Ронин, китайский авантюрист, который хотя и был неплохим человеком, никогда не пользовался хорошей репутацией. Его понимание коммунизма было весьма «приземленным», а частная жизнь – «скандальной». Он постоянно нуждался в деньгах и часто просил у Одзаки наличными в долг.

Фунакоси Хисао появился в Шанхае в 1927 году в качестве репортера газеты «Майнити». Вскоре после этого он перевелся в «Rengo Tsushinsha», японское агентство новостей, где стал управляющим его филиалами в Ханькоу и Чунцине. Между 1935 и 1937 годами он представлял в Чунцине газету «Иомиури Симбун», а с 1938 по 1941 год был неофициальным советником в штаб-квартире японской армии в Ханькоу. Коммунистом он стал еще в 1929 году, но лишь в 1932 году его завербовал Каваи, который и передал его Зорге и Агнес Смедли. После отъезда Зорге из Шанхая Фунакоси был введен в группу «Поля». Его военные связи давали ему блестящую возможность сообщать о японских боевых порядках, передвижении войск и других вопросах, интересующих разведку.

Другим членом шанхайской группы, который позднее был переведен в Токио, был Мицуно Сиге. Молодой человек из хорошей семьи, он поддался коммунистической пропаганде, когда в 20 лет был студентом Восточно-Азиатской школы сценаристов в Шанхае. Он сразу же с головой ушел в партийную работу, организовав коммунистическую ячейку в школе, возглавив студенческую забастовку и занимаясь агитацией на улицах. Исключенный из школы, Сиге продолжил работу, неуклонно двигаясь к шпионажу. Но его бурная общественная активность слишком бросалась в глаза, чтобы не привести к беде: в 1931 году он был депортирован из Китая и вернулся в Японию.

В 1937 Сиге вновь вступил в группу Зорге в Токио, и хотя его часто арестовывали за коммунистическую деятельность, ему все же позволено было работать на должностях, дававших доступ к общественной и политической информации, представлявшей ценность для России. Одна из таких работ – сбор фактов для ежегодника, выпускавшегося молодежной ассоциацией «Великая Япония». После этой работы он смог подготовить обширные отчеты для Зорге о молодежной партии «Великая Япония», Обществе Черного Дракона и о реорганизациях в других консервативных партиях с давней политической историей. Он сумел также собрать сведения о вооружении двух дивизий, когда шла подготовка к военной кампании в Южной Азии.

В шпионский коллектив Зорге входили также европейцы и американцы. «Встречи проходили очень часто», – пишет Зорге, однако те меры безопасности, которые соблюдались в общении с другими членами группы, здесь не считались обязательными. Белые – члены группы – могли воспользоваться телефоном, чтобы назначить встречу. Они встречались в барах, ресторанах, танцзалах и в домах друзей. «Собираемые материалы и подготовленные документы мы прятали у себя в домах. Отправив сообщения в Москву, я уничтожал или возвращал все материалы, но даже при этом в нашем распоряжении всегда оставалось много документов». Если возникала какая-то опасность, «мы оставляли самые важные документы у друзей. Наши друзья не знали, какого рода документы были оставлены им на сохранение». Рассуждая типично по-коммунистически, они просто просили друзей подержать у себя бумаги.

Зорге не во всем полагался на своих сотрудников. Не удовлетворившись результатами, он «отправлялся и лично собирал все факты и материалы, которые мог достать. В Шанхае не было посольства, но я сразу же стал вхож в немецкие светские круги и там получал информацию разного рода. В этих кругах, вращающихся вокруг германского генерального консульства, я стал очень хорошо известен, и многие люди искали моего расположения. Я общался с немецкими торговцами, военными инструкторами и учеными, но самыми важными поставщиками информации были военные советники нанкинского правительства». От них, от немецких летчиков китайских военно-воздушных сил и из личных наблюдений, сделанных во время частых поездок по стране, Зорге получал массу ценной информации по внутренней деятельности нанкинского правительства, о планах по усмирению мятежных военачальников, а также по вопросам политики и экономики и о положении в японской армии в Китае.

Пока Зорге неустанно качал из своих помощников информацию, в Шанхае продолжалась обычная ежедневная подрывная деятельность коммунистического движения. Книжный магазин «Цайтгайт» Ирэн Вайдмейер, филиал международного союза революционных писателей, организованного и руководимого на расстоянии Вилли Мюнзенбергом в Германии, продолжал оставаться местом встреч для коммунистов и тех, кого им удавалось одурачить.

Эгон Эрвин Киш, агент Коминтерна, организовал Общество друзей Советского Союза, в котором Агнес Смедли была одним из видных членов. Гарольд Исаакс редактировал «Чайна Форум», нападая на империалистов и публикуя, по предложению Смедли, таких «беспристрастных» писателей, как Ходзуми Одзаки. «Хиллари Ноуленс» был арестован, когда нес компрометирующие его документы, заключен в тюрьму, подвергнут пыткам и в конце концов казнен. Исаакс и Смедли были заняты организацией Фонда в защиту Ноуленса, рыдая при этом, что шпион был схвачен по сущему вымыслу фашистской полиции, и втягивая в это дело таких ничего не подозревающих людей, как Альберт Эйнштейн и Освальд Вильярд, писателей Теодора Драйзера и Лиона Фейхтвангера, а также мадам Сун Ятсен, чтобы поддержать этот заблаговременно создаваемый коммунистический фронт. Макс (брат коммунистического функционера и писателя Майка Голда. Оба были известны как коммунисты Геде Мэссинг и другим. Позднее он редактировал «Чайна Тудей») и Грейс Грэнич, оба американцы, издававшие «Голос Китая», направленный против властей, получили помощь от американского консула Джона Винсента, когда шанхайская полиция попыталась было прикрыть их журнал. Зять Молотова, Леон Минстер, американец русского происхождения, обладатель паспорта гражданина Соединенных Штатов, держал радиомагазин, также приспособленный для нужд шпионской работы.

Да, Шанхай был веселым, беспечным и шумным городом, очень удобным для коммунистов, и Зорге наверное не хотелось покидать его, когда из Москвы пришел приказ явиться в штаб-квартиру. Но на Тихом океане назревала война. Япония была на марше. И Шанхай оказался лишь промежуточной станцией. У 4-го Управления имелось для Зорге куда более крупное, интересное, опасное и нужное задание - Токио.

ГЛАВА 8

В ФОКУСЕ - ЯПОНИЯ

«В ночь на 18 сентября 1931 года, – писал Генри Стимсон, – вооруженные силы японской империи оккупировали стратегически важные города и поселки Южной Маньчжурии... Нет нужды доказывать, что широкомасштабная война на Тихом океане, вспыхнувшая у Пёрл-Харбора 7 декабря 1941 года, явилась логическим продолжением событий, начавшихся в Южной Маньчжурии».

Значение маньчжурского инцидента, последовавшего за созданием японского марионеточного государства Манчжоу-Го, состояло не только в том, что Япония отхватила новый кусок территории. Его истинное значение заключалось в нарушении баланса сил на Дальнем Востоке. И Москва, и Вашингтон отреагировали немедленно и с глубокой озабоченностью. Из великих мировых держав одна лишь Великобритания сохраняла спокойствие и невозмутимость. Япония была ее союзником, и британский лев, как и всегда, был слишком озабочен развитием событий в Европе, чтобы беспокоиться о новой авантюре японских империалистов. Так же, как Форин Офис поспешил признать захват Советами Китая в 1950 году, он поспешил согласиться и с образованием японской сферы влияния на Дальнем Востоке. Британское хладнокровие было слегка поколеблено после сражений в Шанхае в 1932 году, но не достаточно сильно, чтобы оказать какое-либо воздействие на политику Англии. И до самого Пёрл-Харбора консерватор Уинстон Черчилль преуменьшал японскую угрозу, пока нажим президента Рузвельта – в частности, намек на прекращение американской военной помощи – не вынудил его отвести глаза от Европы.

В Вашингтоне, однако, яснее представляли себе суть событий. Госсекретарь Стимсон сознавал, что Соединенные Штаты должны придерживаться политики «открытых дверей», этого традиционного «лоцмана» американского политического мышления в мутных водах Азии, пока дальневосточная группировка рузвельтовско-трумэновского Госдепартамента окончательно не похоронила ее. Стимсон рассматривал политику «открытых дверей» как «дальновидный расчет». Он понимал, что если эти открытые двери захлопнутся перед носом у Америки, то японские империалисты в конечном итоге превратятся в господствующую силу в большинстве азиатских регионов и станут угрожать американским интересам в Тихом океане. Президент Гувер согласился с этим выводом. Да и с моральной, нравственной точки зрения, считал мистер Гувер, ясно, что Соединенные Штаты не могут бросить Китай и тем обречь его на расчленение и национальное самоуничтожение в то время, когда под руководством Чан Кайши он пусть медленно, но неуклонно, превращался в современное государство.

Однако между мыслями людей и обстоятельствами, сопутствующими им, порой зияет огромная пропасть. Военный министр Патрик Харли понимал значение и скрытый смысл японской акции, но при этом недвусмысленно заявлял, что ни протесты, ни конференции ничего не дадут, поскольку если что и может остановить Японию, то лишь серьезная угроза экономических и военных санкций. И в этом Стимсон был с ним согласен и потому убедил мистера Гувера занять твердую позицию. Однако в вопросе о демонстрации военной силы Гувер оставался непреклонным. Он не считал, что Соединенным Штатам следует рисковать быть втянутыми в войну. И пацифист, и конституционалист одновременно, он полагал, что его президентские обязанности и полномочия заканчиваются, когда речь идет об обороне страны, и тогда власть и обязанности переходят в руки Конгресса. И если какие-то шаги, которые необходимо предпринять, грозят втянуть нацию в войну, он не может предпринять их. (Согласно марксистским и либеральным теориям, «реакционный» республиканский президент должен был бы воспользоваться любой возможностью, чтобы ввергнуть страну в войну и тем самым ослабить великую депрессию, покончить с безработицей и гарантировать себе второй срок пребывания в Белом доме. Но в этом, как и в других марксистских и либеральных теориях, факты говорят об обратном, ибо по-прежнему мораль в большей степени определяет некоторые человеческие поступки, нежели экономика.)

В 1932 году Соединенные Штаты могли позволить себе политику изоляционизма. Россия – нет. Ее внутреннее положение было шатким и неустойчивым: коллективизация сельского хозяйства встретила упорное сопротивление со стороны крестьян. Троцкий был сослан, но старые большевики были еще живы, и, по мнению Сталина, даже само их физическое существование угрожало его режиму. Индустриализация и переключение с производства потребительских товаров на развитие тяжелой промышленности застряли в дебрях коррупции, неэффективности, страха и бюрократии. А на уровне внешней политики сталинская авантюра в Азии потерпела банкротство.

Советский Союз неожиданно столкнулся с агрессивной империалистической силой, возможно, жаждущей завершить незаконченное дело русско-японской войны, едва не свалившей царя в начале века.

Неспособные встретить японский лобовой удар на поле боя, лидеры Советского Союза решили воспользоваться хитростью и обманом вместо силы. Интрига, заговор – если о правительстве можно сказать, что оно заговорщицкое, – были средством разумным и, как выяснилось, высокоэффективным. В Китае у русских была китайская Красная армия. Были у них и

высокопоставленные подпольные союзники в гоминдановском правительстве, и те, кто саботировал любые действия Чана вплоть до самого его бегства на Формозу. На их стороне были симпатии и поддержка студенчества и профессуры. Вот с этими-то пешками, заложниками Коминтерна и близких к нему аппаратов, русские и начали свое главное дело – разыгрывать карту китайского национализма, призывая Китай к войне с Японией.

Японских солдат и граждан в Шанхае били и оскорбляли. Велась бурная агитация за применение санкций против японских захватчиков. Бойкот Японии, внешне спонтанный, вызвал широкий резонанс в Японии и привел к ответным репрессиям. За всем этим стояли коммунисты, наживавшие себе капитал на законном народном недовольстве и успешно прятавшие московские концы. То, что Китай был не в том состоянии, чтобы противостоять японским милитаристам, не особо волновало коммунистических товарищей. Их бурная деятельность по втягиванию Чана в «горячую» войну нарастала до крещендо и в 1937 году ускорила вступление Китая в войну. Результаты оказались трагическими. И для Китая, и для дела ответственного правительства Чана, и для всего мира.

В самой Японии у Советов не было подходящего механизма для того, чтобы формировать общественное мнение и манипулировать правительством. Было, сравнительно говоря, лишь некоторое число коммунистов. Однако деятельность их была подпольной, и размах по большей части невелик, а средств для общественной работы вообще никаких. Компартия находилась вне закона, и потому с точки зрения пропаганды и агитации она по сути была выведена из игры. Лишь в развращенной, слабой и дезорганизованной стране нелегальная партия в состоянии воздействовать на политику – а Япония таковой не являлась. Поэтому максимум, на что мог рассчитывать Коминтерн в Японии – это внедрить несколько своих людей на ключевые посты в качестве шпионов и таким образом мутить воду в политике страны. Коминтерн и в самом деле надеялся создать небольшие группы, чтобы по крайней мере знать, что собираются предпринять японцы, чтобы будучи предупрежденным, действовать соответственно моменту. Как говорится, кто предупрежден – тот вооружен.

Вполне логичным был выбор кандидатуры Рихарда Зорге для создания такой группы. Его успех в Китае был более чем значительным. Ему удалось установить хороший контакт с немцами, работавшими в Китае, и эти связи могли оказать бесценными в условиях Японии, стремительно продвигавшейся по пути все более тесного сотрудничества с победившими недавно в Германии нацистами. Все его лучшие агенты в Китае, за исключением, пожалуй, Агнес Смедли, были японцами. Так, Одзаки вернулся в Японию и продвигался все выше и выше по служебной лестнице. Его вполне можно было вернуть к работе на 4-е Управление Красной армии. Имея все это в виду, Зорге и вызвали в Москву в декабре 1933 года для отчета о его работе в Китае.

«Сразу по возвращении из Китая, – заметил Зорге, – я встретился с генералом Берзиным, шефом 4-го Управления... который встретил меня крайне доброжелательно. Мне было сказано, что в Москве в высшей степени удовлетворены моей работой в Китае, после чего Берзин попросил меня выслушать подробности моей будущей деятельности. Мне не выделили стол в отделе и не назначили на другую работу. Время от времени меня вызывали, чтобы обсудить некоторые вопросы, но по большей части Берзин или его заместитель звонили мне в отель».

Как член ЦИК Советской компартии, Зорге также доложил о результатах своей миссии в Китай в секретном отделе, который держал под контролем его связь с партией и где хранился его партийный билет. Эта подотчетность секретному отделу была постоянной, не зависящей от того, насколько глубоко был вовлечен Зорге в дела разведывательного аппарата Красной армии. «И здесь меня также похвалили за хорошую работу, после чего я сделал доклад в присутствии небольшой комиссии и закончил обработку требуемых данных». Зорге также сказали, что у него «очень высокое положение в партии».

Пока он отчитывался о проделанной работе, пока его проверяли, не испортили ли его контакты с внешним миром, сам Зорге обратился с просьбой дать ему работу, чтобы он мог остаться в Москве. Берзин, однако, отклонил его просьбу. «Полушутливо» Зорге высказал предположение, что тогда он мог бы быть полезен в Японии. Его слова были встречены молчанием. Но, очевидно, он попал в точку: именно это и планировало для него 4-е Управление.

Через несколько недель Зорге вызвали и сказали, что высокопоставленные люди в Москве хотели бы, чтобы он отправился в Токио. Ему было велено немедленно приступить к подготовке к этой поездке. «Восточная секция (Коминтерна), очевидно, определила мою миссию заново после обсуждения вопроса с армейским командованием, – писал Зорге. – Планировалось, что я должен буду наблюдать за развитием обстановки в Японии и в первую очередь заняться изучением возможности действовать там, а потом, если необходимо, вернуться в Москву для окончательного решения вопроса о моей будущей работе в Японии. Такая подготовительная работа рассматривалась московскими властями как необходимая, поскольку работу в Японии они рассматривали как самую трудную и крайне необходимую».

Подготовка Зорге к токийскому заданию включала и получение подробного инструктажа от коминтерновских экспертов. Одним из участников этого процесса оказался и Карл Радек, член

Исполнительного Комитета, позднее фигурировавший на Московских процессах в качестве обвиняемого. «Алекс» и Зорге «занимались долгим и подробным обсуждением основных политических проблем, включая и проблемы Японии и Восточной Азии. Радек проявлял глубокий интерес к моей поездке. Поскольку я побывал в Китае, а он считался признанным специалистом в вопросах политики, наши беседы были в высшей степени интересны... Я встречался также с двумя работниками НКВД, побывавших в Токио, от которых получил подробный отчет о токийской жизни... С одобрения Берзина я встретился с моими старыми друзьями – Пятницким, Мануильским и Куусиненом, которые «гордились своим протезе». Пятницкий, которому я поведал о японских планах Берзина, был страшно обеспокоен теми трудностями, с которыми я могу столкнуться, но порадовался моему безрассудно храброму, предприимчивому духу».

Пока Зорге беседовал, наносил визиты и консультировался со специалистами, 4-е Управление активно готовило почву для его поездки, обеспечивая ему прикрытие и приводя в боевую готовность сеть советской агентуры, могущей иметь отношение к миссии Зорге. С захватывающей дух дерзостью было решено, что он появится в японской столице в качестве немецкого журналиста-международника и – для обеспечения свободы передвижения – убежденного нациста, чтобы устроиться по-настоящему, и потому, по иронии судьбы, последние дни в Москве Зорге посвятил «введению в теорию нацизма». По словам Геды Мэссинг, которую сам Зорге завербовал для работы на советскую разведку, Зорге прочел несметное количество книг, все, что сумел найти, чтобы быть готовым к возможным дискуссиям по теории нацизма. Он освоил лексикон нацистов и практически выучил наизусть «Майн кампф» Гитлера.

На первый взгляд попытка пропустить Зорге через гестаповское сито, чтобы снабдить его нацистским партбилетом, казалась практически невыполнимой. Но 4-е Управление было колоссом в своих попытках и вездесущим в своих контактах. Позднее генерал Вальтер Кривицкий продемонстрировал, что решительный аппарат способен совершить невозможное, когда его оперативники ворвались в рейхсканцелярию иностранных дел и выкрали экземпляр антикоминтерновского пакта и все секретные приложения к нему. Однако в некотором отношении задача, стоявшая перед Зорге, казалась куда более трудной. Его имя было известно – и это было имя внука секретаря Карла Маркса. (В те времена в архивах разведки Соединенных Штатов уже существовало досье на Зорге. Сигнал поступил после заказа, который он через свою германскую подружку разместил в компании «Истмен Кодак» на фотографические принадлежности.) Более того, он оставил широкий след за годы своей ранней коммунистической деятельности. Его имя фигурировало в архивах немецкой полиции; он был связан с Веймарской республикой. А сколько из тех людей, с которыми он имел дело в Китае, принадлежали к субподпольной сети двойных агентов? Продавая информацию всем просящим, один из них вполне мог сообщить имя Зорге кому-либо из немецких агентов.

И все же в мае 1933 года Зорге поехал в Берлин, чтобы подготовить себе «крышу». Ему не составило особого труда обеспечить себе первичную маскировку: редакция газеты «Франкфуртер цайтунг», в которой когда-то в качестве зарубежного корреспондента работала Агнес Смедли, была обильно напичкана коммунистами. Приход Гитлера к власти ликвидировал лицо издания, бывшего когда-то одной из величайших газет на европейском континенте – ни одной клетки из прежнего организма в нем не осталось. Зорге заполучил корреспондентские удостоверения от «Цайтунг», «Bergen Kurier», «the Technische Rundschau» и «Amsterdam Handelsblatt».

Не составило особого труда и вступить в нацистскую партию: гестапо еще не завершило своего организационного оформления, и потому проверки и перепроверки, с помощью которых оно позднее защищалось против шпионов, пока не получили широкого распространения. Многие коммунисты по приказу Москвы вступили в нацистскую партию задолго до ее победы и с энтузиазмом работали над претворением в жизнь ее нацистских задач, энергично продвигаясь по служебной лестнице этой коричневорубашечной организации. Вот эти-то красно-коричневые партайгеноссен и оказались в нужный момент под рукой, когда возникла необходимость дать ход заявлению Зорге, чтобы ускорить его вступление в партию, удостоверившись при этом, что досье на него похоронено глубоко в архивах. Зорге говорил миссис Мэссинг, что для него было наказанием господним братание с восторженными нацистами, которые почти каждый вечер настойчиво приглашали его на всевозможные встречи с выпивкой. Он притворялся трезвенником, чтобы не пить и не допустить какой-либо неосторожности. «Я никогда не смогу выпить столько, чтобы наверстать упущенное», – говорил он Гедде. Возможно, он преувеличивал. Ведь в годы работы в Токио он много пил с сотрудниками германского посольства, но никогда ни единым словом не выдал себя.

Как только в кармане у Зорге оказался драгоценный партбилет, он отбыл в Токио через США и Канаду. Из соображений предосторожности ему не дали исчерпывающих инструкций, пока он благополучно не покинул территорию Германии.

В августе 1937 года Зорге прибыл в Нью-Йорк. Он поселился в Линкольн-отеле и вскоре встретился со связным, который «передал мне инструкции встретиться на Чикагской всемирной выставке с одним из работников «Вашингтон пост». Проведя несколько дней в Нью-Йорке и Вашингтоне, Зорге

отправился в Чикаго, где на берегу озера Мичиган он, немецкий агент Советской России, встретился с американским журналистом, который «сообщил мне, что некий японец скоро вернется в Японию, и рассказал, как связаться с ним».

В сентябре Зорге прибыл в Йокогаму. Береговая полиция после обычной проверки позволила ему сойти на берег. Приехав в Токио, он снял дом № 30 на Нагасаки-мачи, по соседству с Асабуку – совсем неплохое соседство, и приступил к выполнению своей первоочередной задачи – знакомству с Японией и формированию шпионской группы. Он посетил немецкий клуб, нанес визит в германское посольство и широко открыл двери своего дома. Его дом – потрясающее место, в котором царил атмосфера богемы. Шпионы и просто мужчины и женщины могли встречаться у Зорге, не утруждая себя объяснениями, зачем они пришли сюда и чем заняты. Идеальная мизансцена для Зорге и 4-го Управления.

ГЛАВА 9

МИССИЯ В ТОКИО

Пока Рихард Зорге не спеша добирался до Токио, 4-е Управление и Коминтерн мобилизовали его помощников. Ходзуми Одзаки, который должен был стать вторым человеком в организации после Зорге, уже находился в Японии. Его знание Китая принесло ему широкую известность. Многие его друзья и однокашники достигли высоких постов в правительственных кругах, а сам Ходзаки считался блестящим молодым человеком с не менее блестящим будущим. Он продолжал поддерживать тайную связь с Агнес Смедли, но, по иронии судьбы, ни он, ни Зорге пока не знали, что их пути опять пересекутся и они вновь будут сотрудничать в конспиративной работе.

Однако, когда Зорге прибыл в Японию, там уже находился еще один человек, которому суждено было сыграть одну из ключевых ролей в организации. Этим человеком был Бранко Вукелич, высокий, плотного сложения югослав. Хотя его обращение в коммунизм было совсем недавним – урожая 1932 года, но флиртовал он с марксистской доктриной уже давно, еще со студенческих лет, проведенных им в Загребе. Он также активно участвовал в хорватском движении за независимость в середине 1920-х годов. Вскоре после вступления в коммунистическую партию, он был представлен в Париже таинственной «прибалтке Ольге». Вукелич так никогда и не узнал, а, возможно, просто не хотел говорить, кем была эта «Ольга». Но достаточно очевидно, что ею была мадам Лидия Чекалов Сталь, советский агент, контактировавшая со всеми сколько-нибудь значительными членами международной шпионской организации. Ее область деятельности простиралась от Франции до Финляндии, Соединенных Штатов, Китая, Германии, захватывая и зону Панамского канала.

«Ольга» завербовала Вукелича, когда он работал в компании «Generale d'Electricite» в Париже. Его работа, похоже, вряд ли могла бы вызвать к нему интерес, как к возможному советскому агенту, но 4-е Управление знало, как выбирать своих людей. Вскоре после этого другой советский агент, тоже неизвестный Вукеличу, но скорее всего Вальтер Кривицкий, сообщил югославу, что он мог бы получить задание в Румынии или Японии. При этом ему было бы позволено взять с собой жену Эдит.

В октябре 1932 года Вукелич получил приказ от шпионского подполья переехать в Японию. Через связных из французской компартии этот бывший юрист и бывший студент-искусствовед, работавший в электрической компании, сумел получить аккредитацию в качестве корреспондента французского киножурнала «La Vue». Подобное назначение для человека, не имевшего ни малейшего журналистского опыта, было устроено не без помощи югославской ежедневной газеты «Политика». Миновав Красное море, через Сингапур, Шанхай и Иокогаму, Вукелич с женой и маленьким сыном прибыл в Токио в феврале 1933 года. 4-е Управление достаточно неплохо их финансировало, так что Вукелич мог позволить себе поселиться в лучшем токийском районе Бунка, где снял роскошный особняк, в котором, не теряя времени, немедленно оборудовал тщательно затемненную комнату под фотолабораторию.

Радист группы «Бернгард» (псевдоним «Бруно Вендт») тоже всегда был под рукой, чтобы в любой момент выйти на связь с центром. Но оба решили пока потянуть время до прибытия Зорге.

В это же время в Соединенных Штатах коммунист Мияги Итоку, японец, уроженец острова Окинава, также получал последние инструкции. Мияги прибыл в США в 1919 году в разгар антияпонской пропаганды, такой зловредной, что она оставила глубокий незаживающий шрам в его душе. Он перебрался в Сан-Франциско, где открыл ресторан, чтобы выжить, и занялся живописью, чтобы жить. В 1926 году вместе со своими партнерами по ресторану он вступил в группу по изучению марксизма. А когда женился, они с женой столовались у фермера-японца, жене которого, миссис Китабаяси Йосисабуро, суждено было оказаться тем слабым звеном в цепи Зорге, которое и станет причиной его провала и ареста.

Будучи художником с радикальными взглядами, Мияги вскоре вступил в общество пролетарского искусства – одну из многочисленных групп коммунистического фронта, организованных компартией для японцев Западного побережья. И когда после серии правительственных облав в 1931 году была воссоздана японская секция американской компартии, Мияги вступил в нее. Его членству не исполнилось и года, когда два коммунистических агента передали ему просьбу поехать поработать на них в Токио. Мияги направили за получением исчерпывающих инструкций в Лос-Анджелес, к другому агенту, «Рою».

Мияги, однако, не очень хотелось оставлять жену или покидать Соединенные Штаты. Как многие уроженцы Окинавы, он не питал добрых чувств к остальным японцам, и потому месяц за месяцем тянул с выполнением порученного задания. Он-де слишком занят рисованием, оправдывался он.

Но в 1933 году Мияги неожиданно вызвали и без лишних слов велели ехать в Японию. Появилось конкретное задание, не терпящее отлагательств. Нерешительному кандидату в шпионы также сказали, что уедет он ненадолго, дали 200 долларов на расходы и еще одну долларовую купюру. В

Токио, проинструктировали Мияги, он должен следить за определенными рекламными объявлениями в «Japan Advertiser», чтобы потом встретиться с человеком, который поместит там объявление. Этот «связник» покажет ему американский доллар, полностью идентичный тому, что дали Мияги. Распрощавшись с женой, Мияги направил свои стопы на Восток. Нет сомнения, что именно прибытие в Токио Рихарда Зорге и сделало поездку Мияги безотлагательной.

В декабре 1933 года, показывая Зорге в суде, «я позвонил в офис «Japan Advertiser» и, как меня проинструктировал американский связной, попросил дать объявление в «Japan Advertiser» и «Pan Pacific», его еженедельном приложении, о том, что я собираю укийю и книги по искусству и хотел бы получить ответ от заинтересованных людей». Зорге помещал это объявление с 14 по 18 декабря под заголовком «Нужно: купить укийю». Он велел Бранко де Вукеличу «организовать встречу с нашим человеком». Двое встретились у рекламного агентства «Issue Sha» и сравнили долларовые купюры. После чего Вукелич представил Мияги и Зорге друг другу в картинной галерее Вено.

На первой встрече беседа магистрата шпионажа и новобранца была ограничена немногими основными темами, но уже к пятой встрече, где-то в январе 1934 года, Зорге ясно дал понять, что задание Мияги – не коммунистическая пропаганда, а шпионаж.

«Прошло время, прежде чем я принял решение, присоединиться ли мне к организации Зорге или нет, – признавался Мияги после ареста. – Будь я в Соединенных Штатах, моя позиция была бы иной, но какую позицию должен занять японец, работая в Японии? И особенно, не противоречил ли я самому себе, если учесть, что я был заинтересован в расовой эмансипации?» Аргумент, с помощью которого удалось уговорить Мияги, был тот же, которым коммунисты успешно пользуются до сих пор. «Я принял решение участвовать... когда осознал историческую важность нашей миссии – ведь мы помогали избежать войны между Японией и Россией». Мияги согласился сотрудничать, «хотя я хорошо знал, что то, чем я занимался, было противозаконно и что в военное время я был бы повешен». Ну а когда война, наконец, разразилась, японцы-члены организации Зорге, принялись утешать себя тем, что их страна не воюет с Советским Союзом. И кроме того, рассуждали они, победа Советов послужила бы истинным интересам народа Японии. Это был своего рода косоглазый, однобокий силлогизм, которым почти в то же самое время пользовались и Эдджер Хисс, и Генри Уодли, и другие советские агенты в Америке.

Мияги получил должность главного японского агента в организации Зорге, но едва ли подходил для столь высокого поста. Его связи в Японии были недавними и низкого уровня, и большую часть информации он черпал из «Official Gazette» (Kampo), из газет и журналов, а то и просто из слухов. Военную информацию он брал из «Corporal Koshiro Yoshinobu». Зорге, правда, неплохо использовал Мияги в первые дни своего пребывания в Токио, когда ему необходим был человек, говоривший по-японски. Мияги был также полезен и в качестве связного для вербовки новых членов организации. Однако Зорге не потребовалось много времени, чтобы осознать, что ему нужен другой агент – с друзьями в высших правительственных сферах, в прессе, в деловых и светских кругах. Был лишь один человек, отвечающий этим требованиям – Ходзуми Одзаки.

В начале лета 1934 года незнакомец, назвавшийся «Минами Руичи», позвонил Одзаки в офис «Osaka Asahi» и сообщил, что старый друг Одзаки из Шанхая хотел бы встретиться с ним. Одзаки занервничал и поторопился закончить разговор, поскольку вокруг сидели другие работники редакции, и предложил Минами пообедать в китайском ресторане. И там Одзаки сообщили, что его старый шпионский начальник «Джонсон» прибыл в Японию и что встреча «Джонсона» (Зорге) и Одзаки назначена на следующее воскресенье в Оленьем парке.

Отойдя подальше от подслушивающих ушей, Зорге тепло приветствовал своего прежнего сотрудника и попросил его о помощи. Он объяснил, почему его направили в Токио, почему Советский Союз считает Японию страной первостепенной важности для себя и что вообще необходимо сделать. Одзаки без колебаний согласился вернуться в организацию.

Такова была организация Зорге в Токио – и сердцевина ее осталась неизменной даже после того, как в 1935 году Зорге побывал в Москве и получил новые инструкции. Команда Зорге – Одзаки была и остается одной из самых необычных комбинаций в истории шпионажа. У нее был двойник лишь в лице связки Уайтон Чамберс – Эдджер Хисс, и между ними можно было бы провести прямую параллель. Хисс был чистокровный американец, как и Одзаки был чистокровным японцем. Оба – выходцы из хороших семей и являли собой образцы уважаемого среднего класса – того самого класса, который поставлял стране хороших государственных служащих и карьерных дипломатов. Зорге и Чамберс также происходили из хороших семей, но рано окунулись в гущу коммунистического движения, прошли все его грязные и богомные этапы, были активистами, равно как и теоретиками. И оба были жадными до книг и учения. И если бы эти две команды перетасовать, они могли бы удачнее разделиться на пары. Подобно Хиссу, Зорге так и остался убежденным и нераскаившимся ленинистом в период ареста, следствия и суда. Тогда как Одзаки, подобно Чамберсу, начал, похоже, осознавать зло, которое он причинил. На пороге смерти он обрел свою душу. Но произошел ли этот перелом по его собственной воле – вопрос открытый, об этом можно только догадываться. Он был, конечно, более чувствительным, более тонким и впечатлительным, более искренним человеком в связке Зорге – Одзаки...

В период между 1932 и 1934 годами, когда Одзаки покинул Шанхай и вернулся в Токио и до его новой встречи с Зорге и вступлением в его организацию, он успел стать широко известным как талантливый журналист и специалист по китайским делам. Его статьи в «Chuo Koron» (Central Review) всеми воспринимались как «авторитетные». Втайне, под своим шанхайским псевдонимом «Сирокава Жиро» он переводил книгу Агнес Смедли «Дочь земли» на японский – мисс Смедли предоставила ему права на японские издания всех ее книг – и в конечном итоге опубликовал ее за свой счет. Под его собственным именем вышло пять книг о Китае. Последняя, опубликованная в 1941 году, называлась «Противостояние великих держав в Китае». Хотя Одзаки был страстно предан делу коммунизма, он умело скрывал свои истинные убеждения и так хорошо вел дела, что проницательная и дотошная японская полиция ни разу не заподозрила его.

Зорге захватил с собой в Японию не только свою опытность в методологии шпионажа, но и глубокий интерес к стране и ясное понимание, что лучший шпион не тот, кто самый хитрый, но тот, кто самый трудолюбивый. В период между 1932 и 1935 годами его миссия состояла не столько в том, чтобы добыть как можно больше секретной информации, сколько в том, чтобы узнать как можно больше о стране. И возможно, самые необычные страницы в его признании это те, где он описывает свои ранние занятия в Токио.

«В момент моего ареста полиция обнаружила у меня в доме около 800 – 1000 книг, что привело полицейских в сильное раздражение. Большая часть этих книг была на японском языке. Собирая свою библиотеку, я приобретал любые изданные на иностранных языках оригинальные японские работы, какие только мог достать, а также лучшие из написанных иностранцами книг о Японии и лучшие переводы основных японских работ. И все эти научные труды были систематически проштудированы.

Это была отправная точка для ответа на простой вопрос: как постичь современные японские экономические и политические проблемы. Я очень внимательно изучал аграрные вопросы, потом перешел к малой индустрии, крупной промышленности и, наконец, к тяжелой индустрии... После такого штудирования случайная политическая сцена может сказать сведущему в японской истории человеку намного больше, чем обычному чужестранцу... Кроме книг из моей домашней библиотеки я пользовался библиотекой германского посольства и личной библиотекой германского посла...

Но мое изучение Японии не ограничивалось лишь тем, что можно было почерпнуть из книг и журналов. Здесь, во-первых, я должен упомянуть о своих встречах с Одзаки и Мияги, на которых мы не ограничивались лишь обменом и простым обсуждением информации. Зачастую какие-то настоящие и безотлагательные проблемы заставляли обращаться к подобным феноменам в другой стране... или углубляться в японскую историю. И в этом отношении мои встречи с Одзаки не имели цены из-за его необычайно широких познаний в области японской и зарубежной истории и политики... Я приобрел ясное понимание исключительного положения японской армии в государстве, так же как и природы императорских советников или Генро, которые занимались толкованием законов... Более того, я никогда не сумел бы понять японское искусство без помощи Мияги. Наши встречи часто происходили на выставках и в музеях, и не было ничего необычного, если мы от интеллектуальных и политических обсуждений, под воздействием окружающей обстановки переходили к беседам о японском или китайском искусстве».

Этот Зорге мог написать, что «моим личным желанием и радостью было узнавать что-то новое о тех местах, где я оказывался ... Я никогда не рассматривал такое изучение чисто как средство для работы. Живи я в мирных условиях и в условиях мирного политического развития, я, вероятно, стал бы ученым, но уж конечно же не шпионом...» Шпион, который пил и менял женщин, и бражничал со своими нацистскими «коллегами» в Токио, который со всей тщательностью и скрупулезностью своего германского и марксистского происхождения относился к задаче сбора информации для России, писал с почти ошутимым восторгом о своих научных занятиях. Он хотел прояснить для читателей, что был не просто «почтовым ящиком» или шифровальщиком в шпионской организации.

Страницы, которые больше связаны с его самообразованием, с его оценкой глубинных политических течений, чем с деталями шпионажа, самые живые в «Признании». Они показывают того Зорге, каким он мог бы стать, не порази его вирус коммунизма.

Он почти по-мальчишески гордится своей репутацией первоклассного журналиста-международника и не скрывает этого:

«Мои исследования были также важны для меня как журналиста, поскольку без них мне было бы трудно подняться над уровнем заурядных немецких репортеров новостей, который был не особенно высок. Это дало мне возможность приобрести в Германии репутацию лучшего репортера в Японии. «Франкфуртер цайтунг», на которую я работал, часто хвалила меня на том основании, что мои статьи повышают ее международный престиж... Моя журналистская слава принесла мне бесчисленные просьбы о статьях со стороны различных германских периодических изданий, а «Франкфуртер цайтунг» и «Геополитика» (для которой Зорге иногда писал), настойчиво добивались от меня книги о Японии, которую они желали бы получить в самое ближайшее время».

Зорге так никогда и не закончил этой книги. Он успел написать 300 страниц рукописи, когда японская полиция постучала к нему в дверь.

ГЛАВА 10

ТОКИЙСКИЙ ПРИКАЗ НА МАРШ

Инструкции, полученные Зорге в отношении его миссии в Токио, открывали для него широкое поле деятельности, но ставили весьма специфические цели. И самая важная среди них, признавался сам Зорге, «это самым внимательным образом наблюдать за изменением японской политики в отношении СССР... Но в то же время внимательно изучать вопрос, планирует или нет Япония напасть на СССР». Вопрос о неизбежности грядущего японского нападения стал для Советского Союза навязчивой идеей, так что «часто выражаемые мною мнения противоположного характера не всегда адекватно воспринимались и оценивались в Москве». Создается впечатление, что Маньчжуро-сибирская граница, подобно трамвайным рельсам, прошла в то время через Кремль.

Модернизация и наращивание мощи японской армии и военно-воздушных сил были для Японии первоочередными задачами. А это «влекло за собой добывание большого количества разведанных по широкому кругу военных вопросов, – писал Зорге, – потому что японские военные, чтобы оправдать свои растущие бюджетные запросы, не устали указывать на Советский Союз как на главного врага Японии». И укрепление военных гарнизонов в Маньчжурии – лишь часть проблемы. Японская армия в Китае действительно могла бы быстро продвинуться на север, а потому от Зорге требовались едва ли не ежедневные отчеты о текущем состоянии японской военной машины, ее росте, степени механизации и вооружении.

На уровне внешней политики инструкции предписывали Зорге следить за развитием отношений между Восходящей Свастикой и Восходящим Солнцем, ибо в Москве не сомневались, что Япония и Германия и далее будут сотрудничать в любых антисоветских действиях, как дипломатических, так и военных. Однако до опрометчивого нарушения Германией пакта Гитлер – Сталин и ее вторжения в Россию в Кремле не принимали всерьез мнение Зорге, что японцы готовы выступить против западных держав. Русские всегда втайне боялись, что Япония может объединить силы с Англией и Соединенными Штатами для нападения на Советский Союз. И основывалось это подозрение не на сообщениях советских агентов – нет, просто именно так и поступил бы сам Сталин, управляй он Соединенными Штатами и Англией. Так что подозрения его были скорее основаны на принципах ленинизма, нежели на реализме.

Японская политика в отношении Китая также весьма интересовала Россию, особенно после военного вторжения Японии на материк, когда угроза миру во всем мире серьезно возросла. В некотором смысле китайский вопрос был лишь следствием интереса Советского Союза к Японии как к *vis-a-vis* Германии, Англии и Соединенных Штатов. Куда более важным для Москвы было знать о роли японской военщины в определении курса японской внешней политики. После 1931 года русские ясно осознали растущее влияние армии в Токио. Они поняли, что истинным желанием армии было схватиться с господствующей державой в Азии – а именно с Советским Союзом. И когда японские ВМС начали упрочивать свои позиции в правящей верхушке – что являлось прямым результатом японской потребности в нефти, резине и металлах, – Зорге занялся изучением мыслей и желаний морского командования. Это были те самые ВМС, которые в конце концов и взяли верх в Токио, в результате чего Япония двинула свои силы на юг, к европейским колониям и тихоокеанским рубежам Америки.

Проблема наращивания мощностей в японской тяжелой индустрии, как показателя роста военного потенциала страны, также привлекала внимание Зорге. В частности, русским хотелось бы знать, насколько и как именно маньчжурское марионеточное государство Манчжоу-Го вписалось в более крупную японскую индустриальную картину. Но изучение вопросов экспансии на материк было затруднительно для Зорге, поскольку сфера его деятельности была ограничена японской территорией.

В организации Зорге была выработана целая система мер обеспечения безопасности. Согласно донесениям разведки США она состояла из программы в 10 пунктов: (1) все члены организации должны иметь в качестве прикрытия какое-нибудь обычное занятие; (2) члены группы не должны иметь никаких дел ни с японскими коммунистами, ни с сочувствующими им; (3) при каждом радиосеансе связи шифровой код станции должен меняться; (4) радиопередатчик должен храниться в разобранном виде, упакованным в чемодан, и переноситься в другое место после каждого сеанса связи; (5) сообщения должны посылаться из разных мест, никогда из одного дома в течение долгого периода; (6) связь с «московскими людьми» должна поддерживаться в обстановке высшей секретности, без упоминания каких-либо имен с обеих сторон; (7) каждый член организации должен иметь псевдоним. Настоящие имена никогда не должны были упоминаться по радио или в радиобеседах; (8) названия мест должны быть изменены в шифре, так, «Висбаден» применялся для обозначения Владивостока, а «Мюнхен» – для Москвы; (9) все документы должны немедленно уничтожаться сразу после того, как они были использованы; (10) ни один русский, ни при каких обстоятельствах не может быть принят в члены группы.

Вдобавок к этому Одзакэ разработал и свое собственное руководство относительно того, как должен

действовать хорошо замаскированный шпион.

«Никогда не производи впечатление человека, страстно желающего получить какую-либо информацию. Тот, кто занят важными делами, откажется беседовать с тобой, если заподозрит, что твой мотив – сбор информации. А если ты производишь впечатление человека, знающего больше, чем твой предполагаемый информатор, он даст тебе ее с улыбкой. Неформальные вечеринки – превосходное место для сбора новостей. И очень удобно быть специалистом в какой-либо области. Что касается меня, я был специалистом по китайским вопросам и ко мне часто обращались люди из разных кругов... Жизненно необходимы связи с влиятельными организациями... Более всего вы должны вызывать доверие к себе со стороны тех, кого используете в качестве информаторов, с тем, чтобы выкачивать из них необходимые сведения, не рискуя показаться неестественным... Ты не сможешь быть хорошим разведчиком, если сам не являешься хорошим источником информации. А этого можно достичь лишь в ходе непрерывного образования и приобретения богатого опыта».

Все эти правила в равной степени относились как к Одзаки, так и к самому Зорге. Для немца Зорге первые годы в Японии были годами поворота к этому самому «непрерывному образованию», когда он становился «специалистом в какой-то области». В те годы он поставил перед собой задачу стать хорошо информированным оксиденталистом, специалистом по японской политике и истории. Он был в состоянии «получать массу информации от людей, приходивших задать мне вопрос» – а именно от служащих германского посольства в Токио, относившихся к нему с полным доверием.

Более того, с персоналом германского посольства он продолжал поддерживать столь же близкие отношения, как и в первые годы своей шпионской деятельности. Его партбилета члена нацистской партии оказалось вполне достаточно, чтобы он стал вхож к германскому послу Герберту фон Дирксену. А это в свою очередь привело к близкой дружбе с полковником Эйгеном Оттом, помощником военного атташе, выросшего к тому времени, когда в Европе разразилась война, до уровня сотрудника дипломатического ранга. («Близкая» – это, вероятно, не совсем верное определение, ибо дружба с Оттом не помешала Зорге завести интригу с его женой.) Военный атташе, военно-морской атташе и шеф гестапо полковник Д. Мейзингер – все привыкли доверять Зорге и пользоваться его феноменальным знанием Японии. Лишь военно-морской атташе держался слегка отчужденно – но не по идеологическим причинам. Скорее, он просто был ревнивым мужем.

В течение всего периода обучения, черновой работы и «вживания» в страну, Зорге параллельно проверял свою систему связей и неторопливо вербовал новых членов. Связь – всегда самая деликатная и жизненно важная проблема любого шпионского аппарата, и в этом отношении организация Зорге была безнадежно слаба. «Бернгардт», радист, совершенно не годился для работы в Японии, и в 1935 году Зорге решает вернуться в Москву, чтобы наладить этот аспект деятельности своей группы, получить новые инструкции и прикоснуться к родной почве. А потому летом того же года он объявляет своим друзьям из германского посольства, что ему необходимо срочно возобновить контракт с «Франкфуртер цайтунг» и что он может сделать это только лично. Используя постоянный немецкий паспорт, Зорге добрался до Нью-Йорка, где другой советский агент позвонил ему в номер отеля и при встрече передал второй паспорт – уже с московской визой.

В 4-м Управлении был другой шеф – генерал Урицкий, давний друг Ленина, Сталина и Ворошилова. Зорге представил ему подробный отчет, который он подготовил, ответил на дотошные вопросы Урицкого и изложил свою просьбу дать ему нового радиста. Урицкий остался доволен работой Зорге и с пониманием отнесся к его просьбе. А потому, когда Зорге попросил для себя Макса Клаузена, своего старого шанхайского радиста, просьба была немедленно удовлетворена. Последовала встреча двух старых друзей, и Зорге остался весьма доволен тем, что отныне его главная проблема решена.

Для Клаузена же назначение в Токио оказалось спасением. Его вызвали в Москву из Шанхая в августе 1933 года. До советской столицы он добирался через Мукден, Харбин и Сибирь.

Несмотря на категорические инструкции 4-го Управления, он настоял, чтобы привезти с собой и свою гражданскую жену, Анну Валлениус. Она согласилась сопровождать его лишь потому, что ошибочно полагала, что ей будет позволено уехать в Германию. Но в их первый же вечер в Москве НКВД показало, как оно к ним относится: их паспорта и вещи неожиданно исчезли.

Очень недолго пребывал Клаузен в милости у 4-го Управления, щеголяя по городу в форме офицера Красной армии. После краткого шестинедельного отдыха он получил назначение в радиошколу предварительной подготовки. И тут на него обрушился удар: чистка коснулась и его. Клаузена выгнали из школы в качестве «наказания за низкую эффективность его работы в Китае» и сослали в небольшой городок на берегу Волги, где в течение двух лет он чинил обувь, пахал землю и принимал покаяние, посещая партийно-пропагандистские занятия. И вот теперь, согласно просьбе Зорге, Клаузен был вызван в Москву генералом Ворошиловым.

Макс был несказанно рад новому назначению.

«С детства, – говорил он в своих показаниях, – я не слышал о Японии ничего, кроме дурного... И

потому радостно согласился отправиться туда, чтобы работать на Зорге». Выбор был не его, но Клаузен всей душой готов был отдаться работе. В сентябре 1935 года он попрощался с Анной, с которой встретился в Шанхае, и отбыл, снабженный тремя паспортами на три разных имени. Один паспорт был канадским, другой – итальянским, а третий – германским.

«В штаб-квартире (4-го Управления) имеются тысячи паспортов разных стран, – сообщал Клаузен, описывая свою поездку. – И все подлинные. Лишь имена и фотографии фальшивые. Перед отъездом я получил инструкции относительно использования паспортов и 1800 долларов в валюте США... В Стокгольме я приобрел сертификат моряка и отправился в Нью-Йорк на борту «Бостона». Прибыв на место, я восстановил свой собственный германский паспорт в германском консульстве и зарегистрировался в Линкольн-отеле, как мне и велено было сделать. Туда мне позвонил человек, который представился как «Джонс».

Клаузена спросили, нужны ли ему деньги. Он ответил отрицательно. 28 ноября он прибыл в Иокогаму на борту парохода «Татсута Мару». И хотя он сразу намеревался отправиться в Шанхай за Анной Валлениус, однако денег у него не хватило – в дороге он поиздержался. (Лишь восемь месяцев спустя он сможет приехать в Шанхай, жениться на Анне и вернуться с ней в Японию.)

Первым заданием Клаузена в Токио было встретиться с Зорге и снять для себя легальную квартиру. Место для встречи было заранее обговорено – вечер любого вторника в баре «Голубая лента», однако уже на следующий день после того, как Клаузен оказался в Токио, он совершенно случайно столкнулся с Зорге в немецком клубе. Оба сделали вид, что никогда раньше не встречались, и заново прошли через все формальности представления друг другу.

Несколько более трудным оказалось для Клаузена устроить себе «крышу». Он не был журналистом и не мог выступать в таком качестве. Он попытался было заняться экспортно-импортным бизнесом, но прогорел. И попытался снова. На этот раз компания «М. Клаузен Shokai» (Shokai – «компания» по-японски) с офисом в КараСумори Билдин, Shiba-Ku, Токио, добилась успеха.

«Клаузен Shokai» производила и продавала печатные станки для светокопировальных работ и флюоресцентные пластины – печатные формы гальванопластики. Среди его покупателей были и несколько крупнейших японских фирм, а также военные заводы, японская армия и японский ВМФ. Станки, которые Клаузен производил согласно имперским спецификациям, воспроизводили также и те самые светокопии, которые воровали агенты Зорге. В течение пяти лет после начала деятельности, «Клаузен Shokai» уже могла быть преобразована в акционерное общество с капиталом в 100 тысяч йен, из которых 85 тысяч были личной собственностью Клаузена. Он открыл филиал в Мукдене с уставным капиталом в 20 тысяч йен, что дало ему не только дополнительный законный доход, но и отличный предлог для получения банковских переводов из Нью-Йорка, Шанхая или Сан-Франциско, поскольку Клаузен совершал торговые операции за границей, а это служило превосходным прикрытием для финансовых переводов, поступающих из-за рубежа в адрес организации Зорге.

Вскоре после возвращения Зорге из поездки в Москву, аппарат подобрал ему еще одного члена группы – это был Гюнтер Штайн, позднее ставший натурализованным британским подданным, а ныне – бывший московский корреспондент «Берлинер тагеблат» и, в течение всего токийского периода, представитель британской «Файненшл ньюз». В 1942 году Штайн принял приглашение Института Тихоокеанских отношений (IPR) стать его корреспондентом в Чунцине. Он много писал для изданий института – статьи и книги, которые получали широкое хождение в Вашингтоне и помогали создавать миф о китайских коммунистах, как непревзойденных и непогрешимых идеалистах. В 1944 году он оказался одним из шести корреспондентов, сумевших проникнуть в столицу красного Китая – Янань. В 1945 году он представлял Великобританию на конференции Института тихоокеанских отношений в Хот Спрингс.

После войны Штайн много ездил по США, читая лекции и пропагандируя идею о том, что по своей ориентации китайские коммунисты – завзятые антисталинисты. Когда в 1949 году в докладе армейской разведки США он был назван «советским агентом», Штайн спешно покинул страну. 14 ноября 1950 года он был арестован во Франции по обвинению в шпионаже, согласно официального сообщения, поступившего в разведку США из французского посольства, и выслан из Франции.

Когда организация Зорге на всех парах двинулась к шпионажу, ее руководитель распределил специфические задачи и области для каждого члена группы. Так, Одзаки действовал на самом высоком правительственном и дипломатическом уровне. Он был уважаемым и активным членом так называемой «Группы завтраков» или «Группы среды» – собрания блестящих молодых людей, своего рода «мозговым трестом» принца Коноэ, уже три раза подряд занимавшего пост премьер-министра.

Среди членов группы был и принц Сайондзи Кинкацу, приемный внук Генро.

«Группа завтраков», регулярно встречавшаяся для обсуждения проблем японской империи, имела полуофициальный статус. Одзаки, который кроме того был еще и членом китайской секции Shava Kenkuo Kai, научного общества, покровительствуемого принцем Коноэ, завязал особенно тесные

связи с Кацами Акиро, ставшим вскоре главой секретариата первого кабинета Коноэ. При содействии Кацами, Одзаки в 1938 году был назначен на официальную должность советника кабинета, получив таким образом доступ к государственным документам. Кроме этого, он занимал и ряд других ответственных постов, таких, как советник токийского офиса Южно-Маньчжурской железной дороги – своего рода холдинговой компании, занимавшейся проверкой всех деловых и промышленных сделок в Северном Китае. Эта ЮМД, вместе с Одзаки, «служившим» в качестве шпиона при ней, вела активный обмен информации с японскими предприятиями тяжелой промышленности, так что Зорге имел почти свободный доступ к высшим промышленным секретам Японии.

Одзаки снабжал организацию Зорге бесценным анализом политики японского руководства. Время от времени ему удавалось украсть особо значимый и серьезный документ и микрофильмовать его. Часто такого рода документы бывали доверены ему высокопоставленными правительственными чиновниками в надежде на то, что Одзаки внимательно изучит бумагу и даст совет или поможет обсудить ее. Сайондзи, как консультант министра иностранных дел, взял за правило передавать Одзаки совершенно секретную информацию. Пару раз важнейшие военные секреты Японии попадали в руки Одзаки благодаря японским чиновникам, нуждавшимся в его советах по каким-нибудь китайским делам. «Единственное, чего я не мог получить заранее, это информацию о точном времени возможного нападения Японии на Россию, – признавал Одзаки на суде. – Моя деятельность характеризовалась полным отсутствием специальных методов... Я по натуре человек общительный... у меня не только широкий круг друзей, но я поддерживал довольно близкие отношения с большинством из них. Эти друзья и были для меня источниками информации».

Заботой Мияги было составить общую картину из тех кусочков и обрывков информации, которые он получал в своем собственном кругу. Мияги был старым другом личного секретаря Абэ Шу, министра иностранных дел в кабинете Коноэ, ставшего позднее премьер-министром. От этого друга Мияги мог получать огромное количество точнейшей информации как о политических уловках и хитростях, так и по военным вопросам. Сам Мияги достаточно много разъезжал и был кем-то вроде эксперта по мобилизации японских вооруженных сил, постоянно держа Зорге в курсе всех вопросов формирования новых дивизий.

А кое-что из того, что он знал, Мияги получал, используя древнейший шпионский способ – шатаясь по барам и ночным клубам и заговаривая с солдатами на улицах. «Он часто жаловался мне на то количество спиртного, которое ему приходилось выпивать, чтобы узнать самые тривиальные факты», – сказал Зорге о Мияги. Однако эти «тривиальные факты» включали и такие сведения, как подробное описание артиллерии и танков, принятых на вооружение японской армией. Мияги выполнял и другие функции, будучи своего рода шефом для дюжины японских агентов, работавших на группу Зорге. Мияги платил им, направлял их работу и часто сам получал их донесения.

У Бранко Вукелича были две обязанности: он был фотографом группы и, кроме того, собирал информацию. Именно он подготовил множество микрофильмов, тайно вывезенных из Японии. Работал он под прикрытием агентства «Домей», где циркулировала масса информации, никогда не попадавшей в японскую прессу и валявшейся где попало в офисах «Домей». Японские репортеры, которые знали много, но мало о чем могли писать, говорили в агентстве достаточно свободно, и Вукелич не упустил ни одной крупницы информации, услышанной там.

В конце концов Вукелич стал корреспондентом французского агентства «ГАВАС». Так, от своих коллег он очень многое узнавал о ситуации в Индокитае, равно как и о реакции Франции на японский бросок на юг. Иностранные корреспонденты, включая и американцев, считали Вукелича трудягой-парнем и охотно делились с ним новостями.

В какой-то момент участие югослава в шпионской организации – и сама организация – подверглись опасности. Вукеличу наскучила его жена Эдит, и он вступил в связь с далекой от политики женщиной Ямасаки Иосико. Когда он сделал ее своей любовницей, Эдит Вукелич несколько обиделась. Она ушла от мужа, но осталась в Токио, и Зорге буквально затаил дыхание, пытаясь предугадать, будет ли она действовать так, как и положено обиженной женщине? Кризис миновал, когда Бранко и Эдит разошлись. Но Эдит Вукелич не позволили выйти из организации, пока она не обязалась принять обет молчания. Зорге уполномочили уплатить ей пять тысяч долларов, и он добавил еще тысячу от себя, чтобы быть уверенным в ее молчании. Вукелич женился на Иосико, и, как установила японская полиция, она никогда и ни с кем не нарушала брачных обетов. Кроме как с Рихардом Зорге.

У Гюнтера Штайна также были две должности. Первая была связана с тем, что он имел исключительные связи в британском посольстве. Он находился в дружеских отношениях с английским послом, сэром Джорджем Сэнсомом, и военно-морским атташе. Штайн был экономистом, и его умение разбираться в финансовой стороне дела было большим подспорьем для Зорге. Кроме того, информация дипломатического характера, весьма интересовавшая русских, часто попадала в руки Штайна. Он также служил и в качестве курьера, доставляя микрофильмы в Шанхай, а также в качестве ширмы для Макса Клаузена, установившего радиопередатчик в доме Штайна. Ведь чтобы избежать пеленгации, необходимо было иметь как можно больше мест, откуда

можно было бы вести передачу, и Клаузен был благодарен Штайну за помощь.

ГЛАВА 11

ЦЕНА - 40 ТЫСЯЧ ДОЛЛАРОВ

Методология шпионажа проста и не меняется во времени. Незаконный сбор секретной информации по-прежнему, как и раньше, ремесло, ручная работа, полuartистическое предприятие, в котором неуловимые сочетания индивидуального темперамента, мастерства и грубо эмпирического «метода тыка» диктуют успех или провал. Лишь говоря о связях, можно сказать, что шпионаж четко налажен, поскольку микрофотокамера поставила передачу документов на поток, что позволило, например, «Директору» в Москве, сидя в своем офисе, квалифицированно оценить на досуге то, что в прошлом шпион мог лишь торопливо просмотреть и оценить увиденное через собственное ограниченное понимание. Элизабет Бейли, например, везла сумку, набитую роликами с микропленкой во время своей поездки из Сильвермастер-хаус в Вашингтоне в шпионскую расчетную палату в Нью-Йорке.

Однако и микрофильм имеет свои ограничения, ибо превращается в вещественное доказательство, когда его владельца - иностранного агента - вдруг ловят с поличным. И потому аппарат вынужден обращаться к более старому способу связи. Техника вторглась в эту область, но она также и усложнила процесс. Время шпионских посланий, носимых в ботинке, прошло, а письмо между строк невидимыми чернилами или отсылка внешне невинных писем подходит к своему концу. Беспроволочный телеграф поначалу весьма упростил работу шпиона, но до тех пор, пока не появилась техника, основанная на использовании радиопринимающих устройств и логарифмических таблиц, которая методом триангуляции способна достаточно точно определить местоположение подпольной радиостанции. И чтобы ответить на этот вызов, шпион вынужден был вернуться к использованию человеческого фактора - к коварству, хитрости и изворотливости.

В первые дни работы организации Зорге в Токио проблемы со связью казались второстепенными. Японская полиция, несмотря на ее дурную славу и привычку игнорировать право человека на частное уединение, оказалась неэффективной и довольно беспечной. Ее больше занимала борьба с инакомыслием и политической оппозицией, нежели перспектива возиться со шпионами. И лишь после 1939 года, когда война перекроила карту Европы и китайский инцидент стал для Японии больше, чем просто случайностью, связь группы Зорге с Москвой стала куда более рискованной. До этого группа Зорге передавала добытые ею «драгоценности» через курьеров или по радио практически когда ей вздумается.

«На заранее запланированной встрече курьер из моей организации передавал тщательно упакованный сверток московскому курьеру и в свою очередь получал пакет из Москвы, - писал Зорге. - Этим все и ограничивалось, не считая нескольких общих вопросов и ответов... Запрещалось спрашивать курьера, был ли он в Москве, и если был, то каковы там сейчас условия и как поживают твои старые друзья».

Вскоре после открытия этой шпионской лавочки в Токио, к концу 1933 года, у Зорге состоялась первая встреча с курьером. «Встреча поражала полным отсутствием секретности. Курьер, которого я не знал, прибыл из Шанхая с моим именем и адресом немецкого посольства в качестве места для встречи со мной. Он позвонил в посольство, а также сообщил мне письменно, что договорился со швейцаром «Империал-отеля», который будет ждать меня в холле утром определенного дня, чтобы провести меня к нему. Встреча прошла, как и было намечено. Мы договорились пойти посмотреть достопримечательности в Никко... чтобы там и обменяться тем, что было подготовлено у нас для передачи».

Способы распознавания друг друга оставались традиционными. Зорге так рассказывал о встрече с курьером в Гонконге: «Курьер вошел в заранее определенный ресторан и через полчаса достал из кармана длинную черную манильскую сигару, которую держал в руке, не зажигая. Увидев сигнал, я подошел к ресторанной стойке, вынул из кармана бросающуюся в глаза трубку и стал искать, чем бы ее зажечь. Когда московский курьер увидел, чем я занят, он должен был зажечь сигару, после чего я должен был зажечь свою трубку. После чего курьер покинул ресторан, и я не спеша отправился за ним в определенный парк, где мы и смогли поговорить. Он должен был начать словами: «Привет от Кэча», на что мне следовало ответить «Привет от Густава». Были и другие, заранее обговоренные сигналы - так, один человек мог нести желтый пакет, а другой - красный».

После прибытия Клаузена в Токио группа Зорге набрала обороты и стала действовать на полную катушку. На суде в 1942 году Одзак и Клаузен смогли припомнить свыше ста сообщений высочайшей важности, переданных в Москву через курьера или по радио. Японская полиция с помощью радиоперехвата записала их много больше, но не смогла расшифровать до признания Клаузена. Ведение передач из дома Гюнтера Штайна в Азабуку само по себе заслуживает внимания. Клаузен впервые посетил Штайна в декабре 1935 года, «чтобы осмотреть дом... и решил, с согласия хозяина, использовать для сеансов связи две комнаты на верхнем этаже, - давал показания Клаузен, отвечая на вопросы следователей. - Из дома Штайна я передал свыше тридцати сообщений».

В 1936 году Клаузен был послан в Шанхай с двойной миссией: передать связному множество микропленок и встретиться с Анной Валлениус, чтобы жениться на ней. Микропленки были переданы в книжном магазине на Баблинг-уэлл-роуд, игравшем столь заметную роль в деятельности Зорге. Когда Клаузен благополучно вернулся, Зорге ликовал: тысячи кадров микропленки включали в том числе и первую крупную партию документов, которые он лично фотографировал. В германском посольстве. И это было лишь начало. Штайн, его гражданская жена, Клаузен и миссис Клаузен фактически организовали челночную линию между Токио и Шанхаем.

Анна Клаузен совершила четыре поездки одна, переправив свыше тридцати роликов микропленки. По возвращении ей выдали пять тысяч долларов, которые она депонировала на счет «компании» мужа. Но к досаде и раздражению Клаузена, вернулась она, нагруженная дорогими платьями и драгоценностями, которые накупила для себя на деньги «Клаузен Shokai». Анна была ненадежным курьером, действовавшим лишь под угрозой наказания или провала, и ее покупки были своего рода меккой и Клаузена, и организации Зорге. Когда Гюнтер Штайн впервые поехал в Шанхай в качестве курьера, ему передали пакет для миссис Клаузен, в котором находились темно-голубая шаль и большая черная брошь, которые Анна должна была надеть в поездку на китайский материк. Когда она появилась бы в Шанхае в книжном магазине на Баблинг-уэлл-роуд, в «Sun-компани», в универсальном магазине, в холле отеля «Кэтей» или неспешно прогуливалась бы по авеню Хейг, московский курьер должен был узнать ее по этим шали и броши.

У самого Зорге был забавный предлог для его собственных поездок в Китай. «В конце 1938 года я сам ездил в Маньчжурию и Гонконг в качестве курьера германского посольства, одновременно прихватывая с собой и материалы для передачи в Москву». Доверенный друг германского посла и гестаповского полковника Мейзингера - «зверя Варшавы» - вез конфиденциальные нацистские документы в кармане, а микрофильмированные их копии - под рубашкой. Москва была ближе его сердцу, нежели Берлин.

В конце 1939 года Рихард Зорге решил, что пришло время отказаться от курьерской связи с Шанхаем. Береговая полиция в Йокогаме усилила слежку за прибывающими и отъезжающими. И риск потери ценного человека или, еще хуже, провала всего аппарата стал слишком велик. А кроме того, продолжающееся экономическое давление со стороны США, все сильнее сказывающееся на японцах, сделало фактически невозможным для группы использование американских банков для получения денежных переводов. Зорге телеграфировал своему московскому начальству в России, что встречи между его курьерами и «людьми из Москвы» было бы куда эффективнее проводить непосредственно в Токио. После долгих проволочек и ворчания «Директор», наконец, телеграфировал в ответ набор шифрованных инструкций: «Два билета с более высокими номерами для Фрица. Один с меньшим номером для связного».

Вскоре после этого Макс Клаузен обнаружил в почтовом ящике два билета в японский императорский театр. Один для него, другой - для Анны. В полутемном театре ему передали небольшой пакет с 5000 долларов, а он отдал 38 микропленок «связному» из Москвы. Через несколько месяцев Клаузен вновь получил два билета на оперу «Все девушки» в Такарацука-театр. И вновь они с Анной отправились на представление. За 30 роликов микропленки Клаузен получил 3000 долларов и 25 тысяч йен. В обоих случаях человеком, совершавшим этот обмен, был советский консул в Токио Вутокевич. Во время третьей встречи в театре на связь вышел второй секретарь посольства Виктор С. Зайцев. Под псевдонимом «Серж» он около десяти раз встречался с Клаузеном в офисе компании «Клаузен Shokai». В дневнике Клаузена эти встречи были зашифрованы как «S-tr» - «Serge treffen».

Были и другие, выходившие на связь с группой и передававшие ей инструкции, деньги или слова одобрения и поддержки.

Появился д-р Войдт и некоторое время работал с Зорге. Это был немец, пользовавшийся доверием в посольстве, но группа Зорге подозревала, что Войдт - двойной агент. Была еще «Ингрид», привлекательная блондинка-американка, чье имя всплыло из протоколов токийской полиции. Неясно, была ли она курьером, но по некоторым признакам, ее работа на Зорге носила скорее личный характер, нежели политический.

Связи с курьерами дополнялись сеансами радиосвязи. «Поскольку непрерывная радиосвязь с центром была важнейшим условием нашей работы, то достижение радиоконтакта, поддержание его в постоянной готовности и обеспечение мер против пеленгации радиопередатчика были самой важной частью нашей нелегкой работы, - писал Зорге. - После приезда в Токио Клаузена - а его технические способности и энтузиазм в работе не знали границ - мне разрешили научить его шифровке и передать ему эту часть работы».

«Клаузен установил много радиопередатчиков, так чтобы по возможности быть уверенным в успехе нашей радиодейтельности. Он мог одновременно посылать сообщения из четырех различных мест, и почти всегда по крайней мере три места были задействованы... Мы часто меняли места выхода в эфир, чтобы избежать, по возможности, слежки или пеленгации, которая, как мы считали, со временем должна была стать более точной. Клаузен старался уменьшить свои радиопередатчики в

размерах, так чтобы их в разобранном виде можно было носить в сумке, не вызывая никаких подозрений... Обычно радиосвязь использовалась нами, чтобы послать срочное сообщение или наши отчеты («Директору») или организации, или принять сообщения из Москвы, касающиеся деятельности нашей группы или отдельных операций... Клаузен всегда мог обеспечить замечательную связь».

В последние годы в проблему превратились и внутренние связи в организации Зорге, ставшие небезопасными. Уже шестнадцать человек было напрямую связано с оперативниками Зорге, и, строго говоря, они не являлись членами одной группы, но представляли собой серию подгрупп внутри одной организации, и все они получали указания от Зорге и снабжали его информацией. «Я был единственным человеком, напрямую связанным с ключевыми членами (полунезависимых групп)... Непосредственные члены группы либо вообще не имели контактов между собой, либо встречались лишь в очень редких случаях». Были, конечно, и некоторые исключения.

«Тот факт, что я общаюсь с Клаузеном, едва ли можно было долго держать в секрете... Но то, что мы с ним оба состоим в немецком клубе, что Клаузен когда-то занимался мотоциклетным и автомобильным бизнесом и что он очень хорошо ухаживал за мной, когда в 1938 году я получил серьезные ранения в мотоциклетной аварии, должно было развеять возможные подозрения по поводу наших частых встреч. Клаузен приходил ко мне, даже когда моя прислуга была дома, и другие случайные посетители могли видеть его у меня дома. Мы звонили друг другу домой, не обращая внимания на то, прослушивается ли телефонная линия или нет».

Хотя свои отношения с Вукеличем Зорге не афишировал, но он обеспечил себе оправдание, на случай если бы их увидели вдвоем, поставив в известность германского посла о том, что он поддерживает ни к чему не обязывающие отношения с французскими и союзническими журналистами, чтобы иметь возможность прощупывать их на предмет интересной информации. Клаузен, ставший казначеем аппарата, часто посещал Вукелича, так же, как и Мияги. Гюнтер Штайн старался держаться на некотором отдалении от Зорге. Встречались они мало и редко. И Клаузен, и Мияги были для Штайна посредниками, и встречи Штайна с ними проходили, как правило, в ресторанах. Дом Штайна Клаузен посещал лишь для проведения радиосеансов.

Зорге и Одзаки часто встречались в отдаленных ресторанах, а японские второстепенные члены группы редко, если вообще когда встречались с Зорге. Как правило, они передавали информацию Мияги, Клаузену или Одзаки.

После 1940 года «я начал использовать свой дом для встреч с Одзаки и Мияги... Я подумал, что было бы мудро с нашей стороны избегать публичных мест, потому что их (Мияги и Одзаки) все чаще и чаще спрашивали, кто я такой или кто они сами такие». Особые предосторожности предпринимались при подходе к дому Зорге. Члены аппарата прибегали к старому трюку, по нескольку раз «меняя кабриолеты», чтобы удостовериться, что слежки за ними нет. А когда они оказывались, наконец, рядом с домом, то ждали, когда Зорге засветит фонарь на балконе, сигнализируя, что все чисто.

Другой старый прием использовался при ресторанных встречах Клаузена и Вукелича. Оба всякий раз притворялись, что их встреча случайна. Все возможные пленки, деньги и бумаги, которыми они хотели обменяться, держались в полупустой пачке сигарет. Клаузен просил сигарету, Вукелич протягивал ему пачку. Взяв сигарету, Клаузен хотел было вернуть пачку, на что Вукелич говорил: «Оставьте себе. У меня есть другая пачка».

Между 1935 и 1941 годами аппарат Зорге работал стабильно и достаточно спокойно. Это действительно была одна из основных шпионских операций Советского Союза. Но тем не менее с финансовой точки зрения это была дешевая операция. Штаб-квартира главного командования на Дальнем Востоке в докладе о деятельности аппарата в Японии скрупулезно подсчитала его расходы:

«Общие затраты группы Зорге составляли около трех тысяч йен в месяц, или менее ста долларов США в качестве платы за необычайно ценную работу почти двадцати агентов. Поскольку, за одним исключением, все они работали из любви к делу, а не за деньги, плата, которую они получали ежемесячно, могла лишь покрыть их расходы на жизнь и поездки, никак не компенсируя их деятельность. Одзаки, например, никогда не получал ни пенни и даже оказывался в убытке, поддерживая материально некоторых из своих агентов. Зорге, Вукелич и Клаузен имели, конечно, регулярные поступления от своей работы, но у них также были и дополнительные траты».

Клаузен, как казначей, раз в год представлял Зорге отчет о доходах и расходах, который потом микрофильмировали и отправляли в Россию. За время своей службы в качестве казначея с 1936 по октябрь 1941 года Клаузен получил через курьеров 24 500 долларов и 18 300 йен, плюс около 10 000 долларов банковских переводов. То есть всего около сорока тысяч долларов. Конечно, информация, которую отправил в Центр Зорге после 22 июня 1941 года для Советского Союза, стоила дороже миллионов долларов, поскольку оказала громадное воздействие на передислокацию и развертывание советских войск, позволив остановить немцев в самой критической фазе войны.

Такая информация поистине бесценна.

Доклад, подготовленный разведкой США, отнюдь не преувеличил значения деятельности группы Зорге для Советского Союза и его союзников. Токийский аппарат был в состоянии информировать Москву о любых поворотах в дальневосточной политике. Когда Япония, подписав в 1936 году антикоминтерновский пакт, стала членом оси Рим – Берлин, в Кремле нашлись паникеры, уверенные, что это первый шаг по пути к тройственному военному союзу против России. Зорге, однако, сумел известить Москву, что вопреки многочисленным заявлениям для печати, нацисты были крайне неудовлетворены и разочарованы поведением японцев. Гитлер и Муссолини оказывали массированное давление на Японию с целью побудить ее пойти на заключение военного альянса, однако японцы артачились, отказываясь пойти дальше простых деклараций о необходимости борьбы против мирового коммунизма. Японские резоны, о которых было хорошо осведомлено германское посольство в Токио (а соответственно, и Зорге), заключались в нежелании японцев спровоцировать русских. Более того, сам антикоминтерновский пакт не стал сюрпризом для советского Министерства иностранных дел, ибо за два года до его подписания Зорге отправил в 4-е Управление мнение, высказанное фон Дирксеном, о том, что исключение Германии из Лиги Наций станет началом нацистско-японского сближения.

Еще раз, в 1937 году, Зорге информировал Советский Союз о том, что китайский инцидент скорее всего не просто операция по прочесыванию района. Тщательно документированная и обоснованная оценка этого события, подготовленная Одзаки, показала, что Япония, похоже, надолго застрянет в Северном Китае и что борьба будет долгой, дорогостоящей и нерешительной – и что оппозиция Чан Кайши в Китае по прошествии времени скорее укрепитя, нежели ослабнет. Занимая выгодную позицию советника кабинета, Одзаки мог снабжать 4-е Управление подробными отчетами о планах высшего японского руководства и, что еще более важно, посвящать Россию в тонкости политического мышления японских лидеров.

Когда в 1939 году Эйген Отт стал германским послом в Токио, Рихард Зорге занял пост пресс-атташе и в качестве такового, а также близкого друга и личного советника регулярно завтракал с Оттом каждое утро и знакомился со всеми депешами, поступающими из Германии, помогая готовить ответы и получая таким образом полную сводку того, о чем информировал германского посла японский Форин Офис. Связь Зорге с Оттом, а Одзаки – с принцем Коноэ, позволила двум агентам работать «на обеих сторонах улицы» одновременно, дважды проверяя и перепроверя информацию и предоставляя Москве ее точный синтез. В это самое лето на маньчжуро-монгольской границе произошло военное столкновение между частями Красной армии и японской квантунской армией – так называемый Номонганский (Nomonhan) инцидент, грозивший вылиться в долгожданный второй акт русско-японской войны 1905 года. Однако Красная армия была не готова к большой войне. Ее генеральный штаб и высшие эшелоны офицерского корпуса были истреблены в ходе чистки, начавшейся с ликвидации маршала Тухачевского, одного из самых блестящих умов своего поколения. Да и «польский коридор» был начинен взрывчаткой, грозившей рвануть в любой момент. И внутренних трудностей у советского режима не убавилось. Хотя и не прибавилось.

Но если Кремль и пребывал в тревоге, то Зорге мог многое сделать, чтобы уменьшить ее. Он не только снабжал Москву жизненно важной информацией – о расположении войск, о количестве предполагаемых подкреплений из Маньчжурии и самой Японии, – но и однозначно дал понять Москве, что эта операция была лишь пробным шаром и что японское правительство было полно решимости ограничить ее местным уровнем. Японская армия также не имела намерений провоцировать полномасштабную войну. Япония была слишком занята, пытаясь добить «драконий хвост» в Китае, хотя и слабый, но все еще способный сковать огромное количество японских войск. И тем не менее Зорге был также вынужден доказывать, что японская армия, всегда предпочитавшая войну против России, по-прежнему занимала господствующее положение в обществе. К счастью, Зорге был в состоянии действовать подобно противовесу, воздействуя через посла Отта или других авторитетных для Москвы людей. Армия давно настаивала на заключении военного союза с Германией и Италией – с момента подписания антикоминтерновского пакта. С германской точки зрения такой альянс был хорош во всех отношениях – и Зорге был не в силах переломить это всеобщее желание. Но он оказался под рукой, когда начались предварительные переговоры о тройственном союзе.

Как стало с тех пор известно разведке Соединенных Штатов, Зорге был «главным архитектором» этого союза. Любой военный альянс – заряженное ружье, и Зорге не мог не видеть, что это ружье направлено в большей степени на Соединенные Штаты, чем на Россию. Задуманный, как показал профессор Гарольд Винакл, для того, чтобы одновременно развязать японо-китайский конфликт и новую войну в Европе, что обеспечило бы ситуацию, когда «Соединенные Штаты приняли бы участие в какой-либо войне, выходящей за пределы, определенные подписантами как «локальный военный конфликт» и участники союза в ответ объявили бы о состоянии войны с Соединенными Штатами. То есть если бы Соединенные Штаты использовали бы свой флот в Тихом океане, чтобы предотвратить оккупацию Нидерландских Индий, они могли бы ожидать, что Япония, Германия и Италия объявят им войну и будут вести ее в Атлантике против Соединенных Штатов. Или, если американская помощь Британии превысила бы некий определенный уровень или угрожала бы стать

для Англии решающей, Япония могла бы объявить войну Соединенным Штатам на Тихом океане».

Посол Отт выразил Зорге свою благодарность за роль, которую шпион сыграл в подготовке пакта, пригласив его присутствовать на официальной церемонии подписания в Токио. Однако в последний момент личный представитель Гитлера, д-р Хайнрих Стамер, прибывший из Китая, чтобы благословить договор, выразил неудовольствие этим приглашением. Причем руководили им отнюдь не политические мотивы – он просто не желал, чтобы какой-то там ничтожный газетчик присутствовал на торжестве, которое карьерные дипломаты и высокопоставленные нацисты считали своей исключительной заслугой.

В течение всего 1940 года Зорге, как через курьеров, так с помощью радио, не переставал снабжать Москву текущей информацией о военном производстве Японии, ее воздушных и моторизованных силах. Он информировал 4-е Управление о решимости японской армии реформироваться по германской модели, делая упор на создание высокомеханизированных танковых соединений. Пакт о дружбе, подписанный между Японией и Советским Союзом, не развеял стойкого убеждения Москвы в том, что удар из Маньчжурии по-прежнему не за горами.

20 мая 1941 года Зорге предупредил свое начальство из 4-го Управления о другом, куда более серьезном, чем со стороны Японии, ударе. От посла Отта он узнал, что рейхсвер сконцентрировал от 170 до 190 дивизий вдоль советско-германской границы в разделенной Польше и что германская армия начнет наступление по всему фронту, ставя своей целью быстрое продвижение к Москве. Дата нападения, сообщил Зорге, 20 июня 1941 года. Он ошибся на два дня. Нападение началось утром 22 июня.

Красная армия была раздавлена сокрушительными ударами рейхсвера и пала духом – по-видимому, из-за того, что Советский Союз был не готов к этому нарушению пакта Гитлера – Сталина, ставшего сигналом для развязывания Второй мировой войны.

Предупреждение Зорге пришло вовремя, однако оно лишь подкрепило предупреждения, переданные Соединенными Штатами Сталину о том, что Гитлер готовится уничтожить своего бывшего союзника. И первоначальный разгром русского сопротивления был обусловлен в первую очередь изменениями в советской стратегии. Маршал Тухачевский подготовил тщательно продуманный план действий по созданию глубокоэшелонированной обороны, которая, вероятно, могла бы остановить германские танки. Маршал Сталин, стратег-любитель, ликвидировал линию Тухачевского вместе с самим Тухачевским. Он сконцентрировал свои войска вдоль всей линии фронта, при этом так развернув их, чтобы они оказались наиболее уязвимыми перед лицом германской тактики прорыва и окружения.

Красная армия в беспорядке отступала – ее лучшие соединения оказались разрезаны на куски, – и Кремль в ужасе смотрел из-за ее плеча на надвигающийся крах. Воспользуется ли Япония моментом бегства армии и развяжет ли давно ожидаемую войну против России? Или же Красная армия может снять все свои дальневосточные войска и бросить их в битву за Москву? Зорге было приказано оставить всю остальную разведывательную работу и посвятить себя исключительно поиску ответа на этот жизненно важный вопрос.

Конечно, немцы в Токио желали, чтобы Япония выступила на их стороне, что дало бы возможность нанести окончательный удар по советской власти как в Европе, так и в Азии. И задачей Зорге было держать русских в курсе любых германо-японских действий. Он взял на себя и дополнительную миссию – использовать влияние Одзаки на политико-определяющие круги, чтобы прямо или косвенно, но оказывать на них давление в пользу направления японской агрессии на юг.

Следующая фаза Второй мировой войны зависла в воздухе. Динамизм в истории – это, согласно гегелевской метафоре, узор, который уже соткан заранее, и лишь развертывается во времени. Возможно, это и оказало влияние на умы таких, как Зорге, Одзаки и их союзники в Вашингтоне и Чунцине. Что тут причина, что следствие – вопрос диалектики. Но результатом оказался Пёрл-Харбор.

ГЛАВА 12

ПРЕЛЮДИЯ К ПЁРЛ-ХАРБОРУ

Для большинства американцев история Пёрл-Харбора – закрытая книга. Официальные историки, такие, как Роберт Шервуд и Самнер Уэллес, с помощью благоразумного подбора фактов и теорий, убедили публику, что это трус, подлец и вор напал на Пёрл-Харбор и что тихоокеанская война была неизбежна. Хотя в истории нет ничего неизбежного, кроме последующих утверждений, что события прошлого были неизбежны. Факты, как они явственно прослеживаются в монументальных исследованиях о событиях в Пёрл-Харборе и в японских дипломатических документах, которые сегодня выходят на свет, убедительно доказывают, что войну можно было предотвратить. Трудолюбивые представители администрации Рузвельта – Трумэна десятки раз переписывали историю и вконец запутали всех, но так и не сумели окончательно похоронить правду.

Сказать, что военный конфликт с Японией можно было предотвратить, вовсе не значит обвинить администрацию Рузвельта в измене или предательстве. Не означает это и попытки предать японцев этакими безупречными пацифистами. Партия войны в японском правительстве была могущественной, решительной и жестокой. Но была там и сильная проамериканская партия, поддерживаемая микадо и очень влиятельная, имеющая голос при обсуждениях в высоких сферах, и которую вполне можно было поддержать и поощрить. Близкий к этой группе посол Джозеф Грю постоянно предупреждал Госдепартамент и президента, что если Соединенные Штаты не будут честны и последовательны в своих отношениях с проамериканскими фракциями, войны не избежать. Американская политика, однако, продолжала колебаться между неразумностью и раздражительностью, прежде чем начать игру. А потом на Тихий океан пришла война – неожиданная, кровавая и ненужная. Япония была разгромлена, но победителями оказались Иосиф Сталин и Мао Цзэдун.

Почему Америка нарвалась на войну – вопрос непостижимый и неясный с точки зрения мотивов и взаимных обвинений. Что нация не смогла действовать в своих собственных интересах – известно всем. Когда все свидетельства смогут вырваться на свободу из архивов Госдепартамента, новые поколения историков сумеют свести их воедино. Пока же поставим себе цель в рамках этого повествования лишь обрисовать, наметить в общих чертах то дипломатическое жульничество, что предшествовало Пёрл-Харбору, и попытаться показать, где искать ответственных за разгром. Если когда-либо группа людей, действующая в одиночку или совместно и вдохновляемая дьяволом или путаными целями изрядно потускневшего и порядком запятнавшего себя идеализма, могла изменить ход истории – то это именно тот случай.

Силы и страсти, которые вели к тихоокеанской войне, были многочисленны и настойчивы. И в момент кризиса, когда весы истории могли склониться к миру, горстка людей склонила их к войне. В Японии гирьку подбросили Рихард Зорге и Ходзуми Одзаки. В Китае – Оуэн Латтимор. В Соединенных Штатах – Лачлин Курье, Эдвард Картер и Гарри Уайт. Нити, связующие эти группы, конечно же тонки и непрочны. Так, Зорге, Одзаки и Уайт были советскими агентами. Картер, Латтимор и Одзаки сотрудничали с Институтом тихоокеанских отношений. Курье признался в своей близкой дружбе с советским агентом Натаном Грегори Сильвермастером. Картер, умышленно или нет, но был игрушкой в руках коммунистической ячейки в Институте тихоокеанских отношений. А Латтимор пользовался различной степенью доверия у тех, кто направлял и руководил катастрофической политикой Америки в отношении Китая.

Значение этого трехъярусного цирка – в Чунцине, Вашингтоне и Токио – становится ясным, когда читаешь «бортовой журнал» последних дней мира. На протяжении всей войны некоторые историки уверяли Америку, что миссия адмирала Номуры и посла Куруси была не более, чем обманом, завесой для отвода глаз и что окончательное решение напасть на Пёрл-Харбор было принято в начале осени 1941 года. Истина как раз в обратном. Японскому оперативному авиасоединению, обрушившемуся на Гавайи, не давали зеленый свет до 5 декабря 1941 года, когда позывные «Взойти на гору Ниитака» были переданы в эфир всеми радиостанциями японского военно-морского флота. 21 ноября адмирал Нагано Осами, начальник штаба военно-морских сил Японии, инструктировал японское командование, что «если японо-американские переговоры пойдут успешно, авиации прикажут немедленно вернуться». И уже не позднее 2 декабря 1941 года Нагано доложил высочайшей императорской власти, что если переговоры Номура – Куруси – Халл пойдут успешно, японский флот следует отозвать с задания.

Проамериканская группа в Токио, настаивавшая на урегулировании японо-американских разногласий, продемонстрировала поразительное упорство и настойчивость. На протяжении долгих месяцев ведя дискуссии с госсекретарем Корделлом Халлом, она получала отказ за отказом. То, что Халлу следовало с подозрением относиться к японскому правительству, не только понятно, но и говорит в его пользу, ибо действия Японии, например в Китае, были вовсе не таковы, чтобы вызывать доверие. Но Халлу все-таки не следовало позволять этому подозрению подавить его дипломатическую проницательность или притупить чувство опасности, учитывая, что Соединенные Штаты уже на всех парах неумолимо втягивались в европейский конфликт. И если это суждение не

лишено здравого смысла, то нижеприведенная хронология событий может сделать этот смысл более конкретным.

8 апреля 1941 года случились два события, которые должны были несколько умерить подозрительность Госдепартамента. Министр иностранных дел Японии Мацуока тайно встретился в Москве с американским послом Лоуренсом Стейнхардом, чтобы попытаться убедить его в том, сколь важно улучшить отношения между двумя странами. В основе текущих разногласий лежал китайский вопрос, и Мацуока высказал предположение, что Япония может пойти на заключение справедливого мира с китайским правительством Чан Кайши. Однако в свою очередь Япония хотела бы получить от Соединенных Штатов обещание содействовать достижению этого мира. Но если Китай отвергнет это предложение, Япония вправе будет ожидать, что США умоют руки в китайском инциденте. Стейнхард был поражен откровенностью Мацуоки и спешно отправил в Вашингтон изложение этой беседы.

9 апреля 1941 года группа частных граждан обеих стран представила Госдепартаменту план сохранения мира. План этот, составленный в сотрудничестве с Номура и получивший его одобрение, основывался на японских гарантиях целостности китайской территории и экономической интеграции в обмен на признание Китаем марионеточного режима государства Манчжоу-Го. Он включал в себя и вывод японских войск из Китая и, соответственно, восстановление традиционной американской политики открытых дверей. Япония также торжественно обещала не вмешиваться в европейскую войну, если только ее партнеры по тройственному пакту – Германия и Италия, не станут объектами нападения со стороны Соединенных Штатов. Более того, японцы уже давно не принимали всерьез свои обязательства по этому пакту и ясно дали понять американским представителям, что они охотно сделали бы этот документ чистой формальностью по типу: «не отменяется, но не применяется», если бы убедились, что Соединенные Штаты серьезно настроены на мирные переговоры.

Реакция Госдепартамента и госсекретаря Халла на эти предложения была циничной и враждебной. Соединенные Штаты выдвинули свои контрпредложения, и начались долгие и бессмысленные дебаты. Номура не упускал случая предостеречь Соединенные Штаты, что партия войны в Токио твердо стоит за войну и что любые проволочки на переговорах лишь усиливают «ястребов» и ослабляют антивоенные силы, и что в случае, если какое-то работающее соглашение в переговорах по китайскому инциденту будет достигнуто, это развязало бы США руки для участия в европейских делах.

Для администрации США, все помыслы которой были в первую очередь заняты поражением гитлеризма, это должно было бы казаться достаточно приемлемым выходом из тупика. Но Госдепартамент, и госсекретарь Халл настаивали на том, что стало бы для Японии равносильным безоговорочной дипломатической капитуляции.

В такой атмосфере путаницы и унижения японские милитаристы продолжали свое восхождение к вершинам власти. 24 июля японские силы вторжения высадились в заливе Камрань в Индокитае, легко преодолев сопротивление истощенных и деморализованных французских сил. Президент Рузвельт пригласил Номуру и в присутствии адмирала Старка, начальника военно-морских операций, и исполняющего обязанности госсекретаря Самнера Уэллеса объявил о введении полного эмбарго на торговлю с Японией (в качестве ответного шага). На японцев не произвела впечатление справедливость американской позиции. Они знали, что эмбарго действовало уже со 2 июля – задолго до вторжения. Самнер Уэллес, в своей недавней аполгии рузвельтовской администрации даже не упомянул об этом факте, хотя он искренне заявлял, что адмирал Старк и генерал Маршалл давно предупреждали, что введение эмбарго вполне вероятно может привести к войне.

На требование Соединенных Штатов уйти из Индокитая Номура предложил гарантировать такой уход – в случае, если китайское урегулирование оказалось бы эффективно действующим – с помощью оговорки в соглашении, что никаких японских войск не останется на французской территории. В обмен на это Номура вновь попросил Соединенные Штаты «выступить в качестве посредника для начала прямых переговоров между японским правительством и режимом Чан Кайши с тем, чтобы как можно скорее урегулировать китайский инцидент». Подобные предложения неуместны, ответил Халл, и свидетельствуют лишь о «недостатке готовности откликнуться на предложение, высказанное президентом».

Но более важными, чем демарши и контрдемарши дипломатов, – и более существенными для этого повествования – были решительные намерения рузвельтовских советников блокировать отчаянные попытки антивоенных фракций договориться о встрече между президентом и принцем Коноэ. Так, Л. Курье был главным советником президента по Дальнему Востоку и проявлял более, чем мимолетный интерес к этому вопросу. 17 августа 1941 года Номура передал настоятельную просьбу премьера Коноэ о такой встрече где-нибудь в центре Тихого океана, с тем чтобы проблемы, поставившие в тупик дипломатов, могли быть обстоятельно обсуждены «в мирном духе». До этого Номура уже дважды делал подобные предложения Госдепартаменту, но также бесполезно. Президенту понадобилось шесть дней, чтобы прийти к решению. И между двумя этими датами он получил личное послание Коноэ. Посол Грю в своем письме также настоятельно советовал Халлу

форсировать проведение этой встречи. Он писал:

«Это предложение (о встрече) не только не имеет прецедента в японской истории, но это еще и показатель того, что японские непримиримые пока блокированы полностью благодаря тому факту, что предложение пользуется поддержкой императора и высших властей страны. Польза, которую могла бы принести встреча принца Коноэ и президента Рузвельта, безмерна».

На Халла это не произвело ни малейшего впечатления. Однако Рузвельт клюнул на это предложение и одобрил его, но через несколько дней советники отговорили его. И хотя японский премьер продолжал периодически слать президенту послания с просьбой о встрече, хотя Коноэ и пошел на уступки по вопросу о месте встречи, согласившись – в нарушение всех традиций – встречаться на американской земле, президент продолжал отклонять его просьбы и тянуть время. Грю и Юджин Ду – искусные и проницательные карьерные дипломаты – предупреждали из Токио, что нежелание Соединенных Штатов провести эту встречу поможет свалить умеренное правительство Коноэ и передать Японию в руки империалистов. А кроме того убедит многих японцев в том, что Америке нельзя доверять. Но эти предупреждения так и не сумели пробиться сквозь стену советников президента. И японские, и американские дипломаты в Токио предупреждали, что время уходит, но Госдепартамент по-прежнему настаивал на своей роли оплота упрямства.

1 октября 1941 года кабинет Коноэ пал. Его отставка явилась прямым следствием неудачных попыток добиться встречи с президентом Рузвельтом. В ведомстве Марса пробил последний час. И пробил он на фоне последней попытки, предпринятой японцами. В Японии, глубоко увязшей в Китае и ослабленной американским эмбарго на нефть и сталь, усиливалось давление милитаристской клики, и умеренные в японском кабинете оказались перед дилеммой: сейчас или никогда. Или они придут к соглашению с американским госсекретарем, который с самого начала переговоров встал на тропу войны, или им придется сдать страну партии войны, которая заставит ее воевать, пока у Японии будут для этого силы и возможности.

Люди, искавшие средство остановить сползание к войне, пребывали почти в отчаянии, перешедшем в панику после отказа Госдепартамента заключить соглашение, пусть и сколь угодно временное. Их бесило упрямство госсекретаря Халла, требовавшего от Японии дезавуировать тройственный пакт, прежде чем американское правительство соизволит хотя бы обсудить другие альтернативы. Они понимали, что партия войны уже приступила к последним приготовлениям к войне, которые можно остановить лишь достижением взаимопонимания в американо-японских отношениях. Сегодня мы знаем, что Госдепартамент был осведомлен об этой крайней необходимости: Соединенные Штаты сумели дешифровать японский шифр и были в курсе всех радиосообщений, посылаемых из Токио в посольства, военные соединения и дипломатические миссии. Однако ничего не было сделано.

20 ноября 1941 года японцы предприняли последнюю попытку – речь идет о знаменитом предложении *modus vivendi* или 90-дневном перемирии, в течение которого Япония и Соединенные Штаты смогли бы прийти к соглашению по тихоокеанскому региону. Принимая требование Государственного департамента, японцы согласились превратить тройственный пакт в «мертвую букву», толкуя его «свободно и независимо», и дезавуировать свои намерения вступить в европейскую войну, если они не подвергнутся прямому нападению одной из воюющих сторон. Япония также приняла предложение президента Рузвельта о посредничестве в китайско-японском конфликте и обещала вывести все свои войска из французского Индокитая до восстановления мира. В обмен Япония ожидала снятия экономического эмбарго.

С точки зрения американской безопасности, *modus vivendi* являл собою замечательное решение, ибо его соблюдение означало бы, что японские армия и ВМФ, связанные обещанием императору и императорскому кабинету, были бы вынуждены «отозвать собак» и ждать, пока не кончатся 90 дней. Эти три месяца были бы жизненно важными и для Соединенных Штатов.

Генерал Макартур, принявший на себя руководство обороной Филиппин, объявил со свойственным ему оптимизмом, что он сможет удержать их. Однако он умерил свой оптимизм, установив минимальное время в три месяца для подготовки обороны. В то время, когда было сделано предложение о перемирии, Макартуру не хватало еще двух месяцев до запланированного ее завершения.

Предложение о *modus vivendi* прошло, как говорится, в дюйме от того, чтобы быть принятым. Но вот 26 ноября Халл сделал шаг, который Грю позднее описал, как «коснулся кнопки, что начала войну». Он отбросил разговоры о соглашении и выдал японцам ультиматум. А десять дней спустя японский флот на всех парах двинулся на Пёрл-Харбор, получив по радио сообщение: «Взойти на гору Ниитака».

Госдепартамент действовал не вслепую. 26 ноября, через день после предъявления ультиматума, Стимсон позвонил Халлу, чтобы спросить его мнение о *modus vivendi*. И тут военный министр впервые узнал, что мирный план отвергнут. Халл важно сообщил Стимсону, что он отказался от этого дела. «Я умываю руки, и теперь все в ваших руках – твоих и (военно-морского министра

Фрэнка) Кнокса – то есть армии и флота».

Хотя в раззолоченном особняке, где размещался тогда Госдепартамент, война пока еще не объявлялась, но с мыслью о ней уже примирились. Что же повлияло на президента и его госсекретаря в этот «нулевой час» истории? Ответ можно найти в Токио, Чунцине и Вашингтоне. А сегодня он может быть найден и в признаниях Зорге, и в многотомных свидетельских показаниях и вещественных доказательствах расследования по Пёрл-Харбору, и в стенографических отчетах слушаний комиссии Маккаррана по Институту тихоокеанских отношений.

С момента нападения нацистской Германии на Советскую Россию в июне 1941 года, усилия коммунистов всего мира были направлены на предотвращение открытия второго фронта в Азии. Проигрывая сражение в Европе, русские нуждались в каждом солдате, каждом танке и в каждой пуле. И тем не менее они не могли позволить себе оставить сибирские границы незащищенными, не имея твердых гарантий, что Япония не ударит им в спину, как ударили они сами в спину Польше в 1939 году. Таким образом, Рихард Зорге от шпионажа и только шпионажа перешел к влиянию на политику Японии и – через германское посольство – Германии.

«Когда в 1941 году призыв к войне с Советским Союзом зазвучал все настойчивее... я не ограничился лишь определенными маневрами Одзаки внутри группы Коноэ, так как не сомневался в необходимости работать и по Германии», – писал Зорге. Одзаки принялся обрабатывать своих друзей, принца Сайондзи и премьер-министра Коноэ. Он предостерегал их, что силу Советского Союза недооценивали, и высказывал предположение, что война с Россией была бы невыгодна для Японии. По словам Зорге, аргументы Одзаки были вкратце следующими:

«Советский Союз ни при каких условиях не намерен воевать с Японией, и даже если бы Япония вдруг вторглась в Сибирь, он стал бы лишь защищаться. И было бы недальновидным и ошибочным для Японии шагом – напасть на Россию, поскольку она не сможет ничего получить в Восточной Сибири или извлечь сколько-нибудь значительную выгоду из этой войны. Соединенные Штаты и Великобритания приветствовали бы открытое выступление Японии против России, чтобы воспользоваться моментом и ударить по самой Японии сразу, как только иссякнут ее нефтяные и железные запасы. Более того, если бы Германии удалось добиться успеха в разгроме Советского Союза, Сибирь могла бы упасть в лапы Японии, и при этом японцам не пришлось бы ударить пальцем о палец. А если Япония стремится к дальнейшей экспансии, не считая Китая, то южные районы Азии куда больше подошли бы для этих целей, поскольку там Япония нашла бы те стратегические ресурсы, столь необходимые ей в военное время, а также напрямую столкнулась бы со своим настоящим врагом (Соединенными Штатами), противостоящим ей в битве за место под солнцем».

Одзаки информировал Зорге о титанических усилиях принца Коноэ в его попытках уладить китайский инцидент и избежать дальнейшей эскалации конфликта. Хотя Одзаки часто встречался с премьером, ясно, однако, что он не мог сколько-нибудь серьезно повлиять на ход мыслей принца Коноэ. Но поскольку дискуссии эти иногда происходили и в присутствии других членов кабинета, то взгляды, выражаемые Одзаки, конечно же, благосклонно воспринимались менее пацифистски настроенными японцами и сказывались таким образом на шагах, которые со всей очевидностью привели к Пёрл-Харбору.

Первые июльские сообщения Зорге о возможности японского нападения на Россию были достаточно пессимистичны. Он радировал в «Висбаден», что посол Отт, ближайший друг Зорге в германском посольстве, информировал его, что Япония нападет на Россию после падения Ленинграда и Москвы и выхода немецких армий к Волге. Но, добавлял Зорге, Тодзио не был заинтересован в нападении на Россию. В последнем своем сообщении за этот месяц Зорге информировал своих русских хозяев, что у японских ВМФ достаточно запасов горючего на два года, а у гражданского населения – на полгода. Это означало, что Япония или будет вынуждена пойти на соглашение с Соединенными Штатами, величайшей нефтедобывающей страной мира, или же решиться на войну с западными державами, чтобы силой добыть то, чего ей недостает. Это была хорошая новость для России – ну, сколько нефти было там, в Сибири?

К концу августа Зорге отправил в «Висбаден» сообщение, что посол Отт информировал его о намерении Японии твердо придерживаться Пакта о нейтралитете с Россией. Новости становились все лучше. В сентябре 4-е Управление получило сообщение, что Япония не нападет на Россию, если только вдруг Красную армию не постигнет полный крах. И хотя Зорге дал знать в свой родной офис в Москве об огромном размахе летней мобилизации – за которой последовали еще более крупные в декабре 1941-го и январе 1942 года – он мог заверить русских, что японская сила в Маньчжурии уменьшилась до тридцати дивизий – т. е. квантунская армия была совершенно не готовой к боевым действиям.

Одзаки тем временем по-прежнему продолжал пристально наблюдать за японо-американскими переговорами – этого было достаточно, чтобы держать Кремль в нервном состоянии. Хотя Москва, благодаря Зорге, знала, что японский Кабинет принял решение направить главный удар на юг и на Соединенные Штаты в случае провала мирных переговоров, русским было также известно, что

дискуссия вполне может закончиться заключением временного или постоянного перемирия. В таком случае Япония получила бы и нефть, и сталь, в которых отчаянно нуждалась, и одновременно набросилась бы на своего старого врага – Россию! Длинные послания от Зорге, когда переговоры продвигались успешно, увеличивали нервную дрожь в Кремле.

«Отто видел предложения Соединенным Штатам... Пункт 4 определяет способ решить китайскую проблему путем временной консервации вопроса о выводе войск, но предполагает, что Япония готова вывести войска из определенных мест в Центральном и Южном Китае. Пункт 5 касается проблемы американских прав на Дальнем Востоке и устанавливает, каким образом они могут быть защищены...»

В начале октября Зорге передал по радио еще одно сообщение в Москву о ходе «американо-японских переговоров».

«По мнению Коноэ, они завершатся успешно, если Япония снизит свое военное присутствие в Китае и Французском Индокитае и приостановит свой план строительства восьми военно-морских и военно-воздушных баз во Французском Индокитае... Но если переговоры провалятся, то будет война, и потому нет сомнений, что Япония делает все возможное, чтобы прийти к их успешному завершению, даже за счет своего германского союзника».

Это сообщение было послано Зорге в то время, когда посол Отт почти ежедневно информировал его о японских военных и дипломатических планах, и после двойной сверки этой информации с тем, что он узнавал от советника премьера Коноэ – Одзаки, Зорге передавал ее в Москву.

Тогда же, в октябре, Одзаки предупредил, что «последующие две-три недели будут решающими в вопросе о движении Японии на юг» и нападения на западные державы. И все же Одзаки был твердо убежден, что столь опасные для них переговоры не станут успешными и никогда не достигнут цели. Ибо он ясно видел горячее желание японского милитаризма развязать войну против США и Англии. Как один из основателей Imperial Rule Assistance Association, наиболее шовинистической из всех влиятельных японских групп давления, Одзаки был прекрасно осведомлен о целях и мощи партии войны. Он поощрял милитаристов и, можно сказать, снабжал их «боеприпасами» для борьбы против антивоенных фракций. Одзаки также читал унылые отчеты обескураженных японских дипломатов из Вашингтона, чувствовал их разочарование при виде неспособности (или нежелания) Госдепартамента понять, наконец, весь драматизм и срочность ситуации и уяснить, что если не произойдет резкого изменения в американской политике, война неизбежна.

В середине октября 1941 года, менее чем за два месяца до Пёрл-Харбора, Зорге и Одзаки направили в 4-е Управление длинный отчет, в котором обосновывалось мнение Зорге, что Япония потеряла надежду достичь согласия с американским правительством и что нападение на США и Англию будет осуществлено в декабре 1941-го или, возможно, в начале января 1942 года. Кремль, которому в свое время передали предупреждение президента Рузвельта о сроках германского нападения на Россию, «отблагодарил» Соединенные Штаты, оставив ценные разведанные при себе. С советской точки зрения причины были чисто прозаические. Воюя с Соединенными Штатами, Япония не рискнет напасть на Сибирь, да и Соединенные Штаты, окунувшись в войну, стряхнут с себя то, что Кремль считал равнодушием, если не легкомыслием, в отношении к ленд-лизу – поставок военно-воздушной продукции и вооружений.

Отправив это послание, Зорге почувствовал, что его миссия выполнена. Более того, он знал, что когда начнется война, возможность вернуться в Россию, не «засветившись», будет для него нулевой. Не было больше никакой нужды оставаться в Японии, и он подготовил черновик шифровки с просьбой о вызове в Москву. Но колесо уже закрутилось. И хотя Зорге этого не знал, арест его был делом решенным. По иронии судьбы, на след его группы японская тайная полиция вышла по чистой случайности. И дело было не в провале или неосторожности кого-либо из членов организации. Аресты произошли лишь потому, что никакая завеса секретности не может быть абсолютной, всегда остаются упущенные концы, непредвиденные и непредсказуемые, с помощью которых и начинают распутывать весь клубок.

Слабым звеном стал Ито Рицу, в послевоенные годы член ЦК японской компартии и лидер Корпуса молодежных действий. В июле 1941 года Ито был арестован Токкока (токийская тайная полиция) по обвинению в коммунистической деятельности. (Одновременно он выполнял секретные задания по заказу Южно-Маньчжурской железной дороги.) Во время допроса Ито раскололся и признал, что он коммунист. И хотя он не изменил своей идеологической вере, он без промедления принялся топить своих товарищей, возможно, чтобы избежать пыток. И среди названных им людей была и Китабаяси Томо, у которой Мияги Итоку жил в Соединенных Штатах и которую завербовал в организацию Зорге, когда она вернулась в Японию. Ито знал миссис Китабаяси как коммунистку, хотя когда она вступила в подпольную организацию Зорге, она разорвала все свои партийные связи, что заставило Ито решить, что Китабаяси превратилась в изменницу. По иронии судьбы, выдавая ее полиции, Ито просто мстил ей за отступничество.

28 сентября 1941 года полиция напала на след миссис Катабаяси и вскоре арестовала ее. Ей не в

чем было особенно признаваться, кроме как в подпольной связи с Мияги, который и был арестован 10 октября.

Человек слабый и болезненный, больной туберкулезом, Мияги сначала пытался покончить с собой, выпрыгнув из окна полицейского участка, но после того, как эта попытка не удалась, его сопротивление было быстро сломлено и он назвал всех своих сообщников. Используя его дом как ловушку, полицейские принялись арестовывать всех, кто приходил к художнику. 14 октября был арестован Одзаки. У арестованных не было никакой возможности предупредить остальных членов группы об опасности, поскольку все встречи были заранее назначены.

15 октября, после обеда, Макс Клаузен появился в доме Зорге, чтобы обсудить с шефом набросок послания в Центр с просьбой о возвращении. Он нашел Зорге очень взволнованным. «Джо (Мияги) не пришел на встречу, назначенную на 13-е, – сказал Зорге. – И Отто (Одзаки) не встретился со мной в ресторане «Азия». Полиция могла арестовать их. «В тревожном состоянии они ожидали прихода Одзаки, но он так и не появился. Через два дня Клаузен вновь пришел в дом Зорге. Там уже был Вукелич, глубоко озабоченный исчезновением двоих своих людей. А возвращаясь домой, Клаузен наткнулся на офицера специального отдела Токкоки. Была ли эта встреча случайной? Этого Клаузен не знал, но его уверенность была поколеблена. Первым его побуждением было сжечь все документы, которые у него были, и закопать передатчик, но поразмыслив, он решил пока ничего не предпринимать.

На следующее утро, когда Клаузен еще спал, к нему в комнату вошел тот полицейский, с которым он столкнулся накануне, и арестовал его. Пока Клаузен одевался, полиция окружила дома Зорге и Бранко Вукелича. До конца дня все члены организации Зорге оказались в тюрьме. (В течение шести месяцев 35 подозреваемых были арестованы, из них 16 подверглись пыткам, остальные отпущены как простодушные простофили или случайные сотрудники. Принц Сайондзи был арестован одним из последних. Приговор – три года тюремного заключения – был, несомненно, вынесен с учетом высокого положения его семьи.) Посла Отта и полковника Мейзингера, шефа гестапо, не уведомили об аресте Зорге. Через несколько дней Мейзингер стал тревожиться по поводу необъяснимого исчезновения Зорге. Наконец, он связался с Токкока и с удивлением узнал, что Зорге арестован как советский шпион. Мейзингер набросился на полицию с бранью за ее тупость и неспособность вести дела.

«Зорге – единственный человек в немецком посольстве, которому я действительно доверяю!» – кричал в трубку шеф гестапо. Очень вежливо японцы вкратце поведали ему о доказательствах, которыми они располагают, после чего Отт и Мейзингер доложили об аресте в Берлин, всячески преуменьшив степень вины Зорге. Однако в штаб-квартире гестапо в Берлине подняли архивы и обнаружили полное досье на Зорге. Отт срочно заменил д-ром Хайнрихом Стаммером, который, однако, благополучно просидел до конца войны в Пекине.

После краха Германии Мейзингер был пойман в Польше, где предстал перед судом за зверства, совершенные им в Варшаве. Одзаки казнили, тогда как истинная судьба Зорге остается под большим вопросом. Мияги и Вукелич умерли в тюрьме. Макс и Анна Клаузен, как и Каваи, были приговорены к тюремному заключению и находились в тюрьме, пока война не закончилась. Их освободили войска генерала Макартура и, согласно букве Потсдамского соглашения, они вместе с другими политическими заключенными исчезли в Китае, получив деньги в советском посольстве.

Когда генерал Уиллоби, шеф разведки генерала Макартура, в августе 1951 года предстал перед подкомиссией по международной безопасности, возглавляемой сенатором Маккарти, он обнародовал данные о деятельности Зорге, направленной на то, чтобы втравить Японию в тихоокеанскую войну. Ему, однако, не позволили развить свою мысль и дополнить сведения о роли некоторых американцев в этих попытках. Незадолго до выступления Уиллоби посетил некий генерал-майор, который дал ему особые инструкции относительно того, что можно и чего нельзя говорить, и страна услышала лишь ту правду, которая прошла цензуру президента Трумэна и Пентагона. Однако существуют свидетельства, что давление со стороны Зорге на Токио продолжалось до того самого момента, пока японские бомбы не упали на Пёрл-Харбор, хотя шло ли оно со стороны американцев или со стороны прокоммунистически настроенных японцев – мы по-прежнему не знаем. Но есть один любопытный аспект у этой загадки – это то, что принц Сайондзи, бывший вместе с Одзаки членом «группы завтраков» и секретарем японского совета в Институте тихоокеанских отношений, поражал своих друзей в правительстве демонстративным отказом от былого «либерализма», оказывая всяческое содействие партии войны.

Лишь сегодня мы узнаем, как продолжалось это скоординированное давление из Вашингтона и Чунцин. Но мы, возможно, никогда так и не узнаем, было ли оно вызвано заблуждающимся идеализмом, невежеством или же подлостью, застигнутой на месте преступления. Пусть читатель сам оценит факты, приведенные в этой книге. Дело же писателя – предоставить их ему.

20 ноября 1941 года японская антивоенная фракция предприняла свою последнюю попытку сохранить мир, предложив Соединенным Штатам *modus vivendi*. Предложение получило горячую поддержку Объединенного комитета начальников штабов, которые чувствовали, что Соединенные

Штаты пока не готовы защитить себя от нападения на Тихом океане. Генерал Макартур не был готов организовать оборону Филиппин, а ВМФ был вынужден держать большую часть своих сил в Атлантическом океане.

В сущности, *modus vivendi* не был сюрпризом для президента Рузвельта и его кабинета – из перехваченных японских шифровок давно стал известным его текст. Госсекретарь Халл и президент долго обсуждали японское предложение. Специалисты Госдепартамента по Дальнему Востоку подготовили памятную записку для Халла, из которой следовало, что «переходное» соглашение с Японией было бы выгоднее немедленного и всеобщего соглашения, за которое настоятельно ратовали некоторые члены официальной президентской семьи. Более того, сам президент Рузвельт страстно желал согласиться на еще не предложенный *modus vivendi*. Он также подготовил набросок меморандума, который расширял временной срок японских мирных предложений до шести месяцев и фактически признавал японские интересы в Манчжоу-Го, требуя, правда, от японского правительства не увеличивать численность японских вооруженных сил на маньчжурской границе. До этого момента, в продолжение долгих и мучительных переговоров тех довоенных дней, японские завоевания в Маньчжурии не были ни предметом спора, ни камнем преткновения, что бы там официальные пропагандисты сегодня ни говорили и ни писали.

На заседании кабинета было решено принять *modus vivendi*. Но прежде, чем сделать это официально, следовало, как все понимали, информировать Чан Кайши об условиях мирного соглашения и тех замечательных выгодах, которые разбитый и ослабленный Китай может из него извлечь. Деликатная миссия разъяснения *modus vivendi* была поручена Оуэну Латтимору как личному представителю президента в Чунцине.

Казалось, не было причин, по которым Чан мог бы не согласиться на заключение временного перемирия, которое пусть на время, но освободило бы Китай от тяжелого бремени войны и, возможно, привело бы в конечном итоге к умеренно-справедливому миру. Мир никогда не узнает доподлинно, как происходило разъяснение сути соглашения генералиссимусу. Однако то, что Чан так и не понял положений *modus vivendi*, – факт общеизвестный. Халл жаловался Гиттерли, что Чан «не представляет себе реально, каковы факты».

Более того, 25 ноября Лачлин Курье получил в Белом доме радиограмму от Латтимора: «...Я полагаю, вам следует непременно сообщить (президенту) о сильной реакции генералиссимуса... Любые *modus vivendi*, принятые в обход Китая и без учета его интересов, оказали бы разрушительное воздействие на веру китайцев в Америку... Сомнительно, в состоянии ли прошлая помощь или увеличение нынешней помощи компенсировать это чувство покинутости... в такой час... Должен предупредить вас, что остается под вопросом способность генералиссимуса удержать ситуацию, если доверие китайского народа к Америке будет подорвано сообщением о том, что японцам удалось избежать военного поражения с помощью дипломатической победы». Телеграмма подписана – «Латтимор».

А в это время в Вашингтоне помощник министра финансов Гарри Декстер Уайт был занят «разжиганием огня» под госсекретарем Халлом, с тем, чтобы заставить его отказаться от *modus vivendi*. Член двух советских шпионских организаций, Уайт несколько лет назад продемонстрировал свою любовь к Китаю, передав России доклад о состоянии китайских финансов, достаточно подробный, чтобы позволить враждебной державе разрушить китайскую национальную экономику. Подрезав на корню мирное соглашение, Уайт вызвал Эдварда Картера и других лидеров Института тихоокеанских отношений в Вашингтон и призвал их оказать воздействие на друзей в правительстве с целью убедить их в том, что подобное решение китайского инцидента было бы не чем иным, как предательством. Письмо Картера, написанное 29 ноября 1941 года, само по себе поразительно разоблачительное.

«Могу предположить, что прошедшая неделя была у Курье ужасно беспокойной, – пишет Картер другу. – В течение нескольких дней казалось, что Халлу угрожает опасность отправить и Китай, и Америку, и Англию «вниз по реке». Курье ничего не говорил мне об этом, но я узнал из других высоких источников».

В показаниях под присягой, данных перед сенатской подкомиссией по международной безопасности, Картер признал, что он ездил в Вашингтон по настоянию Уайта, чтобы «посмотреть, есть ли какие-нибудь частные граждане или правительственные служащие, которые могли бы гарантировать, что дело с *modus vivendi* не будет доведено до конца». «Ходили слухи, – добавил он, – что во время игры в гольф, я полагаю, с адмиралом Номурой, японцы убеждали мистера Халла в своем праве на захват Китая, мотивируя это тем, что Япония, как более цивилизованная страна, выполняет в Китае ту же миссию, что Англия в Индии». Однако Картер продолжал настаивать, что он никогда не оказывал какого-либо давления на Халла, поскольку *modus vivendi* и так был уже отвергнут. Это несколько не совпадало с рассказом Лачлина Курье об «ужасно тревожном времени», но подкомиссия не настаивала.

Если даже Картер и не беседовал с Халлом лично, в Институте тихоокеанских отношений, однако было достаточно друзей и помощников в его деятельности. Был, например, Гарри Уайт, постоянно

работавший через министра финансов Генри Моргентау. Был Лачлин Курье, вооруженный телеграммой Латтимера. Госсекретарь Халл неожиданно изменил свое мнение. 26 ноября, не поставив в известность министра обороны Стимсона, но с одобрения президента, он выдал японцам свое знаменитое «вон из Китая, а иначе...» «Нельзя сказать, что этот ультиматум был столь же грубым и бесцеремонным, как некоторые другие, но в качестве основы для переговоров – это была дверь, захлопнутая перед носом у японцев. «У нас не было серьезных оснований полагать, что Япония примет наше предложение», – писал Халл четыре года спустя. 27 ноября 1941 года – на следующий день после ультиматума – агентство Юнайтед Пресс сообщило, что «Соединенные Штаты передали Японии резкое политическое заявление, которое, как сообщили в информированных кругах, фактически покончило со всеми шансами на соглашение». Это была честно сформулированная суть дела.

Поскольку в ультиматуме Халла выдвигалось требование, чтобы Япония фактически ушла со всего азиатского материка – за исключением Кореи – и вернулась к status quo, существовавшему для японской империи двумя десятилетиями ранее, нота Халла, оформленная в программу из 10 пунктов, была унижительной до степени, беспрецедентной в дипломатических отношениях двух стран. Комитет по делам армии – один из нескольких официальных органов, определявший степень вины каждого за разгром в Пёрл-Харборе, в осторожной манере привлек внимание к критической важности этого поступка госсекретаря Халла:

«Ответственность, которую взял на себя госсекретарь, была обусловлена тупиком, в который зашли переговоры между Соединенными Штатами и Японией... Несомненно, что 26-го утром мистер Халл принял решение согласиться с предложениями, показанными за день до этого министру обороны (Стимсону), в которых содержался план трехмесячного перемирия... На деле решение «опрокинуть все пинком ноги» сопровождалось выставлением японцам контрпредложений из десяти пунктов, который они восприняли как ультиматум... Ударные японские соединения покинули бухту Танкан в ночь с 27 на 28 ноября...»

То, что Соединенные Штаты рассматривали заявление Халла как ультиматум, становится ясным и из военного предупреждения, посланного 27 ноября всем американским сторожевым аванпостам. Это было подчеркнуто еще раз и заявлением президента Рузвельта во время обсуждения ноты Халла, что «мы предполагаем атаковать, вероятно, в следующий понедельник». Рузвельт оказался неправ, но лишь в отношении даты.

Японское правительство условилось 19 ноября 1941 года передать сообщение «ветер с дождем с востока» в середине сводок регулярных новостей, передававшихся в коротковолновом радиодиапазоне, в качестве предупреждения японскому дипломатическому персоналу о том, что решение о начале войны принято. Американская разведка, дешифровавшая японский код, знала, что три слова в этом коротком сообщении означали три предложения: «Война с Англией. Война с Америкой. Мир с Россией». Комитет по делам армии, проводивший расследование обстоятельств нападения на Пёрл-Харбор, сообщил, что «подобная информация («ветровое» сообщение) была перехвачена станцией слежения. Эта информация была получена 3 декабря, переведена и предоставлена в распоряжение высоких властей». Однако само «ветровое» послание исчезло из архивов ВМФ. Все остальные копии, по словам Комитета по делам армии, также исчезли вскоре после нападения на Пёрл-Харбор. Офицеры ВМФ признавали существование радиоперехвата до 1944 года, а потом вдруг стали страдать прогрессирующей потерей памяти. «Высокое руководство» в армии, ВМФ и Белом доме опровергло, что оно когда-либо видело это сообщение. Может, оно пропало в дороге? Или заблудилось? Или было изъято кем-то более или менее высокопоставленным?

«Ветер с дождем с востока» обрушились на Пёрл-Харбор в тихое воскресенье. И если одним пришлось умереть, то другие оказались победителями.

ГЛАВА 13

ЗВЕНЬЯ АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТИКИ

Ни один шпионский аппарат не являет собою остров, существующий обособленно, сам по себе. Каждый в нем выполняет свою функцию, но при этом зависит от других. Если сравнить с испорченной железной дорогой, двигающейся по порочному кругу – наоборот, от свободы к рабству, каждый аппарат – это станция. А главный переключатель находится в 4-м Управлении «поездами». Поэтому вольно или невольно, но агенты аппарата постоянно переезжают с места на место, пока их не ликвидируют, не арестуют, или пока им наконец не удастся вырваться на свободу в этом мире, который использует их, а потом отвергает.

Это постоянное перемещение советских агентов от аппарата к аппарату не только удерживало многих из них от соблазна помчаться к шерифу, но и возбуждало в них ложное чувство, что они – солдаты идеологического фронта, сражающегося в битве за свободу повсюду, где бы ни поднимала голову тирания. Странствующие аппаратчики коммунизма многочисленны. (Большинство из них пишет книги, и полки забыты их «объективными» писаниями.) Хотя руки и души аппарата связаны многими обязательствами, некоторые аппаратчики не являются идейными коммунистами. Так, Гедэ Мэссинг, бывшая в течение многих лет советским курьером, не смогла бы объяснить теорию прибавочной стоимости даже под угрозой расстрела. Гарри Уайт, который регулярно передавал американские государственные секреты двум шпионским группам в Вашингтоне, был кейнсианцем. Ноэль Филд, буквально посвятивший свою жизнь Советскому Союзу, проявлял свои коммунистические симпатии, стоя в полночь у погруженного в тишину мемориала Линкольна и распевая «Интернационал» на плохом русском.

Агнес Смедли тоже была одним из таких мнимых идеалистов. Она действительно верила в то, во что не верит ни один профессиональный активист – а именно, что коммунизм – это восторг души и что именно он сделает братьями всех живущих. Ее книги, ее речи, ее интервью полны поклонением несуществующей цели. И хотя она могла желчно пройти по поведению американских – и русских – коммунистов, она облачала коммунизм и его идеалы в ауру почти религиозного экстаза, и, что еще важнее, был у нее тот иступленный, сбивающий с толку незнакомого с ней человека шарм, характерный для невротиков определенного типа. Это был шарм приведенной в боевую готовность, защищенной зубцами и бойницами политической девственности, пережившей неоднократные попытки насилия со стороны коммунистических функционеров, что и сделало ее столь опасной. Она лгала с такой душераздирающей искренностью, что и она сама, и ее некомунистические друзья были убеждены, что она говорит правду.

Агнес Смедли прошла предварительное обучение в шанхайском аппарате Рихарда Зорге, а когда Зорге перебрался в Токио, сама окунулась в этот бизнес. Но есть основания полагать, что к 1936 году она стала отдаляться, уходить от этой достаточно примитивной формы «отправки тряпья» в Россию и взялась за бесконечно более деликатную и важную задачу по оказанию влияния на ту небольшую группу американцев в Ханькоу, которые в конечном итоге стали хозяевами американской дальневосточной политики. Нелепо было приписывать одной Смедли ответственность за эту индоктринацию, как неверно было бы отдавать ей и существенную долю вины за пренебрежение некоторыми американцами интересами Америки.

Ее влияние на генерала Джозефа, позднее ставшего одним из главных проводников нерешительной американской политики в Китае, было огромно. И хотя вряд ли ей удалось обратить его в свою веру в то, что китайские коммунисты – безупречные демократы высшей пробы, она, конечно же, демонстрировала все подходящие случаю восторги и восхищения, когда он старался действовать так, словно сам верил в это. Английский посол в Китае в 1933 году сэр Арчибальд Кларк-Керр (впоследствии лорд Инверчепель) считал Агнес Смедли одной из «величайших женщин» на земле, и от нее он воспринял миф о том, что китайские «красные» – милейшие люди, и эти воззрения лорд Инверчепель прихватил с собой, став послом в Вашингтоне.

Эванс Карлсон, выросший до звания бригадного генерала в ВМФ США и посмертно посвященный коммунистической прессой в рыцаря партии, был кем-то вроде Трильби мужского рода для Свенгали – Агнес Смедли.

Фреда Атби описывает, как Карлсон «прогуливается по Ханькоу в грязной рубашке с коротко обрезанными и неподрубленными рукавами, стараясь таким образом быть похожим на коммунистического партизана. Его странный вид и восторги в отношении китайских коммунистов были осмеяны... умудренным опытом, искушенным Джоном Дэвисом, впоследствии консулом Соединенных Штатов в Ханькоу. Но хотя Дэвис и опровергал утверждения Карлсона, что коммунисты – «истинные христиане», но Агнес Смедли он называл «невинной чистой душой».

Стилуэлл, Карлсон и Дэвис, поддерживаемые писателями, подобными Эдгару Сноу, Гюнтеру Штайну, Оуэну Латтимуру, Т.А. Биссу – все они помогали сбывать дело китайских коммунистов американским интеллектуалам и Госдепартаменту. И все они были друзьями Агнес Смедли. Она

даже лично отвозила некоторых из них в Янань, столицу красных повстанцев. И уже через них она оказывала влияние на группу чиновников Международной службы, оставшихся в Китае в течение всей Второй мировой войны и помогавших в проектировании разгрома китайских националистов.

Проверка того, как постепенно, шаг за шагом, с 1943 года и до настоящего времени продолжалось оставление антикоммунистических сил в Азии на произвол судьбы, того, как вопиющий обман насылался на американский народ Госдепартаментом, как практиковались искажения и сокрытия Дальневосточным отделом, утаивалось от китайских националистов оружие и снаряжение в тот момент, когда каждая пуля, выброшенная и сваленная в Тихом океане, могла бы спасти положение, как тактика своеволия использовалась важными дипломатическими чиновниками Соединенных Штатов в попытках выдвинуть коммунистов на господствующее посты в правительстве Чан Кайши, – все это заняло бы «несколько томов энциклопедии». И даже самый приблизительный анализ занял бы целый том. Нет лучшего способа продемонстрировать авгиевы конюшни Госдепа – его архивы, – чем кратко познакомиться с делом Джона Стюарта Сервиса.

Было бы преуменьшением сказать, что именно Джон Сервис вместе с Джоном Винсентом, Джоном Девисом, Джоном Эмерсоном и Раймондом Ладденем – все карьерные дипломаты – состряпали жаркое самоубийственной американской политики в отношении Китая и подали ее горячей Дину Ачесону. Институт тихоокеанских отношений. Нет, Ассоциация внешней политики, журнал «Амеразия» и толпы ученых и публицистов, под предводительством Оуэна Латтимора, Т. А. Биссома, Лоуренса Робинджера, Максвелла Стюарта и Джона Фейербэнка также с энтузиазмом поддерживали эту политику. Все, что говорили эти люди в показаниях под присягой, – к делу не относится, все не по существу. Да в долгосрочной перспективе это, возможно, и не столь уж важно – определить, «красные» они или нет. Важнейший вывод, который можно сделать из этого, – тот, что они ввели в заблуждение Соединенные Штаты. В лучшем случае можно сказать, что они были совершенно неправы – факт, который ни они сами, ни Госдепартамент не признают. Однако они придерживались своих позиций еще долгое время после событий, показавших полное безрассудство их деяний.

Джон Сервис заслуживает внимания потому, что находился в Китае во время Второй мировой войны. Его донесения, пребывавшие в гордом одиночестве в небесах «исключительности» (стараниями сектора Дальнего Востока в Вашингтоне), использовались для разгрома Чана и водворения Мао Цзэдуна. Особый интерес представляет история одного такого доклада, подготовленного Сервисом. Он прибыл в Вашингтон, имея сопроводительное письмо посла в Чунцине Лейтона Стюарта, в котором посол весьма скептически оценил данные Сервиса и подчеркнул пристрастность последнего. Письмо это ходило по Госдепартаменту наряду со второй сопроводительной запиской, написанной Джоном Винсентом, в котором Винсент утверждал, что Сервис был прав, а посол – нет.

До своего ареста по Закону о шпионаже в 1945 году, Сервис был неизвестен широкой публике. Краткий очерк его жизни и карьеры, изложенный представителями ФБР перед подкомитетом юстиции во время расследования туманных обстоятельств дела «Амеразии», мало что смог прояснить.

«Мистер Гурнеа: Джон Стюарт Сервис родился в Чэнд, Китай, 3 августа 1900 года в семье родителей-американцев... С 23 июня 1933 года работал в Госдепартаменте... Служил в Госдепе на разных должностях – от клерка до 2-го секретаря в Чунцине, Китай... 14 июля 1943 года он был назначен консулом в Кунмине, Китай. 10 октября 1943 года был прикомандирован на службу к генералу Стилуэллу.

1 ноября 1944 года он ненадолго вернулся в Соединенные Штаты и в январе 1945-го уехал в Китай. Вскоре после этого он сопровождал подразделение армейской разведки в Янань, район, контролируемый китайской Красной армией, после чего 12 апреля 1945 года вернулся в Соединенные Штаты, а 19 апреля 1945 года его видели в обществе Филиппа Яффе в отеле «Статлер» в 6:50 вечера.

Напомним, что в свое последнее возвращение в Соединенные Штаты генерал Патрик Харли, служивший послом Соединенных Штатов в Китае, критиковал теорию Сервиса и считал его политические отчеты пристрастными. Он указывал, что Сервис чувствовал себя свободно в обществе китайских коммунистов, по временам бывая настроен самым недружественным образом по отношению к националистическому правительству генералиссимуса Чан Кайши.

Но это, так сказать, скелет. А плоть можно отыскать в подробных показаниях Сервиса перед Советом по благонадежности и безопасности Госдепартамента, «вычистившего» его из Госдепартамента в 1950 году. Именно перед этим Советом Сервис и предположил, что для того, чтобы сорвать планы русских, Америке следовало бы поддержать китайских «красных». И именно перед этим Советом он обсуждал свое общение с Гюнтером Штайном – не касаясь, однако, тех нескольких лет, когда Штайн сотрудничал с Рихардом Зорге. «Штайн был полезным источником информации, – сказал Сервис, – и в некоторых из моих меморандумов, представленных здесь, содержатся длинные отрывки из его интервью, которые он брал у коммунистических лидеров».

Сервис нашел Штайна «весьма консервативным человеком по натуре», но «хорошо информированным». Развивая взгляды Штайна, Сервис, добавил, что «его отношение к коммунизму несколько напоминает отношение Агнес Смедли... Гюнтер Штайн был поражен свежестью и легкостью теории о «безупречных» китайских коммунистах».

Но лучшее представление о Сервисе, однако, дают те донесения, которые он посылал из Китая. 7 апреля 1944 года, например, докладывая о ситуации в Синцзяне, он критикует Чан Кайши за его «безрассудный авантюризм» и «циничное желание подорвать союз Объединенных Наций». Подчеркивая необходимость опасаться возбуждать подозрения русских, Сервис рекомендовал Соединенным Штатам «избегать проявления явной дипломатической поддержки Китая... ограничить американскую помощь Китаю лишь до объемов, необходимых для ведения войны против Японии... спуская на тормозах... грандиозные обещания послевоенной помощи в экономическом восстановлении».

«Необходимо демонстрировать благожелательный интерес к коммунистическим и либеральным группам в Китае, – рекомендует он далее. – Коммунисты, судя по тому немногому, что нам известно о них, дружелюбно настроены по отношению к Америке и верят, что демократия должна стать следующим шагом в развитии Китая, а также придерживаются мнения, что экономическое сотрудничество с Соединенными Штатами – единственная надежда на скорое послевоенное восстановление и развитие. Националистов следует заставить принять любое отношение, которое мы продемонстрируем им, поскольку они не могут обратиться за помощью ни к какой другой стране, кроме Соединенных Штатов, – продолжает Сервис. – Интерес США к коммунистам стал бы мощной силой, способной убедить гоминдановский Китай в необходимости навести в доме порядок. Таким образом, – советовал он, – мы сможем построить демократический и объединенный Китай», который естественным образом тяготел бы к Соединенным Штатам. (Китай и тяготел – на полях сражений в Корее.)

28 сентября 1944 года Джон Сервис информировал Госдепартамент (доклад № 30), что «в политическом отношении любая ориентация китайских коммунистов на Советский Союз, похоже, дело прошлого. Коммунисты работают над тем, чтобы сделать свою программу и образ мыслей более реалистическими и китайскими и довести до конца демократизацию политики...»

9 октября 1944 года в депеше Сервиса появился набросок «важного вывода», основанного на донесениях, которые он получал с полей сражений, а именно, что коммунисты – непобедимы и что они поддерживают демократию, и потому Сервис советовал, что если националистическое правительство не слязлит программу красных в области «экономических и политических реформ», что вряд ли может быть сделано, замечает Сервис, то через несколько лет коммунисты станут доминирующей силой китайского общества. Попытки Чана уничтожить коммунистов, предупреждал Сервис, «означали бы отказ от демократии».

14 февраля 1945 года в донесении, подписанном Сервисом и Джоном Дэвисом, говорилось, что «существующая в настоящее время в Китае ситуация близка той, что существовала в Югославии до заявления премьер-министра Черчилля о поддержке маршала Тито», и, утверждает в докладе:

«Нравится нам это или нет, но самим нашим присутствием мы стали силой во внутренней политике Китая, и эту силу следует использовать для выполнения нашей первоочередной задачи (поражения Японии). Вопреки чрезмерным восторгам и паблисити, созданному в Соединенных Штатах, Чан Кайши – это не Китай, и своим присутствием и близорукой политикой безоговорочной поддержки его поведения, характерного для собаки на сене, мы зря отрезаем себя от миллионов полезных союзников, многие из которых уже организованы и в состоянии вступить в бой с врагом. Должно быть ясно, что эти союзники не ограничены контролируруемыми коммунистами районами Китая, но могут быть найдены повсюду в стране... Другие значительные группы населения предпочитают ту же программу, что поддерживается так называемыми коммунистами: аграрная реформа, гражданские права, установление демократических институтов, но коммунисты – единственная в настоящее время группа, имеющая силу и достаточно организованная, чтобы поощрять столь «революционные» идеи.

Наша цель ясна... Поддержка генералиссимуса, желательно постольку, поскольку есть конкретные свидетельства, что он хочет и может направить всю силу Китая против Японии... Здесь необходимо срочно откорректировать нашу позицию, с тем чтобы добиться гибкости в достижении нашей главной цели».

Когда Сервиса назначили политическим наблюдателем, а на самом деле политическим советником генерала Стилуэлла, ему пришлось работать с человеком хоть и близким ему по духу, но тем не менее не реагирующим на едва уловимые нюансы. Ныне стал известен доклад № 40, написанный им для Стилуэлла, – предельно откровенное изложение взглядов Сервиса. Это поразительный документ. Иди в нем речь о России и будь он написан каким-нибудь второстепенным дипломатом в осажденном войной Советском Союзе, этот дипломат был бы отозван домой немедленно. Доклад № 40 заслуживает обширного цитирования. Озаглавлен он так: «О необходимости большего реализма в наших отношениях с Чан Кайши», и в препроводительном письме Сервис говорит о «прямоте, на

которую я решился... принимая во внимание необходимость проведения более сильной политики, к которой, по моему мнению, теперь настало время перейти».

После циничной преамбулы, демонстрирующей его уверенность в том, что националистическое правительство является никудышным вообще и конченным в военном отношении, Сервис продолжает: «(Гоминдан) и Чан будут стоять за нас, потому что наша победа – их единственная надежда на удержание власти. Но наша поддержка не заставит Гоминдан отказаться от своего обычного вероломства в отношении с врагом и будет лишь поощрять его продолжать сеять семена будущей гражданской войны, плетя интриги с помощью нынешних марионеток против возглавляемых коммунистами сил народного сопротивления ради окончательного поглощения оккупированных территорий... Любое другое правительство, под контролем любых других реакционных сил, будет более склонно к сотрудничеству и будет иметь больше возможностей для того, чтобы мобилизовать страну». Помощь Чану вредит военным усилиям, добавляет Сервис, и лишает нас дружбы китайских «красных».

«Нам не следует поддерживать Гоминдан по причинам политического характера. Наоборот, искусственное возвеличивание Чана лишь прибавляет ему безрассудства... Не следует поддерживать Чана в уверенности, что он представляет проамериканские или продемократические группы...» Коммунисты, настаивал Сервис, были и проамериканскими, и продемократическими. «В конце концов, мы не связаны никакими узами благодарности в отношении с Чаном. Он сражался, чтобы заставить нас спасти его – с тем, чтобы он мог продолжить захват своей страны, и в ходе этого он обращался с нами так, как мы того заслужили. (Лишь 0, 5% американской помощи по ленд-лизу было отправлено в Китай.) Мы, похоже, забыли, что Чан – восточный человек (в отличие от Мао Цзэдуна?)... Мы не можем надеяться на успешное ведение дел с Чаном, не будучи с ним крутыми и жесткими... Мы не можем надеяться решить китайские проблемы... без признания оппозиции – коммунистов, провинциалов, либералов». («Провинциалы» – означает военачальники, «либералы» – горстка интеллектуалов, лишенных политического влияния, опыта или поддержки и – через одного – коммунистов.)

«Нам не следует поддаваться официальным заявлениям об опасности краха Китая. Это старый трюк Чана. Возможен крах гоминдановского правительства... Возможен период некоторого замешательства, но в конечном итоге выигрыш от краха Гоминдана будет больше, чем можно подумать... Кризис – время натиска и энергичных усилий, а не расслабленности».

Давая показания под присягой во время слушаний по проверке его благонадежности, Сервис утверждал, что он настоял на отправке американских наблюдателей в Яньань лишь затем, что это дало бы нам ценную военную информацию, помогая, таким образом, в войне против Японии. Но в докладе № 40 он заявлял:

«Публичное заявление о том, что представитель президента нанес визит в коммунистическую столицу в Яньани, имело бы огромное значение и не прошло бы незамеченным – и меньше всего со стороны генералиссимуса. Эффект был бы даже большим, если бы такой визит стал бы лишь демонстрацией, без проведения каких-либо реальных консультаций... Гоминдановское правительство не может противостоять общественной вере в то, что Соединенные Штаты озабочены отказом в военной поддержке или признанием Гоминдана в качестве лидера китайского сопротивления. Сейчас у нас на руках больше козырей, чем когда-либо, в игре с Чаном. И пришло время воспользоваться ими».

В докладе № 40 речь шла о националистическом правительстве Китая, правительстве, которое в течение нескольких лет противостояло японцам, и об армиях, которые сражались и умирали, защищая свою страну – почти без оружия, почти без еды, почти без надежды. План, изложенный в этом докладе, мог лишь повернуть Китай к коммунистическим и аграрным реформам и – к Москве. И написано это было не в 1945-м, когда война с Японией была окончена. Это было написано 10 октября 1944-го, менее чем через месяц после того, как китайская национальная армия, «разгромленная и деморализованная», по словам политического наблюдателя Сервиса, начала великий поход и захватила «Тенгуен в провинции Яньань, первый крупный город, освобожденный за семь лет».

Когда в 1945 году генерал-майор Патрик Харли давал показания перед сенатской комиссией по международным отношениям, он заявил, что Джон Сервис и «профессионалы из Форин Офис» саботировали все его усилия в качестве посла Соединенных Штатов в Китае, и в качестве примера он приводил доклад № 40. Он детально обосновал это обвинение, заявив под присягой, что Сервис сорвал переговоры, ведшиеся под патронажем Харли, с Чаном и китайскими коммунистами, убеждая «красных» лидеров, что посол говорит лишь от своего имени, но не от имени правительства Соединенных Штатов. Сервис опроверг это заявление в 1950 году вместе с другими обвинениями Харли в том, что усилия античановской группировки были направлены на то, чтобы «свалить правительство Республики Китай».

Так, в депеше от 20 июня 1944 года Сервис настаивает на том, чтобы Соединенные Штаты тихо и спокойно отделались от националистов. «Явно покинув Китай в час нужды, мы бы потеряли

международный престиж, особенно на Дальнем Востоке, – писал он. – С другой стороны, если мы идем к освобождению от Гоминдана на его собственных условиях, нам следовало бы поддерживать – но только временно – разлагающийся режим... Такой слабый руководитель, как (Чан), находится не в том положении... чтобы отвергать или противиться по пустякам любой согласованной и позитивной политике, которую мы можем применить в Китае. Все карты в нашу пользу».

В разгар тихоокеанской войны Сервис рекомендует серию шагов, которые могли бы вынудить Чана следовать политическим указаниям Соединенных Штатов:

«Прекратить нянчиться с Китаем, для чего: урезать размер ленд-лиза, уменьшить подготовку китайских курсантов, снизить обучение китайской армии, занять более жесткую позицию в финансовых переговорах или приостановить отгрузку золота. Некоторые или все из этих ограничений могут быть отменены, если генералиссимус и Гоминдан проявят большую волю к сотрудничеству... Перестать способствовать созданию международного престижа генералиссимуса и Гоминдана...»

Он также настаивал на проведении политики поощрения «конструктивной критики» Китая с помощью радио или открыто приглашая прокоммунистически настроенную мадам Сун Ятсен в Белый дом, или вынуждая Чана обнародовать в Китае заявление помощника госсекретаря Самнера Уэллеса, запрещенное на контролируемой националистами территории, потому что в нем выражалась поддержка «красным», или выбирая людей, известных своими либеральными взглядами для выступления от имени Соединенных Штатов в средствах массовой информации.

По мнению Сервиса, ведение официальной пропагандистской войны против Чана было неудачным. В конце концов, полагал он, философ Лин Ютан, Клер Люк, Уэнделл Уилки и республиканские конгрессмены критиковали поведение Госдепартамента именно в Китае и указывали на опасности, скрытые в китайской политике администрации.

Но все это ничего не доказывает в том, что касается Сервиса, а может всего лишь продемонстрировать симптоматичное отсутствие понимания, возможно, объясняемое его тесным общением с Гюнтером Штайном и Соломоном Адлером.

Сам Адлер категорически отрицал, что он коммунист.

Сервис делил квартиру с Адлером в Китае и прислушивался к его советам. Но в качестве одной истории из многих этот факт становится доказательством номер один в нерассказанной истории американской дипломатии. И связано это до сих пор с до конца неясным делом «Амеразии».

Филипп Яффе, оптовый торговец украденными секретными документами, был редактором «Амеразии». 19 апреля 1945 года – через семь дней после возвращения Сервиса в Соединенные Штаты из Китая и незадолго до развертывания военных действий на Тихом океане на полную катушку – Яффе разыскал его.

ГЛАВА 14

«АМЕРАЗИЯ I»: 1700 УКРАДЕННЫХ ДОКУМЕНТОВ

Для непосвященного человека дело «Амеразии» кажется озадачивающим, сбивающим с толку отблеском преисподней, когда с легкостью крались совершенно секретные документы, в то время как Министерство юстиции выступало в роли стороннего наблюдателя или брезгливо отмахивалось (фу-фу!) от тяжести ситуации. И многие здравомыслящие люди предпочли вести себя подобным же образом. В США считалось признаком дурного тона высказывать даже мягчайшие обвинения против коммунистов: Россия была нашим доблестным союзником, и предположение, что ее шпион мог бы проникнуть в кабинеты правительства, казалось немыслимым. А то, что дело Амеразии вскрыло лишь малую часть разведывательных операций, контролируемых коммунистами в Соединенных Штатах, похоже, никогда и никому не приходила в голову. Или по крайней мере тем, кто имел какое-либо влияние. И лишь немногочисленные и бескомпромиссные люди, «заблагвременные» антикоммунисты, если так можно выразиться, пытались заставить слушать себя на фоне шума и гвалта страдающих либералов. И молча встречали насмешки и оскорбления, которые по-прежнему – и всегда – их удел.

К большому сожалению для безопасности нации, дело это было провалено, еще не начавшись, администрацией президента, больше обеспокоенной увековечением себя, нежели защитой благосостояния страны.

В статье, написанной для одной из газет, Фредерик Вольтман, лауреат Пулитцеровской премии и прилежный ученик коммунистического движения, писал:

«Многие наблюдатели уверены, что это дело – одно из самых таинственных в истории американской криминалистики – ключ к послевоенному дипломатическому разгрому Америки в Азии.

Многие также уверены, что если бы его расследование шло честно и решительно, то прокоммунистически настроенные элементы в Дальневосточном отделе Госдепартамента были бы вычищены. И что Чан Кайши, вместо того, чтобы быть изгнанным на остров Формозу, повел бы китайскую Красную армию на Сибирь. И что китайский материк, с его 430 миллионами людей, сегодня мог бы управляться правительством, дружественным Соединенным Штатам, а не быть советским сателлитом».

Однако дело «Амеразии» не было только лишь местным, американским, феноменом. Его истоки восходят к неудавшейся сталинской попытке 1927 года сделать Китай советским придатком, к тем тысячам долларов и сотням людей, отправленным в Нанкин, в Чунцин и Токио, и к двадцатилетней кремлевской игре за господство в Азии. Америка участвовала в игре за «голубую фишку» (на крупную карту. – *Ред.*), но американские дипломаты не знали, какие крупные карты играли здесь наверняка.

«Амеразия» – небольшой журнал с менее чем двумя тысячами подписчиков, но в нем, как в фокусе, отразилось множество вопросов. Это был центр дерзкой и наглой группы, проникшей и в армию, и в ВМФ, и в Управление стратегической разведки (УСР), и в Госдепартамент, и в Бюро военной информации, и в администрацию международных экономических связей, и в цензуру – то есть фактически в каждое учреждение федерального правительства и его вооруженных сил, имевших какое-либо отношение к жизненно важной или секретной информации. И эту информацию, подобно воронке, втягивал в себя офис «Амеразии».

Дело «Амеразии» частично всплыло на свет лишь из-за совершенной беспечности, глупости и нахальства его принципалов – основателей и ведущих. В феврале 1945 года Кеннет Уэллс, аналитик из Дальневосточного отдела УСР, доложил шефу службы безопасности УСР, Арчибальду ван Берену, что он столкнулся со случаем утечки информации в службе безопасности. 26 января, читая очередной номер «Амеразии», он был поражен совпадениями в статье о британо-американских отношениях на Сиаме с секретным докладом УСР, который он сам же и готовил. Сравнив два текста, он обнаружил, что целые куски из «Амеразии» дословно повторяли абзацы из доклада. Было очевидно, что автор статьи не только видел секретный документ, но и имел его перед глазами, когда писал статью.

Обеспокоенный этим проявлением шпионажа, ван Берен вылетел из Вашингтона в Нью-Йорк, где и представил это дело Фрэнку Биляски, руководителю отдела расследований в УСР, и попросил Биляски выяснить, как и почему документ был изъят из архивов УСР. По делу немедленно начато было расследование. Был выделен агент, чтобы держать офис «Амеразии» на 5-й авеню под постоянным наблюдением, в то время как другой агент отправился в Публичную библиотеку, чтобы проанализировать последние выпуски журнала. А сам Биляски сделал запрос в отношении личности Филиппа Яффе, редактора «Амеразии».

В ходе этого предварительного расследования было установлено, что в офисах «Амеразии», в

отличие от большинства других журналов, работали день и ночь. Биляски также узнал, что через своих сотрудников журнал поддерживал постоянную и тесную связь с Институтом тихоокеанских отношений. Он обнаружил также, что Яффе был известен как усердный поставщик статей для коммунистической прессы, причем пользовался он при этом псевдонимом Дж. Филиппс, и что он редактировал «Чайна Тудей» – открыто коммунистическое издание, а также владел не входящей в профсоюз типографией. Такие специалисты по Дальнему Востоку, авторы многих газетных статей, как Оуэн Латтимор, Т.А. Биссом, Фредерик Филд, Анна Стронг, Эндрю Рот и Бенджамин Кайзер, сотрудничали как в «Амеразии», так и в Институте тихоокеанских отношений.

Биляски решил, что лучший способ расколоть этот орешек – проникнуть ночью в офисы «Амеразии» и поискать доказательства, которые дадут ход расследованию. Собрав команду крепких ребят, большинство из которых – бывшие агенты ФБР, он ждал ночь за ночью, пока в офисах «Амеразии» не погаснут огни. Наконец, случай представился. 11 марта 1945 года появилась возможность проникнуть в офис. Помощник управляющего зданием впустил их внутрь, и команда УСР приступила к поискам.

Давая показания перед подкомиссией Хоббса 10 мая 1946 года, Биляски сказал:

«Я отправился сам, поскольку не верил, что кто-то может сделать то, чего бы я не смог сделать сам... И я лично занялся обыском прихожей.

Очень скоро я пришел к выводу, что в передней нет ничего, что представляло бы для меня интерес, и сам оставаясь в прихожей, отправил несколько своих агентов осмотреть дальние помещения офиса... Один из них вернулся и доложил: «Нам кажется, что вам лучше пройти туда. Мы нашли там кое-что, что вы должны посмотреть».

И я отправился. Прежде чем зайти в комнату, где они все находились, на правой стороне главного коридора я заметил дверь в другую комнату, очень небольшую. Я бы сказал, что она вполтину меньше, чем эта. И вся эта комната была отдана для фотокопировальных работ. Там у них стояла фотокопировальная машина и повсюду на полках стояли лотки для проявителя. Место было оборудовано, чтобы делать здесь фотокопии, и делать их в большом количестве.

Я не знал, что это был за род деятельности для такого маленького журнала, как «Амеразия». Но это действительно была копировальная мастерская, и я осмотрелся вокруг.

Я направился в конец коридора. В конце – поворот налево, и небольшая комната помощника редактора, которым тогда была Кейт Митчелл.

Налево находился небольшой офис Филиппа Яффе, редактора... Я вошел в кабинет Яффе. Там стоял стол, почти такой же, как этот...

И он был покрыт оригиналами и свежесделанными копиями документов, каждый из которых был секретным по своему характеру. Некоторые из них были адресованы лично госсекретарю. Другие – от военного атташе в Китае и из других мест, конфиденциальные. И все они были помечены: «Не для показа прессе». Все это были документы конфиденциального характера.

Некоторые бумаги были из морской разведки. Их было очень много на столе. Свежесть копий свидетельствовала о том, что их только что сделали. Вот почему в офисе работали допоздна... Документы Госдепартамента были адресованы лично госсекретарю... Оригиналы находились тут же, как и их фотостатические копии. Мы все были удивлены этими материалами.

Пока мы все это осматривали, один из наших людей случайно глянул за дверь. И за дверью мы обнаружили чемодан и два портфеля. Чемодан был вот такой толстый (показывает). Около 18 дюймов. Чемоданы были очень тяжелыми от документов. Я взял с собой специалиста, который открывал все виды замков. Он и вскрыл все замки. Он открыл чемодан, портфели. И когда он открыл чемодан, то оказалось, что он специально сконструирован и в нем сделано 10 – 15 карманов... Чемодан был буквально набит секретными документами всех сортов, из всех департаментов правительства. И все это были оригиналы. В чемодане не было копий. Было одно исключение: в том чемодане я обнаружил машинописный оригинал и четыре копии особого документа, который я искал. Это был документ Управления стратегической разведки по Сиаму.

Кроме этого, думаю, там было еще пять секретных документов разведки, которые мы пропустили, и один из которых был совершенно секретным, и чрезвычайно ценным и конфиденциальным.

Я достал этот материал и разложил вокруг. Бумаги касались почти каждого из департаментов правительства, за исключением ФБР... Были документы от английской разведки, морской разведки, Госдепартамента, цензуры, стратегической разведки и, вероятно, других... Документов было так много, что мы не могли перелистать их все. Документы были объемом от 3 – 4 до 150 страниц. Всего было около трехсот документов.

На каждом из них стоял штамп, что обладание этим документом – нарушение Закона о шпионаже.

Такой штамп стоял на всех бумагах.

В этот момент один из моих людей, который ходил в библиотеку, вернулся и сказал, что он обнаружил кое-что в библиотеке.

В руках у него был конверт без штампа. Большой манильский конверт. И должен сказать, что в этом конверте было 15 или 20 документов. Я не могу сказать, были ли они мимеографическими копиями или фотокопиями. Они были немного запачканы, но это были не фотостатические копии. Это, должно быть, были фотокопии. Между этими документами, через один, мы обнаружили совершенно секретные документы ВМФ. Я лично видел их. Но я не помню все шесть из них. Жаль, что я не сделал никаких записей об их содержании, но я ясно помню два из них, вероятно, первые два, которые я прочел. Один был озаглавлен, я не помню точное название, но что-то вроде «Программа бомбардировки Японии». Документ был совершенно секретный. Я прочел его. В нем говорилось, как следует бомбить Японию: по нарастающей, по промышленным центрам, и назывались города.

Во втором, который я прочел, перечислялось местонахождение всех судов японского флота, сразу после битвы в Зеуте. Я полагаю, что это был октябрь 1944 года. В нем перечислялись все названия кораблей и указывалось их местонахождение.

Мы вышли и вошли в другую комнату. И там осмотрели весь материал, и я пришел к выводу, что если отсюда отправлюсь в Управление стратегической разведки и там расскажу, что я видел, мне просто не поверят. И потому я решил взять 12 - 14 документов и принести их, и предъявить в качестве доказательств.

Я выбрал все документы по Управлению стратегической разведки, включая и пять копий одного, который я искал, и еще семь или восемь дополнительных документов. Я выбирал документы, на которых были отметки какого-либо рода, чтобы можно было определить, через чьи руки они прошли.

Я положил документы в левый карман. Я чувствовал уверенность, что там их было так много, что их вряд ли могли бы хватиться, во всяком случае, в течение недели. Я положил бумаги в карман, и мы покинули это место. Мы все сложили обратно, как было. Мы ушли оттуда примерно в 2:30 ночи».

Повторяя этот рассказ перед сенатской подкомиссией по иностранным делам (реабилитационный комитет Тайдингса), Биляски добавил несколько поразительных деталей.

«Есть нечто, о чем я никогда не говорил, ни публично, ни где-либо еще. Но что, я считаю, должен сказать здесь и сейчас. Там был конверт... немного больше, чем этот (показывает)... Конверт лежал открытым на столе, и (в нем) было несколько документов...»

Биляски перелистал совершенно секретные документы, находившиеся в этом конверте. «Третий документ, который я помню, но не настолько, насколько хотел бы, имел отношение к новой бомбе... которая в то время, мне показалось, была просто новой пушкой или орудием. Я уверен в этом, но помню, документ был помечен «А»-бомба или просто большой буквой «А» в кавычках на каждой стороне, и там не говорилось «атомная»... Я не знаю, был ли это отчет о ходе работ, или о плане работ, или что-то еще... Мне показалось, что речь шла просто о бомбе, об А-бомбе, в отличие от В - бомбы или С-бомбы». Другие документы в офисе «Амеразии», заметил Биляски, имели отношение к расположению националистических войск - информация, которая стала бы сущим подарком для китайской Красной армии, а также включали несколько бумаг личного характера, касающихся «интимных» отношений Чан Кайши и мадам Чан, а также депеши от посла в Китае Кристиана Гаусса. И на каждом документе стоял почтовый штамп получателя в Госдепартаменте и предупреждение, что незаконное владение документом есть нарушение Закона о шпионаже.

Через несколько часов Биляски вернулся в Вашингтон и явился в офис Арчибальда ван Берена. С драматическим эффектом он выложил на стол шефа один за одним пригоршню документов, добытых в офисе «Амеразии». В одном из документов речь шла о боевых порядках немецких войск, другой был помечен «Только для руководителя разведки ВМФ», в третьем, согласно отчету ФБР, содержалась совершенно секретная информация о том, что ВМФ расшифровал японский шифр. Что было в остальных документах, ван Берен уже не помнил, когда давал показания подкомиссии Тайдингса в 1950 году. Однако, говоря о документах в целом, сказал: «По моему мнению, хотя я и не могу утверждать это достаточно твердо, все эти документы несомненно пошли бы на пользу врагам Соединенных Штатов и во вред Соединенным Штатам. И я удивлялся все больше и больше, когда (Биляски) рассказывал, при каких обстоятельствах он нашел эти документы».

В тот же самый вечер ван Берен появился в кабинете бригадного генерала Уильяма Донована, шефа Управления стратегической разведки, чтобы сообщить ему плохие новости. «Генерал Донован решил, что поскольку на всех документах стоит печать Госдепартаента... мистеру Стеттиниусу следует узнать об этом деле как можно скорее. И генерал Донован позвонил м-ру Стеттиниусу домой, в его квартиру в Уордман-парке и спросил, не сможет ли он принять их немедленно. Он также предложил госсекретарю, что если тот решит принять их, он может также попросить

присутствовать и помощника госсекретаря (Джулиуса) Холмса. Генерал-майор Монигэн и я отправились в Уордман-парк», – давал показания ван Берен. Не прошло еще и суток после того, как Биляски вошел в офис «Амеразии».

«Добрый вечер, Эд, – сказал Донован Стеттиниусу. – У меня есть с собой кое-что, что будет тебе очень интересно».

И пока госсекретарь просматривал документы, Донован вкратце объяснил ему обстоятельства, при которых они были найдены. Стеттиниус повернулся к своему помощнику и произнес одно из тех откровенных, хотя и загадочно-таинственных высказываний, которые заставляют задавать вопросы и удивленно поднимать брови.

«Дай бог, Джулиус, чтобы нам удалось докопаться до дна. Тогда мы пресечем множество вещей, дочающих нам».

Элджер Хисс и Лоуренс Дуггэн по-прежнему работали в Госдепартаменте. Таким же был и Карл Марзани.

Ходили слухи и об утечках информации в Госдепартаменте, и о существовании сильной и влиятельной «красной» ячейки в его стенах, и о странном поведении части облеченных доверием чиновников. И даже президент Рузвельт жаловался, что секреты Госдепа имеют привычку находить путь в газеты. Так что так «досаждало» Стеттиниусу? Его замечание так и осталось без разъяснений.

Совещание в квартире госсекретаря подошло к концу, когда хозяин поблагодарил генерала Донована и заверил его, что предпримет все необходимые шаги после того, как получит возможность на следующий день посоветоваться с помощниками. Биляски был приглашен в верха Управления стратегической разведки, где ему сообщили, что дело у него забирают.

«(Передавая дело в Госдеп), я сделал лишь одну оговорку, – заявил Биляски, – а именно, что у меня и у моих людей есть дурное предчувствие в отношении всего этого дела, что с ним кто-то что-то должен сделать. Нам не хотелось бы сидеть в стороне и смотреть, как оно движется. Нам хотелось действовать. И действовать побыстрее. Мы считали, что в течение недели необходимо что-то предпринять. И нам пообещали, что в течение недели действия будут предприняты».

Шесть дней спустя, после консультаций с военно-морским министром Джеймсом Форрестолом, дело было передано Эдгару Гуверу. Майору Гурнеа было поручено возглавить расследование. 75 агентов ФБР были задействованы в деле, и 16 марта 1945 года началось круглосуточное наблюдение за Ф. Яффе, редактором «Амеразии». Слежка за ним вывела ФБР на определенное число других людей. Некоторые из них были просто его друзьями или знакомыми, не имеющими никакого отношения к краже правительственных документов. Что касается других, их причастность к гнусной деятельности Яффе – в большей или меньшей степени – была доказана. Из отчета Гурнеа о ходе дела, сделанного им на секретном заседании подкомиссии Хоббса 31 мая 1946 года, становится ясно, как и почему шесть человек были арестованы. Он пришел на это заседание, вооруженный многочисленными вещественными доказательствами – весь урожай, собранный в ходе кражи документов, – и вот его рассказ:

«М-р Гурнеа: Учитывая, что Ф. Яффе и Кейт Митчелл были редактором и соредактором соответственно, в отношении этих двух людей расследование было начато немедленно. У меня с собой краткие биографии этих персон. Не хотели бы вы выслушать их?

Председатель: Думаю, мы хотели бы выслушать их.

М-р Гурнеа: Кейт Луиза Митчелл с 1940 года работала соредактором в «Амеразии», принадлежавшей Ф. Яффе. Проживает по адресу 127 Ист, 54 стрит, Нью-Йорк-сити. Мисс Митчелл родилась 1 сентября 1908 года в семье американцев в Буффало, штат Нью-Йорк. Окончила Брайан-колледж.

После окончания колледжа в 1932 году работала в Институте тихоокеанских отношений с 1933 по 1940 год. С 1934 года по 1940-й была личным секретарем м-ра Эдварда Картера, генерального секретаря ИТО и в этом качестве совершила с ним множество поездок за границу.

С 1940 по 1942 год она продолжала выполнять исследовательскую работу для ИТО на условиях неполного рабочего дня. Она также писала статьи в (коммунистическую) периодическую газету «New Masses». По словам мисс Митчелл, «Амеразия» сейчас целиком принадлежит Ф. Яффе. Раньше это была корпорация, (которая) распалась в 1943 году, когда многие члены редколлегии поступили на правительственную службу. В настоящее время публикация журнала продолжается благодаря объединенным Яффе и ее, мисс Митчелл, усилиям. Мисс Митчелл выступает в качестве советника, но у нее нет каких-либо финансовых интересов в журнале, хотя в 1944 году она предоставила 2,5 тысячи долларов собственных денег для частичного покрытия дефицита журнала. Кроме того, до июня 1945 года она внесла тысячу долларов ее собственных денег для покрытия

дефицита этого года. Она заявила, что ни она, ни Яффе не получали какую-либо плату за редакторскую работу.

В январе 1943 года ее внесли в списки приглашенных лекторов Школы демократии, Нью-Йорк-сити. Она также числилась в списках лекторов Школы общественных наук имени Джефферсона, приемницы Школы демократии. Входила она и в Национальный совет американо-советской дружбы.

Филипп Яффе, псевдоним Дж. Филипп, родился 20 марта 1897 года в Могилеве, Россия. В Соединенные Штаты прибыл в 1905 году и был натурализован в Нью-Йорке 4 мая 1923 года. Окончил Колумбийский университет, получив магистерскую степень. Женится на Агнес Ньюмарк. Служил в армии США с 12 октября по 28 ноября 1918 года, после чего вышел в почетную отставку с сохранением знаков отличия.

По крайней мере два раза приобретал паспорта для заграничных поездок, один в 1929 году для путешествия в Европу, а другой – в 1937 году для поездки на Дальний Восток.

Яффе был членом множества организаций, среди которых Лига американских писателей, Американский совет по связям с Россией, Американская лига за мир и демократию и Американские друзья китайского народа.

Яффе общался с Эрлом Браудером, Александром Трахтенбергом, главой коммунистического интернационала издателей, Натаном Кохом, псевдоним Натан Росс, главой политической ассоциации Миннесоты, и Эдвардом Барски, президентом Объединенного антифашистского комитета эмигрантов, и другими.

В ходе прямого расследования было установлено, что Яффе контактировал с Эрлом Браудером 16,22 и 25 апреля 1945 года.

Известно также, что Яффе посещал советское консульство в Нью-Йорке. Главный источник доходов Яффе – «Уоллес Браун Инс.», и по его собственному признанию, он издает «Амерасию» при ежегодном дефиците примерно в 6,5 тысячи долларов в год.

Обратившись вновь к результатам проверки прошлой деятельности этих людей, можно узнать, что Яффе в свой предыдущий визит в Вашингтон встречался с Эммануэлем Ларсеном и лейтенантом Эндрю Ротом. После получения этой информации и других вопросов, было начато интенсивное расследование, и началось оно с запросов об их прошлой деятельности.

У меня есть также с собой биографии Ларсена и Рота.

Эммануэль Ларсен, согласно имеющейся информации, родился 27 августа 1897 года в Сан-Рафаэле, Калифорния. Его родители были оба уроженцами Дании и, согласно полученным данным, стали натурализованными гражданами США в Сан-Франциско, Калифорния.

Учился в Китае и Дании. Получив степень в университете в Копенгагене в 1916 году, он отправился в Китай, где работал в Китайской почтовой службе.

10 декабря 1920 года он женился на Леноре Яффе. Насколько нам известно, не родственнице Ф. Яффе. Она была английской подданной, уроженкой Сингапура. У супругов был один сын, Джеймс Ларсен, родившийся 24 октября 1921 года в Фуджоу.

Согласно донесениям военно-морской разведки, Ларсена попросили с (китайской почтовой) службы в 1927 или 1928 году...

С 1928-го до марта 1935 года он служил менеджером по транзитным перевозкам в Англо-американской табачной компании – следил за отношениями между китайскими гражданскими и военными службами и компанией. Утверждают, что он был или уволен, или его попросили уйти из этой компании...

Он заявил, что с октября 1934-го по февраль 1935 года служил в Пекине, в разведслужбе, в качестве исследователя. Утверждают, что он ушел с этого поста, когда японцы угрожали его жизни.

В вырезке из «Манчестер дейли ньюс» от 16 апреля 1934 года приведено интервью, данное Ларсеном во время работы в Англоамериканской табачной компании, в котором он, как утверждается, в то время с похвалой отзывался о деятельности японцев в Маньчжурии. Приводятся его слова: «Это убедительно доказывает, что местное население Манчжоу-Го в подавляющем большинстве удовлетворено новым положением вещей».

После своего возвращения в Соединенные Штаты, он с сентября по октябрь 1935 года работал в Американском совете научных обществ под патронажем Рокфеллера и в библиотеке конгресса, занимаясь подготовкой биографий китайских персоналий.

С октября 1935-го по август 1944 года Ларсен работал в Управлении морской разведки, где занимался анализом политической и экономической ситуации и оценкой военного потенциала Китая и стран Дальнего Востока.

Эта работа включала в себя сбор информации о вражеских войсках, но также открывала возможности для получения секретной информации ВМФ. Кроме того, Ларсен принимал участие в подготовке молодых офицеров ВМФ к разведывательной работе.

31 августа 1944 года он был переведен в Госдепартамент с заработной платой в 5000 долларов в год как специалист по странам в отдел изучения территорий.

Я думаю, что в настоящее время он безработный и безуспешно ищет работу с тех пор, как оказался замешан в этом деле.

Лейтенант Эндрю Рот родился в Бруклине 23 апреля 1919 года. Его родители, Абель и Берта, уроженцы Венгрии. Отец Рота был натурализован 28 мая 1920 года. Рот окончил городской колледж Нью-Йорка со степенью в 1939 году и получил степень магистра в Колумбийском университете в 1940 году. Тема его диссертации называлась «Труд и национализм в Китае».

3 декабря 1941 года он записался в резерв ВМФ Соединенных Штатов в рамках программы V-12.

В течение 1941 и 1942 годов числился в школе японского языка в Гарварде. В течение этого периода он женился на Рене Луизе Кнайтель из Бруклина, Нью-Йорк. Для начала получил разряд писаря 2-го класса.

28 августа 1942 года он получил звание лейтенанта и 12 сентября 1942 года был переведен из Кембриджа, Массачусеттс, в Вашингтон, округ Колумбия для выполнения разведывательной работы в Управлении разведки ВМФ.

В декабре 1943 года Рот был назначен в отдел японского флота в Управлении разведки ВМФ.

1 января 1945 года, находясь на этой должности, Рот был произведен в лейтенанты.

Его последние занятия – чиновник исторического отдела в Городском колледже Нью-Йорка, 1939 – 1940, научный работник, связанный с международным секретариатом Института тихоокеанских отношений с 1940-го по март 1941 года и сотрудник журнала «Амеразия» под непосредственным руководством Ф. Яффе в течение июля-августа 1941 года.

Он также писал статьи для «Амеразии» в августе и ноябре 1940 года и с июня по октябрь 1941 года.

5 сентября 1943 года он написал письмо в «Нью-Йорк таймс», в котором выступил в защиту комитета «Свободная Германия» в Москве, цели которого были одновременно как военными, так и, после войны, политическими.

Рот участвовал в конференции Института тихоокеанских отношений, проходившей 3 января 1945 года в Хот Спрингс, Вайоминг, в качестве представителя военно-морской разведки.

Первая относящаяся к делу информация, полученная в ходе наблюдения, показывал Гурнеа, была получена 21 марта 1945 года, когда Яффе совершал одну из своих частых поездок в Вашингтон. В вестибюле Статлер-отеля он встретился с Ларсеном, лейтенантом Ротом и миссис Рот. В руках у Ларсена и Яффе были портфели, а у Рота – большой манильский конверт. После ланча миссис Рот ушла, и трое мужчин уехали на машине Джэффе. Ларсена высадили в его офисе, а «Рот и Яффе поехали кружным путем к парковке на восточной стороне библиотеки Конгресса, где и припарковали машину. Наблюдавшие за ними агенты видели, что они заняты беседой и просмотром бумаг. Позднее они поехали на квартиру Рота, где и оставались весь вечер».

После ареста Рот объяснил свое необычное поведение тем, что он якобы показывал Яффе главу из книги, которую он написал. Но когда миссис Рот спросили, просматривал ли Яффе рукопись ее мужа, она ответила: «Нет». Яффе сам писал книгу, добавила она, и у него было мало времени, чтобы уделять его книге Рота.

В тот же вечер Яффе и Ларсен встретились вновь и отправились на прогулку. Потом вернулись в отель, где к ним присоединились супруги Рот и мистер и миссис Марк Гейн. Гейны оказались новым ходом для ФБР, сказал Гурнеа. Как выяснилось, Гейн и Яффе часто встречались в Нью-Йорке и Вашингтоне. К тому же Гейн состоял в интимной связи с Кейт Митчелл. ФБР покопалось в прошлом Гейна, и Гурнеа рассказал, что:

«Марк Джулиус Гейн родился 21 апреля 1900 года в Харбине, Маньчжурия (в семье русских). В 1923 году семья Гейна переехала во Владивосток, Россия, где Гейн посещал советскую среднюю школу. В своей книге «Путешествие с Востока» он с похвалой отзываясь о русской системе образования, свободе слова и пуританских отношениях между людьми. В книге Гейн также

сообщает, что в 1927 году его семья переехала в Китай, где он общался и работал с китайскими студентами, которые, по его словам, и «должны совершить китайскую революцию».

Гейн прибыл в Соединенные Штаты для учебы в Помона-колледж и Колумбийской школе журналистики. Между 1934 и 1939 годами он работал на «Домей» – японское агентство новостей. В 1944 году он становится гражданином США. До своего ареста работал в газете левых и на «Чикаго Сан». В номере журнала «Кольерс», вышедшем через десять дней после ареста Гейна, опубликована его статья, озаглавленная «Террор в Азии». В примечании редактора утверждается, что статья основана на информации из официальных источников. В статье подробно описываются бомбардировки Японии. Подобные статьи пишутся, как правило, по крайней мере за неделю до публикации. Встает вопрос: видел ли когда-нибудь Гейн документы, которые обнаружил Биляски в офисе «Амеразии»?

ФБР продолжала устанавливать связи Яффе. Рот и Ларсен часто встречались в Институте тихоокеанских отношений, кроме того, миссис Рот часто бывала как в ИТО, так и в книжном магазине Коммунистического фронта в Вашингтоне. 12 апреля 1945 года миссис Рот посетила офис «Амеразии» в Нью-Йорке. Агенты ФБР видели, как она вошла в офис с большим манильским конвертом под мышкой. А когда выходила, конверта у нее не было. После ареста Рота она категорически отрицала, что была в офисе в то время. Но сам Рот признал, что была.

Агенты ФБР отмечали необычно большое количество встреч среди тех, кто был уже под подозрением, причем практически на все встречи один или более людей приходили с большими «манильскими» конвертами, а уходили без них, при этом конверты передавались по нескольку раз за день. 19 апреля 1945 года в деле появилась фигура Джона Сервиса, встретившегося с Яффе в вестибюле отеля «Статлер».

Состоялось несколько встреч между Сервисом и Яффе. В одном случае, когда Сервис прибыл в Нью-Йорк, он остановился в доме Гейна, хотя, по его собственному признанию, едва знал его. Один раз Сервис посетил офис «Амеразии». Этот визит он объяснил тем, что Рот свел его с Яффе, которого интересовали коммунисты в Яньани.

«Сервис по-прежнему утверждал, – продолжал свои показания Гурнеа, – что поскольку он, Сервис, был уверен, что Яффе непременно спросит его о деталях политики китайских коммунистов, он захватил с собой (секретный) отчет, подготовленный им для Госдепартамента, о своей долгой беседе с Мао Цзэдуном... Он утверждал, что Яффе невероятно заинтересовала эта тема, и он спросил, нет ли у Сервиса других отчетов по Яньани, которые он мог бы посмотреть. По словам Сервиса, слегка поколебавшись, он согласился показать Яффе некоторые отчеты на следующий день». 20 апреля Сервис провел утро в номере Яффе в отеле «Статлер». По его собственному признанию, он отдал Яффе, человеку, с которым никогда ранее не встречался, копии ряда своих отчетов по Китаю. Когда в 1950 году его спрашивали об уместности передачи секретных документов Яффе, Сервис ответил, что, во-первых, это была достаточно распространенная практика, а во-вторых, документы не были засекреченными, а были его личными экземплярами секретных документов, и в-третьих, что он и сам был несколько обеспокоен и слегка обескуражен требованиями Яффе.

В ходе расследования со стороны ФБР велось не только физическое наблюдение за подозреваемыми. По крайней мере в одном случае были установлены подслушивающие устройства – в номере Яффе в отеле. 8 мая ФБР записало беседу между Сервисом и Яффе о политических и военных делах, в ходе которой Сервис предостерегал: «То, что я рассказал вам о военных планах, конечно же, большой секрет». Вторая запись гласила: Яффе спросил Сервиса, высадимся ли мы на побережье Китая? Сервис ответил: «Не думаю, что это решенный вопрос. Я смогу ответить вам через пару недель, когда вернется Стилуэлл».

Третья запись вызвала вопросы со стороны Теодора Ачиллеса, члена Совета по благонадежности во время проведения слушаний по делу Сервиса в 1950 году. Вопросы касались отчета, который хотел заполучить Яффе. «Вы утверждали, что ответили мистеру Яффе, что получить этот отчет было бы для вас затруднительно, поскольку он хранится в том же отделе, где вы служите». Яффе попросил тогда Сервиса прислать ему отчет почтой.

«Вы ответили мистеру Яффе, – продолжал Ачиллес, – что если и сумеете раскопать экземпляр, то только в Дальневосточном отделе, где могут и не захотеть расстаться с ним. Но вы высказали уверенность, что сумеете стащить экземпляр для него».

Эти записи подслушанного разговора, естественно, не могли быть использованы в суде. Но текст бесед стал известен Совету по благонадежности, который в 1951 году не рекомендовал оставлять Сервиса на государственной службе. Однако со стороны Госдепартамента последовал обоснованный отказ. Очевидно, Госдепартамент не рассматривал человека, обнаружившего «совершенно секретные» военные планы, в качестве угрозы для безопасности государства.

Одновременно с расследованием дела по шести подозреваемым, которые позднее были арестованы,

ФБР раскопало и множество соучастников, которые вскоре были отпущены – сразу после того, как Министерство юстиции выпустило пар по делу «Амеразии». Одним из тех, кого допрашивало ФБР в надежде поддержать обвинение, была мисс Анетта Блюменталь, машинистка Института тихоокеанских отношений. Она сообщила членам Совета, что Яффе в течение некоторого времени приносил ей печатать бумаги, за которые платил ей по десять центов за страницу. При этом Яффе предупреждал ее, сказала мисс Блюменталь, что материал конфиденциальный. В ходе расследования, проводившегося ФБР и позднее Советом по благонадежности, она опознала несколько секретных документов среди тех бумаг, что давал ей Яффе. Мисс Блюменталь была невинной жертвой и очень ценным свидетелем, и когда бы ни приходили в суд ответчики по делу «Амеразии», мисс Блюменталь вызывали в качестве свидетеля. Интересно, что она вспомнила имя Сервиса как сотрудника Института тихоокеанских отношений и как автора статей и материалов в изданиях Института тихоокеанских отношений, которые он подписывал «Джон Стюарт». Но Сервис отверг это утверждение.

5 июня 1945 года Рот был неожиданно и без объяснения причин отстранен от действующей службы в ВМФ.

6 июня 1945 года Филипп Яффе и Кейт Митчелл были арестованы в офисе «Амеразии» по обвинению в нарушении Закона о шпионаже.

Марк Гейн был арестован в своей квартире в Нью-Йорке. Обвинение – то же.

Джон С. Сервис, Эммануэль Ларсен и Эндрю Рот, уже без мундира, и вследствие чего не подлежа военному суду, были арестованы в Вашингтоне.

За неделю до арестов, показал Гурнеа, возникло препятствие, «поскольку некоторые люди, связанные с конференцией в Сан-Франциско, настаивали на том, чтобы отложить расследование из-за страха, что это может вызвать трения в отношениях с русскими. (Форрестол также проявил некоторое беспокойство, но воздержался от советов.) Однако препятствия были преодолены после того, как было сделано представление президенту Трумэну, который приказал продолжать расследование.

В ходе арестов в офисах «Амеразии» было обнаружено около четырехсот документов, многие из которых были высочайшей военной и дипломатической важности и охватывали почти все значимые правительственные организации. Не перечисляя их все, следует отметить, что пять лет спустя помощник прокурора генерал Джеймс Макинерни сообщил подкомиссии Тайдингса в показаниях под присягой, что документы, обнаруженные в ходе расследования дела «Амеразии», не были сколько-нибудь значительными: «так, сплетни за чашкой чая». Да, конечно, боевые порядки китайской национальной армии вполне могли сойти в 1950 году за «сплетни за чашкой чая», но были бесценной информацией для китайских коммунистов в 1945-м...

Во время ареста в столе Сервиса была найдена толстая пачка личной переписки. Среди писем было несколько с просьбами доставить сообщения в Чунцин, минуя цензуру. Большинство писем были полны мстительных упоминаний о таких людях, как Патрик Харли, и о законном китайском правительстве, но теплых слов о коммунистических лидерах и отдельных коммунистах. А некоторые письма были явно зашифрованы. По их стилю чувствовалось, что при написании писем использовался шифр, разработанный для личного пользования Сервисом, Л. Девисом и Эммерсоном. Так, слова «белый снег» обозначали мадам Чан, «Гарвард» – коммунистов, «богадельня» – Вашингтон. Шифр, возможно, «детский», сказал Сервис, давая показания Совету по благонадежности.

Документы были найдены и во владениях Марка Гейна, но он утверждал, что они поступили к нему из прессы и что он получил разрешение пользоваться ими. В доме Ларсена оказался второй самый крупный пакет документов – где-то около двухсот.

Хотя в адрес ФБР и раздавалась чрезвычайно необоснованная критика за его деятельность, оно все-таки провело значительную работу по расследованию этого дела. Д. Лэдд, заместитель директора ФБР, ясно продемонстрировал это, когда давал показания перед подкомиссией Тайдингса.

«М-р Лэдд: Во время ареста последнего подозреваемого 6 июня, большое число документов было изъято из офисов «Амеразии». Как показатель тщательности проведенного расследования, была сделана проверка отпечатков пальцев на обнаруженных документах. Лабораторная проверка обнаружила скрытые отпечатки Кейт Митчелл, Марка Гейна и Эммануэля Ларсена. На одном из документов было обнаружено шесть скрытых отпечатков Марка Гейна, один – Ларсена и один – Яффе, что говорит о том, что все трое держали этот документ в руках. Проверка на идентификацию пишущей машинки показала, что множество документов, находившихся во владении Джэффе, напечатаны Агнес Блюменталь на машинке, принадлежавшей Марку Гейну.

В дальнейшем путем сличения шрифтов было установлено, что статьи, обнаруженные в офисах «Амеразии», были машинописными копиями статей, обнаруженных во владениях Э. Ларсена.

Проверка почерков показала, что три статьи имели отметки, сделанные почерком Эндрю Рота, а на множестве документов присутствовал почерк Э. Ларсена... Все эти документы касались в основном военных и политических вопросов.

Признания, как устные, так и письменные, сделанные участниками дела, показывали, что все они полностью сознавали тот факт, что обладали конфиденциальными правительственными документами. Такие документы, содержавшие секреты военного времени, были обнаружены у...

Сенатор Тайдингс: Кейт Митчелл?

М-р Лэдд: Кейт Митчелл признала, что в ее кабинете находились некоторые правительственные документы.

Сенатор Тайдингс: А Сервис?

М-р Лэдд: Сервис признал, что он брал лишь то, что он назвал своими собственными экземплярами официальных документов.

Сенатор Тайдингс: Своими собственными?

М-р Лэдд: Своими собственными, во многих случаях для Яффе.

Сенатор Тайдингс: Какое оправдание он привел, если он вообще оправдывался?

М-р Лэдд: Он полагал, что это его собственный, личный экземпляр...

Сенатор Тайдингс: Давал ли он какие-либо секретные документы Яффе?

М-р Лэдд: Да... Но объяснил это тем, что степень секретности определял он сам».

Были свидетельства и против Марка Гейна. Так, во время слежки за ним его видели входящим в офис «Амеразии» с набитым портфелем. За ним последовали, когда он с женой садился в автобус. В салоне он вынул из портфеля несколько бумаг и стал их читать. Агент ФБР, заглядывая через плечо, мог видеть достаточно, чтобы понять, что это такое. Это были секретные документы.

Вот таким было дело, которое ФБР вело энергично и старательно. И это дело Министерство юстиции провалило, и в результате лишь два человека получили незначительные штрафы в качестве наказания. Но это уже другая история. И лучше всего ее можно было бы охарактеризовать, процитировав обмен репликами между Лунсом Николсом, помощником директора ФБР, и сенатором Тайдингсом в ходе расследования «Реабилитация»:

«**Сенатор Тайдингс:** Есть ли у вас какие-либо сведения, что ФБР или кто-то, связанный с бюро, обращались к кому-либо с целью оказать давление в связи с предъявленным обвинением или судом над теми шестью, которые были первоначально арестованы?»

М-р Николс: Я уверен, никто в бюро ни к кому не обращался...

Сенатор Тайдингс: А знаете ли вы о таких случаях вне бюро?

М-р Николс: Этот вопрос, вероятно, следовало бы задать министру юстиции.

Сенатор Тайдингс: А известно ли вам, что было несколько случаев вне бюро?

М-р Николс: На этот вопрос мне трудно ответить.

Сенатор Тайдингс: Почему? Вы имеете в виду, что вы не можете ответить на него?

М-р Николс: Очевидно, на него должно отвечать Министерство юстиции.

Сенатор Тайдингс: Не могу понять вас.

Здесь сенатор Макмагон, Ден, Коннектикут, быстро сменил тему.

ГЛАВА 15

«АМЕРАЗИЯ II»: ПРАВОСУДИЕ НАОБОРОТ

Когда 7 июня 1945 года «дело шести» попало в газеты, исполняющий обязанности госсекретаря Джозеф Грю был доволен, что необходимая предварительная работа по наведению порядка в доме наконец-то проделана. Грю был осторожен в своих действиях накануне арестов. Он утверждал, что не знает имен подозреваемых, опасаясь, что личные чувства могут привести его к вмешательству или как-то повлиять на решения Министерства юстиции. Однако сейчас, хотя он и был поклонником Сервиса, считая его ценным специалистом, он настаивал на проведении немедленного расследования. В заявлении для прессы он сказал:

«Сотрудники Госдепартамента в течение определенного времени уделяли особое внимание сохранности секретной информации, когда несколько месяцев назад стало очевидно, что информация секретного характера попадала к неуполномоченным на то людям... Разработана обширная программа с целью жесткого пресечения этой незаконной и предательской деятельности... Решение вопроса теперь в руках Министерства юстиции – оно проводит расследование обвинения».

К его изумлению и ужасу, слова эти были встречены огнем брани и поношений, как если бы раскрытие дела «Амеразии» было преступлением. В ужасающе враждебной обстановке влиятельные представители американской прессы принялись за систематическую обработку публики. Статьи призывали шельмовать тех, кто осмеливался апеллировать к законам страны. Публикации в различных либеральных газетах – «Нью-Йорк пост», «Нью рипаблик» и «Нэшн» хором вторили плачам и воплям коммунистической «Дейли уоркер» по поводу того, что подсудимые невиновны и что само дело – пробный шар реакции, запущенный Грю и Эдгаром Гувером в их «охоте за ведьмами, направленной на самом деле на ограничение свободы прессы».

С поразительным единодушием они категорически утверждали, что аресты – результат злобного заговора Грю против тех комментаторов и писателей, кто не согласен с его политикой. «Дейли Уоркер» утверждала, что арест Рота произошел вскоре после «объявления о выходе его направленной против Грю книги «Дилемма перед Японией». Попутно, со словами «в Вашингтоне все берут бумаги на дом», небрежно отметались в сторону документальные свидетельства.

Этот воинственный дух, казалось, проник и в святилище республиканцев – «Нью-Йорк геральд трибюн». В редакционной статье «Травля красных» эта традиционно консервативная ежедневная газета заявила: «Аресты – серьезный признак, если он означает, что любой в правительстве (должен) вести себя тихо, как мышь, если он политический левый из Госдепартамента. Иностранцы не только бизнес воспитанных в хороших семьях джентльменов в полосатых брюках. Резоны и основания, лежащие в основе нашей внешней политики, не должны утаиваться за словами: «Папа знает все».

«Геральд трибюн», например, проговорилась намного больше, чем собиралась, поскольку возгласы возмущения и крики против Грю имели мало отношения к шести арестованным или к тому, насколько серьезен их проступок. Нападавшие на Грю скорее нападали на дальневосточную политику в целом и на его противодействие экспансии Советов в Азии. Публикация дневников Форрестала и показания Юджина Думена, ветерана дальневосточной дипломатии, близкого друга и единомышленника Грю, сделали это предельно ясным. Политика Грю была жупелом для коммунистов, для нью-йоркских и Вашингтонских политиков-либералов и для небольшой, но крикливой группы лиц, которые оказывали влияние на политику и которые повсюду протаскивали идеи Нового курса, превратив правительство Соединенных Штатов в свою исключительную собственность.

С самых первых дней войны эта пестрая компания стенала долго и мощно о необходимости изгнать «реакционеров» (читай – «антикоммунистов») из Госдепартамента. Она призывала требовать безоговорочной капитуляции на японском Дальнем Востоке – независимо от того, сколько жизней это может нам стоить, если учесть, что японский народ готов был до последнего солдата защищать свою религию и императора. Но крики, что микадо должен уйти, не прекращались.

Столь же нетерпеливы были и либералы, и все их друзья-хамелеоны, и Оуэн Латтимор в 1943 году нарушил ясную и строжайшую директиву Объединенного комитета начальников штабов – безоговорочно поддержанную президентом и британским правительством как способ спасения жизней – в которой содержалось категорическое требование об изъятиях из любых пропагандистских материалов официальных американских организаций и представительств любых нападок на японского императора.

Латтимор настоял на вещании на Дальний Восток речи Сун Фо, прокоммунистического президента китайской провинции Яньань, которая кончалась словами: «Микадо должен уйти». Когда Клей Осборн, начальник японского и корейского отделов в Госдепартаменте, выразил протест, указав на

недвусмысленный запрет, он был уволен с подачи Латтимора.

В записи, сделанной 1 мая 1945 Форрестолом в своем дневнике и касающейся политических целей и задач на Дальнем Востоке, он коснулся этой проблемы:

«Я поднял вопрос, не пора ли провести доскональное изучение наших политических целей на Дальнем Востоке, и задал следующие вопросы:

1. Насколько и до какой степени хотим мы разбить Японию? Другими словами, хотим ли мы оккупировать эти острова - и разрушить до основания японский промышленный потенциал?
2. Хотим ли мы обсудить возможность их возвращения в содружество наций после демилитаризации?
3. Какова наша политика в отношении русского влияния на Дальнем Востоке? Нужен ли нам противовес этому влиянию? И должен ли это быть Китай или, может, Япония?
4. Тщательно ли продуман этот вопрос, коль скоро Америка идет к полному поражению Японии - быстро и дорогой ценой в противовес долгой, затяжной осаде? Я сказал, что хотел бы понять, как люди, которые желают быстрой победы, могут выступать в роли миротворцев в Японии?»

Была и другая альтернатива, предложенная Грю и подчеркиваемая в радиоперехватах японских сообщений, которые мы могли читать, поскольку расшифровали их код. Япония была готова молить о мире, но она бы не сделала этого безоговорочно; ей нужны были гарантии, что император останется на троне, пусть даже как конституционный монарх. С такой гарантией, чувствовал Грю, война на Тихом океане могла бы окончиться без нападения на японскую землю и без вступления Советского Союза в войну - возможность, которой страшились и он, и другие члены Кабинета - и не без причины. В тот же день Форрестол выдвинул свои четыре предложения, заметив при этом, что:

«Помощник госсекретаря Грю несколько прояснил свое представление относительно идеи сохранения японского императора. Он сказал, что его идеи были неправильно поняты и неправильно истолкованы. Он сказал, что он выступает лишь за то, чтобы отложить решение по вопросу о японском императоре, пока не завершим военную оккупацию, и уже тогда сможем решать, где актив, а где - пассив. Он сказал, что согласится лишь с такими действиями, которые помогут сохранить максимум американских жизней».

И Грю, и госсекретарь Стимсон выступали за заявление от имени Соединенных Штатов, в котором было бы сформулировано требование безоговорочной капитуляции и оговорено, какого рода мир могла бы ожидать Япония взамен, а также обещание, что японцам будет позволено оставить их императора и религиозные институты. Но нашлось трое людей, составивших оппозицию идее «компромиссного мира», при котором Япония признает свое полное поражение, но получает в обмен позволение сохранить конституционного монарха, буде японцы того пожелают. Эти трое - помощники госсекретаря Дин Ачесон и Арчибальд Маклиш, а также Элмер Дэвис. Все трое обрушились на идею компромисса, метая громы и молнии. И генерал Маршалл, за которым президент Трумэн по необъяснимой причине сохранил последнее слово, был с ними согласен. 29 мая 1945 года формула мира была отвергнута.

Но для Оуэна Латтимора этого было недостаточно. Он был убежден, что Соединенным Штатам следует занять категоричную позицию в пользу свержения микадо, выставив это в качестве главного условия для заключения какого-либо японо-американского мира. Вскоре после встречи Грю - Стимсон - Форрестол и негативной реакции генерала Маршалла на их предложения, тот же Дин Ачесон, который никогда не признавал сколько-нибудь значительной роль Латтимора в формировании высокой политики, устроил ему приглашение на встречу в Белый дом.

В беседе с президентом Латтимор всячески возражал против любой позиции или решения, которые могли быть приняты этим правительством и которые сделали бы возможным сохранение монархии в Японии. Однако получил отпор от президента.

Почему Ачесон, Маклиш и Дэвис возражали - можно только догадываться. Почему возражали коммунистические восхвалители и либеральные глашатаи - понять легко. Ялтинские соглашения позволили России взять будущее Китая за глотку и получить плацдарм в Японии. Завершилась Тихоокеанская война после того, как Красная армия успела бы внести в нее формальный вклад, этот плацдарм стал бы угрожающим. Грубо говоря, русские не желали иметь никакого «противовеса» своему влиянию на Дальнем Востоке. В случае полного поражения Японии у русских были бы развязаны руки в деле советизации страны. Необходимость свержения императора с точки зрения коммунистов также была очевидной, поскольку микадо мог бы оставаться уравновешивающей силой в поверженной стране и блокировать стремительное распространение советской гегемонии. Русские желали тотальной деморализации страны как необходимой предпосылки для захвата ими власти.

За кулисами, однако, шел жестокий мордобой. Юджин Думэн, который был в то время

председателем SWINK (Дальневосточный филиал государственного комитета по координации военно-морской политики), дал показания на этот счет в сентябре 1951 года:

«М-р Думэн: Один из людей в офисе сказал мне, что через Госдепартамент шли бумаги (в начале 1945), в которых высказывались просьбы и требования назначить д-ра Латтимора советником в китайский отдел. С бумагами был ознакомлен и шеф китайского отдела.

М-р Моррис: Кто это был?

М-р Думэн: Это был м-р Джон Картер Винсент. Я обсуждал вопрос с м-ром Баллантини, в то время директором Дальневосточного отдела, и указал, что Латтимор и тогда, и за несколько месяцев до этого, использовал всякую возможность для дискредитации исполняющего обязанностей госсекретаря м-ра Грю...

Я также указал, что не подобает человеку, столь откровенно высказывавшемуся в отношении м-ра Грю, работать под началом м-ра Грю... который... приказал, что бумаги эти должны быть уничтожены.

Сенатор Истленд: А что, собственно, мог м-р Латтимор сказать против м-ра Грю?.. Может, то, что (Грю) противостоял коммунизму на Дальнем Востоке и хотел мирного договора, который предотвратил бы захват Японии коммунистами?

М-р Думэн: Главная причина недовольства была в том, что м-р Грю защищал политику невмешательства со стороны Соединенных Штатов в отношении формы правления, которую хотели бы установить у себя японцы. Другими словами, если они желали сохранить императора любыми путями, то следовало позволить им сделать это.

Сенатор Истленд: Его оппозиция Грю была в том, что м-р Грю выступал в пользу политики, которая после окончания войны предотвратила бы захват Японии коммунистами? В этом суть, не так ли?

М-р Думэн: Это мое суждение.

Новый президент пока не освоился, и потому был легкой добычей для людей, занимавших ключевые посты и чья идеология была если и не нелояльной, то вряд ли устойчивой. А потому было решено, что и Грю также должен уйти. Так, по иронии судьбы, дело «Амеразии» стало тем историческим инструментом, с помощью которого его скинули.

Пресса нападала на Госдепартамент за любые предпринятые им необходимые шаги по защите безопасности страны, одурачивая публику и всячески затушевывая в общественном сознании тот факт, что шестеро обвиняемых были арестованы за нарушение Закона о шпионаже. На деле же их арест стал вдруг вопросом свободы прессы, с одной стороны, и политики, проводимой Грю, – с другой. Единственный газетчик, замешанный в деле «Амеразии», Тайан, заявил, что он использовал полученные секретные материалы для своих статей, и отрицал, что когда-либо имел дело с коммунистами. Яффе, выпущенный под залог, сделал заявление, что «характер этого дела – «охоты на красных» – сам по себе скандален и зачастую клеветнический». Но так никогда и не подал в суд на своих клеветников.

Поскольку «дело шести» плавно переросло в дело Джозефа Грю, усилиями левой и либеральной прессы обвиняемые превратились в героев. Эндрю Рот действительно написал серию статей для «Нью-Йорк пост», в которых утверждал, что нынешняя политика Госдепартамента в отношении Китая и Японии сеет семена 3-й мировой войны. При этом он описал Грю как отца этой политики. Выказанные против помощника Госсекретаря обвинения были столь наглы и неожиданны, что Грю взял экстраординарный курс на публичные ответы на обвинения. Военные секреты, а не люди, заявил он, лежат в основе этого дела, и было обнаружено вполне достаточно доказательств, для того чтобы поддержать обвинения... Мы-де всего лишь услышали, что кто-то возится в курятнике, и отправились посмотреть, кто бы это мог быть. И что доказательства, которые удалось найти, следовало бы обнародовать в суде.

Дядя Кейт Митчелл, Джеймс Митчелл, бывший президент Нью-Йоркской ассоциации адвокатов, привлек свою фирму к этому делу. Полковник Джозеф Хартфилд, сотрудник фирмы, посетил Вашингтон по крайней мере однажды, чтобы позвонить высокопоставленному чиновнику в Министерстве юстиции. Член палаты представителей Эммануэль Цессер, приверженец Американской демократической рабочей партии, также обратился к генеральному прокурору; а его партнер-юрист выступал в качестве защитника Яффе.

Солидный фонд защиты был основан и для Джона Сервиса с помощью Мортимера Грейвса, секретаря Американского совета научных обществ. Короче, битва началась.

Доказательства против шести арестованных по делу «Амеразии» были представлены Большому жюри, чей вердикт был окончательным. По словам помощника генерального прокурора Макинерни,

Министерство юстиции считало, что все это дело «не стоило выеденного яйца, поскольку краденые документы носили вполне безобидный характер». Специальный помощник Генерального прокурора, назначенный вести дело, Роберт Хичкок из Буффало, решил, согласно показаниям Макинерни, что Джон Сервис был невиновен. Макинерни давал показания перед подкомиссией Тайдинга, что Хичкок представил Сервиса Большому жюри, «не устроив ему столь же всесторонней проверки, какую устроил Гейну и (Кейт) Митчелл». Ни слова не сказали членам жюри и о коммунистическом мировоззрении Яффе.

Какие именно остатки доказательств были представлены Большому жюри – упрятано в его протоколах. Макинерни утверждал, что жюри было уверено, что подобные документы «можно было найти в редакции любого журнала и в любом газетном офисе Нью-Йорка». Любопытный, однако, вывод, сделанный из надлежаще представленных фактов... Если согласиться с анализом Макинерни, Министерство юстиции также решило, что единственная вина мисс Митчелл была в том, что она делила офис с Яффе. Где-то по ходу дела версия в заговоре с целью шпионажа была окончательно отброшена и ее место занял заговор о нарушении правил, касающихся незаконного владения правительственной собственностью.

Но поскольку в доме Сервиса не было найдено никаких правительственных документов, уловка автоматически исключала и его из числа обвиняемых. Для вынесения решения Большого жюри требовалось двенадцать голосов. 10 августа Большое жюри проголосовало:

По Сервису: 20 против предания суду, за – нет;

По Гейну: 15 против, 5 – за;

По Митчелл: 18 против, 2 – за;

По Роту: 13 – за, 7 – против;

По Ларсену: 14 – за, 6 – против;

По Яффе: 14 – за, 6 – против.

Через три дня, 13 августа, Раймон Уолш, радиокomentатор СЮ – Рас, так прокомментировал освобождение Сервиса: «Его арест поднял на его защиту некоторых чрезвычайно могущественных людей в правительстве, и любой может легко сделать единственный вывод, что тот, кто начал это дело, вовсе не желал, чтобы они это делали».

Дело, о котором в ходе арестов Министерство юстиции говорило, как о готовом, было с треском развалено.

Сразу за решением жюри о предании его суду, Ларсен узнал, что ФБР обыскало его дом еще до ареста самого Ларсена. Подобный обыск является нарушением Четвертой поправки к Конституции, и, согласно закону, все доказательства, полученные незаконно (так же, как и версии, обоснованные таким образом), считаются в суде недействительными. Адвокаты Ларсена немедленно принялись добиваться признания недействительными всех доказательств, захваченных в доме Ларсена в тот момент, когда он еще не был взят под стражу. ФБР ознакомилось с ходатайством Ларсена об отмене решения о предании суду и подготовило меморандум на 21 странице, который и представило через несколько недель Хичкоку и Дональду Андерсону, другому прокурору Министерства юстиции, назначенному вести это дело. По мнению Андерсона, ходатайство Ларсена не прошло бы в суде просто потому, что дело против него было подкреплено документами, захваченными во время налета на офис «Амеразии», – и эти документы были с его подписью или с его отпечатками пальцев. И его собственным признанием. И тем не менее Хичкок и Макинерни уже пришли к выводу, что их дело против оставшихся троих обвиняемых «лопнуло».

28 сентября Хичкок и Макинерни развили скорость, по существу неведомую прежде среди юристов. Адвокат Яффе предложил внести признание вины своим подзащитным, если в обмен он сможет договориться с правительством. Хичкок и Макинерни с тех пор настаивали, что они были готовы присоединиться к этому требованию, потому что знали, что ФБР обыскивало офисы «Амеразии» незаконно, до предъявления обвинения и ареста. Поскольку ходатайство Ларсена стало достоянием публики, спорили они, Яффе может сделать запрос и узнать об этом «проникновении в дом с целью ограбления», после чего также сможет ходатайствовать об отмене решения Большого жюри о передаче дела в суд.

Даже для несведущего в юридических тонкостях человека доводы Министерства юстиции не были особо логичными. Первоначальные улики в деле «Амеразии» не были «подпорченными»: ведь они были получены законным наблюдением и слежкой. Показания Аннет Блюменталь также имели силу для суда. Более того, незаконное проникновение ФБР не дало никаких новых улик, кроме полученных при аресте Яффе.

Адвоката Яффе пригласили и предложили его подзащитному признать свою вину в незаконном

хранении правительственных документов в обмен на рекомендацию Министерства юстиции ограничиться в отношении него штрафом без тюремного заключения. Адвокат согласился, и стороны договорились на пять тысяч долларов штрафа. «Мы спросили, было ли это твердое соглашение, которое ни при каких обстоятельствах не будет нарушено, – сообщил Хичкок подкомиссии Тайдингса. – Адвокат ответил, что да. Он также сказал, что настаивает, чтобы наша рекомендация ограничиться штрафом не была сделана небрежно, но была добросовестно обоснована для суда, с тем, чтобы заставить суд следовать ей. Мы заверили его, что так и будет».

На следующий день была суббота. В отсутствие репортеров дело было рассмотрено судьей Проктором. Можно сказать, что в своем роде это была классика юриспруденции. Когда Альберт Аренд, адвокат Яффе, встретил Хичкока и Макинерни до появления судьи в зале заседаний, он уже успел прочитать в газетах о ходатайстве Ларсена об отмене решения о предании его суду и изъятии незаконно полученных вещественных доказательств.

Хичкок показал, что Аренд сказал им: «Вы сукины сыны!»

«Но вы не собираетесь отказаться от своего слова?» – спросил в ответ Макинерни. «Нет, если вы тоже не возьмете свое обещание обратно», – сказал Аренд. И Хичкок, и Макинерни вспоминали размен с Арендом как свою большую победу: им удалось получить согласие Яффе признать свою вину до того, как он узнал о ходатайстве Ларсена. Однако это освободило и Аренда от каких-либо юридических или моральных обязательств в отношении своих обещаний, хотя Аренд по-прежнему, казалось, был готов заявить о признании вины, как и накануне вечером.

После юридических формальностей Аренд выступил с заявлением, характеризующим редколлегию «Амеразии» – Оуэна Латтимера, Нила Стоуна (впоследствии находился на зарубежной службе) и проч., в которой упомянул, что Яффе работал в организации, возглавляемой секретарем Стимсоном, а также обрисовал своего клиента как ученого до мозга костей и большого патриота. «Если м-р Яффе и преступил закон, то, похоже, сделал он это от избытка журналистского усердия» и «без намерения подвергать опасности благосостоянием своей страны». Хичкок заявил суду, что он согласен в основном с этим заявлением. А когда его спросили, как много времени заняло изложение правительственных доводов, он ответил: «Не более пяти минут».

Филипп Яффе брал секретные документы для «Амеразии», чтобы «поднять вес журнала и, возможно, ее тираж», – сказал Хичкок. И хотя было использовано несколько сотен документов, нет доказательств, что «было намерение нанести вред стране или поставить правительство в затруднительное положение». Говоря «никаких доказательств», он, возможно, выражался как осторожный юрист. Но он также предположил, что документы брались с намерением «совершенно противоположным» и вполне невинным. И так убедителен был Хичкок и столь осторожен, ни разу не упомянув о какой-либо опасности, которую мог бы представлять собой обвиняемый, что судья Проктор охарактеризовал деятельность Яффе как «явно заслуживающую доверия в своих устремлениях».

«Я принял с полным доверием уверения и вашего адвоката, и государственного прокурора, что с вашей стороны не было злого умысла, направленного или рассчитанного на нанесение ущерба правительству, – добавил он. – И дело выглядело бы для меня в другом свете, не прими я ваши заверения и не зная с уверенностью, что они искренние». Затем он приговорил Яффе к штрафу в 2500 долларов – половину от ежегодных взносов Яффе в кассу компартии.

Хичкок сообщил подкомиссии Тайдингса, что ходатайство Ларсена об отмене решения о привлечении к суду и конфискации доказательств не могло бы пройти в суде, хотя проект подобного ходатайства со стороны Яффе и был выдвинут его адвокатом в качестве причины, заставившей власти пойти на сделку с ним. Итог дела, подведенный ФБР, и юридическое заключение Министерства юстиции также показали, что у Ларсена нет аргументов в свою защиту. И все же после «продолжительных переговоров» Хичкок согласился с предложением адвоката Ларсена принять признание *nolo contendere* (отказ от спора) и рекомендовать суду штраф в 500 долларов. 2 ноября 1945 года Хичкок вновь предстал перед судьей Проктором, заверив его, что «не было никаких элементов нелояльности со стороны обвиняемого», и обвинил того самого Яффе, которого он за несколько недель до этого так оправдывал, в «продажности». Штраф был наложен, и Ларсен вышел из зала суда свободным человеком. От доброты своего сердца Яффе сам оплатил за Ларсена и штраф, и судебные расходы – и это вновь была одна счастливая семья. Дело против лейтенанта Рота было прекращено производством потому, что, согласно мнению департамента юстиции, он был «оправдан» Филиппом Яффе.

Сервис вновь вернулся на работу в Госдепартамент и был восстановлен в должности личного секретаря Бирнса, который тепло поздравил его с «этим счастливым завершением посланного вам тяжелого испытания». Гейн уехал за границу в качестве корреспондента «Чикаго Сан», а также принялся регулярно избивать восточную политику Америки, ведя колонку в «Нэшн». Мисс Митчелл выпала из виду, за исключением редких случаев, когда она время от времени оказывает помощь коммунистическому фронту. Яффе преуспевал, пока в середине 1947 года не рассорился с коммунистической партией из-за своей поддержки бродеризма. Очевидно, он стал кем-то вроде

титоиста.

Что до «Амеразии», то журнал выходил еще какое-то время, но потом потерпел крах. Его постоянные подписчики перешли к «Far Eastern Survey» («Дальневосточное обозрение») и к изданиям Института тихоокеанских отношений.

Шум и гвалт по поводу преследования невинных жертв из «Амеразии» стих за несколько недель до этого. В августе Грю был вынужден уйти в отставку, а 25-го числа этого же месяца Дин Ачесон сменил его в должности помощника Госсекретаря, но пост этот он отказывался принять до тех пор, пока не получил от президента обещания свободы рук в кадровых вопросах. И первое, что сделал Ачесон – изгнал из Госдепартамента Думэна, назначив на его место Джона Картера Винсента в качестве председателя Дальневосточной подкомиссии SWINK. «Вскоре после этого, – писал Форрест Дэвис в номере журнала «Фримен» от 5 ноября 1951 года, – персонал Дальневосточного отдела Госдепартамента был подвергнут Ачесоном чистке, и новые люди заступили в караул, которые к этому дню уже вызывали озабоченность как у Советов по благонадежности, так и у комиссий Конгресса».

И в течение нескольких месяцев политика Ачесона – Винсента в отношении Японии, политика, которую Грю и Думэн отвергали, но которую защищали Латтимор и Яффе, была передана на усмотрение генералу Макатуру.

Директива по оккупационной политике в отношении Японии была вчерне написана еще Думэном. Ачесон и Винсент выбросили ее в корзину и заменили другой, по-настоящему разрушительной. Как говорил в своих показаниях перед комиссией Маккаррана Думэн, это было подражание в самых своих основах тому типу политики, которую навязывал своим сателлитам Советский Союз. «Первое, что необходимо было сделать, это повысить налог на капитал с 60 до 90% на любую собственность, превышающую тысячу долларов... Следующее – экспроприировать все земли, размер которых превышает 5 акров в расчете на одного владельца», и эти земли «продать по довоенным ценам – но по курсу, который упал в цене до 1/180 их былой стоимости».

«Все акции любого отдельного индивидуума в любых крупных корпорациях, превышающие 3% стоимости пакета, должны быть конфискованы, – продолжал Думэн. – Людей следовало убрать из офисов и вернуть к их основной профессии» – то есть из руководителей – вниз. «Практически весь беловоротничковый элемент». Всех военачальников, «этих милитаристов», учет интересов которого должен был бы стать неотъемлемой частью американской политики, под руководством Ачесона и Винсента планировалось спустить до уровня клерков в брокерских конторах и начальников отделов на фабриках. А в результате, по словам Думэна, в Японии должен был бы возникнуть хаос, который и открыл бы двери советскому проникновению.

Ачесоновский персонал вплотную подошел к победе, и ачесоновская политика вплотную подошла к своему осуществлению в Японии. И лишь генерал Макатур оставался единственным камнем преткновения, чего Ачесон так никогда и не простил ему. А в Китае они победили. И сегодня мы пожинаем плоды этой победы – в Корее, в Индокитае, в Малайе. Конечно, человек, неосторожно давший в руки Ачесону и Винсенту рычаг, с помощью которого они устранили Грю и Думэна, должен быть доволен результатом. После того как их злоключения с «Амеразией» были закончены, Яффе сказал Ларсену:

«Мы, конечно, достаточно пострадали, но как бы там ни было, выгнали Грю».

Есть и постскрипtum к рассказу об «Амеразии», но постскрипtum, который до недавнего времени не мог быть написан с любой степенью завершенности. Писать этот постскрипtum нелегко, поскольку он доказывает, что Программа проверки благонадежности в Госдепартаменте упорно саботировалась по причинам, лучше всего известным самим саботажникам.

Джон Сервис был реабилитирован Госдепартаментом после фиаско с делом «Амеразии». Четыре раза, между 1945 и 1959 годами, ему устраивали проверки на благонадежность как различными комиссиями, так и Советами по благонадежности. Но это не мешало ему продвигаться по службе. После целенаправленной проверки его личного дела – а это включало и результаты проверки на благонадежность – демократическое большинство подкомиссии Тайдингса заявило, что «мы рассмотрели представленные доказательства и пришли к выводу, что Джон Сервис не является ни нелояльным человеком, ни прокоммунистически настроенным, и не представляет риска для безопасности государства».

После расследования, проведенного подкомиссией Тайдингса, Сервис был подвергнут чистке еще два раза. 13 декабря 1951 года Совет по благонадежности при президенте установил, основываясь на ранее известных фактах, что «существует обоснованное сомнение в отношении его лояльности», и Сервис был тотчас уволен из Госдепартамента. Подводя итог отношениям Сервиса с Филиппом Яффе и цитируя запись подслушанного телефонного разговора, Совет добавил: «Говоря, что его линия поведения не вызывает обоснованного сомнения в отношении собственной лояльности Сервиса, мы вынуждены думать, а не простираем ли мы покров благотворительности слишком

широко».

Отставка Сервиса оказалась, конечно, в некотором роде поддержкой сенатору Джо Маккарти, чья битва с Трумэнской бюрократией была в самом разгаре. Но это еще не все – было кое-что в запасе. 3 января 1952 года сенатор Маккарти передал в Ассошиэйтед Пресс, в Международную службу новостей (INS) и Юнайтед Пресс девять страничек убористого текста о заседаниях Совета по благонадежности, проведенных 13 и 14 февраля 1951 года. В течение нескольких дней ни одна газета не напечатала отчета об этом релизе. А когда он, наконец, появился, то был похоронен на последних страницах и так выхолощен, что утратил свою истинную ценность.

Из дискуссии членов Совета, все из которых были назначены президентом, стало предельно ясно, что постоянные заявления м-ра Трумэна, госсекретаря Ачесона и других ответственных чиновников, касающиеся действенности программы проверки благонадежности, в том виде, как она проводится Госдепартаментом, не согласуются с фактами.

Председатель Совета Хирам Бингхэм привел один исключительный случай. «Был лишь один член Совета по благонадежности в Госдепартаменте, который противился, когда одному из свидетелей не давали говорить. Так, после одного или двух слушаний он был послан за границу с миссией в Гибралтар, или в какое-то другое место, а потом, после следующих слушаний, другому члену совета были поручены какие-то другие обязанности...»

Член Совета по благонадежности признал следом, что практика Госдепартамента принимать на работу тех, против кого существует порочащая информация, насторожила его. Часто такие работники, уволенные из одного места, по его словам, оказывались в других – не менее важных – правительственных учреждениях. При этом не делалось никаких отметок в их личных делах ни об имеющейся информации против них, ни о причинах увольнения.

Вмешивается другой член Совета: «О, вы говорите о Госдепартаменте? Они заняли позу, что шерстят там своих сотрудников и ни в коей мере не защищают правительство. Мы спорим с ними с тех пор, как началась программа проверки на благонадежность». В дальнейшей дискуссии членов Совета по этому вопросу утверждалось, что «мы взяли на себя серьезную ответственность, когда ничего не предпринимали в течение трех лет, хотя и знали, что страна пребывает в спокойствии с ложным чувством безопасности... Мы знаем чертовски хорошо, что (программа проверки на благонадежность) совершенно неэффективна в одном из главнейших департаментов правительства, и нам интересно, следует ли говорить об этом?»

Председатель Бингхэм привел весьма красноречивую статистику, которая придавала особое значение этой жалобе. «Я привлек внимание (госсекретаря) к тому факту, что его совет шел не в ногу с Советами в других организациях. Так, в министерстве почт, например, 10% всего проверенного персонала было найдено заслуживающим отлучения от правительственных должностей. В министерстве торговли – 6, 5%. То есть в среднем около 6%. В Госдепартаменте – 0%».

ГЛАВА 16

ИНСТИТУТ ТИХООКЕАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ - «КРАСНАЯ ЗАВОДЬ»

Первая благородная попытка трумэновской администрации почистить дом от идеологически подозрительных элементов создала своего рода прецедент. Ведь дело «Амеразии», кульминацией которого стало подобострастное оправдание высокопоставленных правительственных чиновников, обречено повторяться снова и снова, коль скоро «копченая селедка» стала основной пищей в президентском меню. Те же силы, что развалили дело «Амеразии», позднее «оправдывали» и Эджера Хисса. И лишь упорство и личная стойкость сенатора Ричарда Никсона, впоследствии члена Палаты представителей, да потрясающее душу мужество и самопожертвование Уиттакера Чамберса помогли нанести поражение этим силам в случае с Хиссом. Но битва началась заново, когда сенатор Джо Маккарти выдвинул свои – так никем и не опровергнутые – обвинения, и когда силы зла, планировавшие смуту и неразбериху, были разбиты наголову, и справедливость восторжествовала. По крайней мере на этот раз.

Дело «Амеразии» многому эти силы научило. И коммунисты, и левые, и либералы поняли, что перед лицом общего врага их внутрисемейные ссоры и дразги следует забыть. Они поняли, что средний чиновник быстро пасует перед надменностью, и что он легко уступает пропагандистским уловкам – даже таким, что не в ладах с логикой. И теперь они держат под своим контролем всю прессу, правительство и интеллектуалов, которые позднее столь щедро дарили своей заботой Эджера Хисса и других членов коммунистической сети.

И все же дело «Амеразии» не умерло – и не умрет никогда. Оно пережило и прерванное на середине расследование подкомиссии Хоббса, которая в 1946 году пыталась возложить вину за фиаско на ФБР. Оно вспыхнуло ненадолго, когда Эммануил Ларсен рассказал свою историю в журнале «Plain Talk» – отчет, где каждая строка и каждое слово может быть подтверждено и устно, и письменно, но от которого он позднее отказался в попытке завоевать поддержку администрации, чтобы таким образом вернуться на госслужбу. Его показания перед подкомиссией Тайдингса, когда она вновь открыла это дело (и быстро закрыла), принесли ему то, что он заслужил, – презрение тех, чьей поддержкой он пытался заручиться.

Когда по поручению Сената была сформирована подкомиссия Тайдингса, чтобы провести полное расследование относительно того, не работают ли в Госдепартаменте люди, нелояльные к Соединенным Штатам или бывшие когда-либо таковыми, появился проблеск надежды, что положено начало очистке авгиевых конюшен и подавлению коммуно-лево-либеральной клики. Однако попытка эта была обречена на провал объединенными усилиями демократического большинства подкомиссии. Так, сенатор Теодор Грин из Род-Айленда, старый коренник, плохо представлял себе, о чем, собственно, слушания, но хорошо помнил, что выборы на носу. Сенатор Брайан Макмагон из Коннектикута желал доказать, что он настоящий, проачесоновский либерал, даже если ему пришлось бы для этого избить каждого антикоммуниста. И сенатор Миллард Тайдингс из Мериленда, бывший когда-то мишенью кампании по очернению Нового курса, готов был продемонстрировать, что каким бы запятнанным ни было его прошлое, он все равно способен стать «своим парнем».

С первого дня слушаний, когда сенатор Маккарти только занял место, чтобы изложить свое 81-е дело на заседании Сената, стало очевидно, что коалиция Тайдингса – Мак-Магона – Грина намерена блокировать любые его попытки докопаться до истины. Ведь если обвинения Маккарти были ложными, как с пеной у рта доказывала либеральная пресса, лучшей стратегией было бы прилежно копать под каждый пункт доказательств, все взвесить и оценить, чтобы позволить фактам разбить голословные утверждения.

А вместо этого Тайдингс бесцеремонно прерывал Маккарти своими высказываниями и замечаниями, мешая ему последовательно изложить дело, а потом заявил на весь мир, что он изучал не столько обвинения Маккарти, сколько самого Маккарти. Это продолжалось и на следующий день, несмотря на протесты республиканского меньшинства. Роберт Моррис, консультант, был назначен, чтобы представлять правительственную точку зрения, однако ему не позволили даже задать вопросы свидетелям, пока крики протеста не стали так сильны, что Тайдингс был вынужден дать задний ход. Во время выступления важного свидетеля на одном из заседаний, Моррису в грубой форме было велено выйти из комнаты, где проходили слушания, в то время как с коммунистическими лжесвидетелями и проадминистративно настроенными свидетелями обращались сердечно, позволив им превратить заседания подкомиссии в коммунистический форум. К тем же, кто мог представить свидетельства не в пользу Госдепартамента, относились с враждебностью, часто переходившей в злобу и ожесточение. С Эрлом Браудером обходились почтительно, тогда как против экс-коммуниста Луиса Буденза были использованы самые грязные инсинуации из коммунистического склепа, которыми пестрил весь протокол заседания комиссии и которые были потом извлечены из него сенатором Чэвезом, демократом из Нью-Мексико, чтобы повторить их в речи на заседании сената, когда он умудрился заодно осмеять и свидетелей-католиков.

Приведенный ниже типичный обмен репликами между Робертом Моррисом и демократами – членами подкомиссии служит красноречивым примером. После нескольких отчаянных попыток пригласить некоторых важных свидетелей, Моррис в последний день слушаний обратился к Тайдингу с просьбой:

«М-р Моррис: Сенатор, могу я упомянуть здесь лишь об одном деле?

Сенатор Тайдингс: М-р Моррис, мы можем говорить здесь о делах до Страшного суда.

М-р Моррис: Это необходимо внести в протокол, сенатор. Могу я закончить?

Сенатор Тайдингс: Конечно, хоть вы и не член комитета. А когда нам необходимо выслушать консультанта, мы просим их об этом сами...

М-р Моррис: Существует дело человека по имени Теодор Гейджер. Он служил в Госдепартаменте, а сейчас является одним из помощников Поля Хоффмана (в Администрации Экономического сотрудничества) и занимается работой, исключительно госдеповской по своему характеру. Я собрал нескольких свидетелей, которые все, как один, покажут, что этот Гейджер был членом той же ячейки коммунистической партии, что и они сами, и я считаю, что мы окажемся преступниками, если перед лицом таких показаний, которые уже запротоколированы...

Сенатор Тайдингс: Передайте это дело ФБР или сделайте что-нибудь еще. А мне бы хотелось разобраться с нашим делом. Мы не хотели бы тратить впустую этот вечер».

Довольно любопытно, что 14 страниц протокола, включая и этот отрывок, были ловко изъяты из напечатанной стенограммы слушаний Тайдинга. И об этом никогда не стало бы известно, если бы не сенатор Генри Кэббот Лодж, республиканец, заметивший отсутствие этих страниц, привлечший к этому внимание Сената и настоявший на их восстановлении в протоколе. Смешно, но под предлогом составления промежуточного протокола подкомитет Тайдинга завершил слушания до того, как они в действительности начались. А уж потом «промежуточный отчет» с помощью парламентских фокусов стал окончательным, который и был одобрен, напечатан и выпущен тремя демократами – членами комиссии без ознакомления и одобрения двух республиканцев – сенатора Лоджа и сенатора Борка Хикенлупера. Игнорируя показания, полученные подкомиссией, протокол обелял Госдепартамент, напал на сенатора Маккарти и мазал дегтем всех антикоммунистов подряд, включая и тех, кто не имел никакого отношения к расследованию.

Дело «Амеразии» вспыхнуло ненадолго еще раз, когда Большое федеральное жюри в Нью-Йорке, освободившись от опеки Министерства юстиции, приступило к допросу свидетелей. Члены жюри были взволнованы широким распространением коммунистической подрывной деятельности. Однако Министерство юстиции вновь взяло дело под свой контроль, и в итоге жюри выпустило выдающийся документ, в котором молчаливо признавалось, что да, что-то было в основе своей неверно, что да, не все, дескать, факты были преданы гласности, но тут же следом принялось оправдывать и Министерство юстиции, и ФБР, и Управление стратегической разведки (УСР), и всех остальных, имеющих отношение к этому делу, равно как и всех виноватых. Если ФБР и УСР испортили дело «грязными» доказательствами – как утверждало Министерство юстиции, тогда они были виновны. Но если ФБР и УСР действовали, как положено, тогда дело умышленно саботировалось Министерством юстиции. Большое жюри так никогда и не взяло на себя труд объяснить это противоречие.

Итак, повторим еще раз: дело «Амеразии» было отправлено на дно – вместе с тогдашними попытками «вычистить» из правительства «красных» и им сочувствующих. Расследование было отправлено на дно игнорированием свидетельских показаний и бездействием по отношению к «красным». И публика, которая до этого бурно негодовала и выражала протест, теперь лишь недоуменно наблюдала за происходящим. Поскольку попытки администрации запутать предмет спора, чтобы скрыть важные факты на волне взрыва всеобщей радости от блестящей победы на выборах и в мутных водах несообразностей и полуправды, оказались успешными, но все же средний американец, хоть и запутавшись и не совсем ясно представляя, о чем речь, тем не менее не был убаюкан заверениями президента, что все прекрасно в этом лучшем из возможных Вашингтонов. Что-то было не так, кардинально не так, и избирателю необходим был прямой разговор, который смог бы развеять его беспокойство и тревогу. Но он не нужен был ученым мужам из администрации. Вместо этого они били в барабаны и распевали «Маккартизм!»

Однако вопли о «маккартизме» не способны изгнать призраков, и в результате выборов 1950 года сенатор Тайдингс был выставлен из своего офиса, тогда как Маккарти и те, кто вел предвыборную кампанию на полемике с ним или с его помощью, были избраны. Прав он или нет, но для многих американцев Джо Маккарти стал символом казалась бы безнадежной борьбы, которая, однако, заставила администрацию задуматься о внутренних врагах. Ядовитая, злобная, хотя, возможно, и демократическая, пропаганда добилась успеха в создании из сенатора из Висконсина самой спорной фигуры в стране. Нападки журналистов – от грубых, вульгарных нападок антикоммунистической «Нью-Йорк пост» до рафинированной злобы и умышленной,

преднамеренной клеветы более «объективных» изданий – лишь укрепляли сторонников Маккарти в вере, что он был самым оклеветанным человеком в Соединенных Штатах, что ни на кого другого так не клеветали. Но при этом они сознавали, что стратегия эта была стара как мир. Она использовалась против каждого, кто осмеливался говорить о коммунистической угрозе в полный голос, а не шепотом.

Кампания, начатая Маккарти, закончилась безрезультатно и не была доведена до конца. Несколько человек, представлявших «угрозу безопасности» и тем не менее спокойно переживших президентские проверки на благонадежность, были тихо, без шума уволены, и, по иронии судьбы, известие об их увольнении пришло одновременно с опровержениями Госдепартаментом обвинений, выдвинутых против них. И все же шум, крики и вздорные страсти имели одно ужасное последствие. В результате кропотливой и неблагодарной «черной работы» Джо Маккарти Сенат Соединенных Штатов создал наконец-то подкомитет по внутренней безопасности в своем Юридическом комитете под председательством сенатора Пэта Маккаррана, а Роберт Моррис был назначен консультантом в прибежище «красных» – Институте тихоокеанских отношений. Осторожный, старательный и кристально честный, обладающий глубокими познаниями в области коммунистической подрывной деятельности, обретенными им в период работы в комитете Рэпа-Кудерта и в Законодательном собрании Нью-Йорка, а также во время руководящей работы в военно-морской разведке, он был отличным выбором.

Бенджамин Мандель оставил руководящую работу в Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности Палаты представителей, чтобы поставить свои энциклопедические познания в области коммунизма на службу комиссии Маккаррана. Работа была трудной, опасной и неблагодарной.

Поскольку Институт тихоокеанских отношений (ИТО), хотя его часто гипотетически, вроде как запуская пробный шар, обвиняли в том, что он дает пристанище подрывным элементам, был переполнен в высшей степени респектабельными подставными лицами – людьми, занимающими видное положение в правительстве (как, например, генерал Джордж Маршалл) или обладающими огромными богатствами и общественным престижем, фактически он был вне подозрений.

И тем не менее ИТО – это был мир, где на государственные дела, на правительство, на благотворительные фонды и пожертвования смотрели через другой конец телескопа. За импозантным фасадом внушительной репутации, благородных научных целей и профессорского величия и титулов скрывалась толпа коммунистов, прокоммунистов, либералов и оппортунистов. ИТО был своего рода гостиной – настоящей, респектабельной гостиной на Парк-авеню, – но сидели в ней шпионы и облапошенные ими простофили. Покончите с ИТО – и вы покончите с Одзаки, Агнес Смедли, Гюнтерами Штайнами, принцами Сайондзи, Генри Уайтсами и Элджером Хиссами, и тогда доберетесь, наконец, до самого драматического момента в деле Зорге – до истории Пёрл-Харбора, истории «Амеразии», а также до архитекторов американских ошибок и поражений на Дальнем Востоке. Крупные куши, отстегиваемые фондами Рокфеллера и Карнеги, помогали «сохранять плюш на креслах», которыми был набит ИТО. Представители американского национального корпоративного богатства делились с ним частью заработков – чеками и репутациями. Это те самые упрямые и невинные люди, искренне верившие, что отличительными признаками коммуниста должны быть мятые брюки, невымытые волосы и восточноевропейский акцент.

Институт процветал на протяжении многих лет, и его прокоммунистические авторитетные суждения о политике на Дальнем Востоке, широко распространившись, захватили правительство, прессу, университеты. Это была своего рода политическая моногамия. Без одобрения ИТО ни одна книга по Дальнему Востоку не могла иметь успех. Одобрение института означало научный и финансовый успех. В сотрудничестве с Дальневосточным отделом Госдепартамента ИТО навязал Соединенным Штатам политику, направленную на разгром Чан Кайши и установление власти китайских коммунистов. Институт мутит и корейские воды, помогая начать «Вторую с половиной» войну. ИТО получил полуофициальный статус в отношениях с правительством, превратившись во время войны в своего рода агентство по найму. В письме, написанном как раз перед Пёрл-Харбором, сотрудник института, позднее перешедший на работу в Госдепартамент, Роберт Барнетт, так обрисовал это влияние:

«Отвечая на твою просьбу, я постараюсь изложить в этом письме, как американский совет по ИТО поднялся до требований национальной необходимости.

От армии, ВМФ, Федерального резервного банка и Министерства торговли, Администрации экспортного контроля и Бюро по ценам при администрации поступали неоднократные просьбы о помощи, которые и выполнялись нашим исследовательским персоналом.

...Мы рады, что Министерство обороны признало способности нашего специалиста по Нидерландской Вест-Индии мисс Элен ван Зилл де Лонг, поручив ей последнее задание... Уильям Локвуд, сейчас временно пребывающий в отпуске, работал в качестве секретаря американского комитета международных научных исследований и одновременно у генерала Максвелла и

полковника Донована в Вашингтоне, но недавно принял секретарство в американском совете ИТО. И м-р Картер, и я получали приглашения работать в штате Управления по координации информационно-политической политики, но остались здесь, поскольку необходимость в общественном просвещении и частных исследованиях кажется сейчас более настоятельной и необходимой... Это всего лишь примеры того, какого рода задания способен выполнять наш институт, и это также объясняет, почему правительства и нашей, и других стран так жаждут воспользоваться услугами персонала нашего института.

Помощь, оказываемая нами правительствам, к счастью, не приводит к сокращению нашей помощи бизнес-группам, прессе, университетам и средним школам. Потребность этих кругов в институтских исследованиях в настоящее время более велика, чем когда-либо ранее, ибо мы обеспечивали необходимой информацией редакцию журнала «Форчун», когда он готовил свой дальневосточный выпуск. Мы также помогали преподавательским организациям доводить до ума их дальневосточные программы. Мы провели несколько региональных конференций. Под руководством Кэтрин Портер, Мириам Фарм (посланная Госдепартаментом в качестве политического советника генерала Макартура в Японию, мисс Фарм писала другу в ИТО: «Я приставлена писать политическую часть ежемесячных отчетов Макартура. Есть определенный спортивный интерес – узнать, многого ли я смогу добиться на этом поприще»), Дороти Борг и Курта выходило огромное количество разнообразных дальневосточных обзоров, достигающих все более широкой и все более внимательной аудитории. Мы еженедельно вещаем через CBS и выпускаем недорогие брошюры, среди них, например, «Проба сил в Сингапуре», «Кризис на Филиппинах», «Япония атакует Юг», «Наш дальневосточный дневник», «Американская помощь Китаю» и «Советский Дальний Восток».

В международном плане лишь Франция и Голландия сокращают свое участие в работе института. А королевский институт в Лондоне недавно расширил исследования по Дальнему Востоку, и дальневосточные программы канадского и австралийского институтов сейчас более фундаментальны и лучше обеспечены, чем когда-либо в прошлом.

Я уверен, ты согласишься со мной, что причины, которые привели тебя к поддержке американского совета ИТО в прошлом году, являются вдвое более вескими сегодня... Но в любом случае значительно вырастет ответственность американского совета перед нашим правительством и американским народом».

В письме «мажордома» ИТО вопрос о значении этой организации был разложен по полочкам и рассмотрен куда более обстоятельно:

«Со времени нашей последней встречи правительства четырех стран признали достижения ИТО и высокий уровень нашего персонала, что выразилось в поручении нам следующих заданий:

Ты, без сомнения, знаешь, что по представлению президента Рузвельта, генералиссимус Чан Кайши пригласил Оуэна Латтимора приехать в Чунцин в качестве его личного политического советника. Латтимор прибыл в Чунцин 10 дней назад. Другой член международного секретариата, д-р Чжао Тингчи, вылетел с нашими наилучшими пожеланиями на том же самолете, чтобы стать генеральным секретарем американо-британо-китайского Фонда стабилизации валюты размером в 95 миллионов долларов. Всегда найдется дело для выдающихся сотрудников института – будь то Латтимор, американец в китайском правительстве или Чи – китаец в американском, британском и китайском правительствах. Бывший член секретариата, Ирвинг Фридмен, которому я обеспечил получение задания и возможность изучать Индию в качестве сотрудника индийского правительственного торгового представителя, теперь получил важный исследовательский пост в министерстве финансов в Вашингтоне, пост, для которого он достаточно квалифицирован... Администрация Управления экспортного контроля недавно пригласила к себе на службу на полный день весь американский исследовательский персонал на длительный период, так что нам пришлось убеждать их, что наш персонал, являясь хорошо сбалансированной, опытной исследовательской группой, способен и здесь, на месте, скорее выполнить всю работу, нежели переезжая всем скопом в Вашингтон, где его работа была бы доступна лишь одному-единственному правительственному департаменту.

Просьба другого рода была высказана м-ром Генри Люком, м-ром Уэнделлом Уилки и м-ром Джеймсом Блейном, которые попросили меня стать председателем Комитета по ассигнованиям, ведущим серьезные исследования китайских потребностей, чтобы как можно эффективнее потратить пятимиллионный фонд, если он будет собран, чтобы добиться максимального облегчения для китайцев и одновременно осуществить вложения в перспективную реконструкцию.

Все последующее только между нами, поскольку часть этой информации не для всеобщего пользования...

Пока принц Коноэ был премьером, Ушиба, глава секретариата ИТО в Японии, действовал как его личный секретарь. И пока Ушиба помогал премьеру, Сайондзи (член аппарата Зорге), внук Генро действовал как глава секретариата Института тихоокеанских отношений в Токио, за исключением времени визита Мацуоки в Европу. Сайондзи сопровождал министра иностранных дел в его

фантастическом, невероятном турне с визитами к Гитлеру, Муссолини и Сталину.

Брюс Тернер, в течение многих лет секретарь ИТО в Новой Зеландии, только что прибыл в Вашингтон с членом новозеландского кабинета и вскоре отправится в Лондон, прежде чем стать членом новозеландского кабинета.

Королевский институт в Лондоне недавно резко увеличил объем исследований по Дальнему Востоку. Дальневосточная программа Канадского и Австралийского институтов стала более фундаментальной и лучше обеспеченной, чем когда-либо ранее.

Ввиду военной необходимости и большого объема внеплановой работы, которую наш институт просят сейчас выполнить, мне интересно знать, смог бы ты обсудить вопрос о том, чтобы сделать специальный, разовый вклад в размере 250 долларов Американскому совету где-то до 1 сентября?

На протяжении всего нашего повествования сотрудники ИТО характеризовались соответственно их роли в описываемых событиях. Более или менее полный список личного состава института занял бы многие страницы. Но для ознакомления было бы нелишне взглянуть еще раз в этом контексте на некоторые новые и уже знакомые имена. Среди сотрудников ИТО, авторов его публикаций и членов числились:

Фредерик Вандербильд Филд - в течение нескольких лет исполнительный секретарь Американского совета ИТО, который возмещал его текущие дефициты в общей сумме в 60 тысяч долларов; миллионер-коммунист, лидер подрывной организации «Американская мобилизация за мир»; основатель «Амеразии», автор статей в «New Masses» и «Дейли уоркер».

Гарри Уайт - помощник министра финансов, автор плана Morgenthau и член двух советских шпионских групп, нашедший способ передавать высшие военные секреты, для чего договорился с секретарем Morgenthau о взаимном регулярном обмене документами по армии, ВМФ, разведке и проч.

Лачлин Курье - помощник администрации из Белого дома и друг советского шпиона Грегори Сильвермастера.

Лоуренс Дугган - глава латиноамериканского отдела Госдепартамента и, недолго, член шпионского аппарата Геды Мессинг.

Гюнтер Штайн - корреспондент ИТО в Чунцине, министр без портфеля в шпионской группе Зорге; корреспондент «Крисчен сайенс монитор» и пропагандист достоинств китайских коммунистов, написавший 21 статью для публикации в изданиях ИТО.

Эндрю Рот - протеже Эдварда Картера, главенствующей фигуры в ИТО, пишет для изданий института; арестован по делу «Амеразии».

Лоуренс Розингер - консультант Госдепартамента по Дальнему Востоку и получатель двух грантов от ИТО - один от Рокфеллеровского фонда, другой - от Американского совета научных обществ; штатный сотрудник института, автор и лектор в Ассоциации внешней политики.

Джозеф Барнс - одновременно и редактор иностранного отдела «Нью-Йорк геральд трибюн», и редактор злополучной прокоммунистической «Нью-Йорк стар», и одновременно секретарь ИТО, ярый защитник Советского Союза.

Макс и Грейс Грэнич - советские агенты-нелегалы. И м-р, и миссис Грэнич отказались отвечать на вопрос комиссии Маккаррана об их членстве в компартии, ссылаясь на 5-ю поправку к Конституции.

Гарриет Люси Мур - движущая сила ИТО, названа членом коммунистической партии одним из свидетелей. Гарриет Мур сослалась на 5-ю поправку к Конституции, когда комиссия Маккаррана пригласила ее на слушания.

Максвелл Стюарт - редактор «Nation» и «Public Affairs Pamphlets» - популярной серии брошюр, выпускаемой Институтом. В показаниях под присягой назван коммунистом.

Корлис Ламонт - сочувствующий коммунистам и ангел-хранитель всех прокоммунистических организаций. В настоящее время финансирует и поддерживает про-«красный» «Нью-Йорк компас».

Элджер Хисс - как чиновник высшего эшелона Госдепартамента, один из близких друзей ИТО и как президент Фонда Карнеги за международный мир, следил, чтобы институт исправно получал денежки Карнеги. Советский агент, а ныне обитатель тюремной камеры, осужденный за нарушение присяги.

Бригадный генерал Эванс Карлсон – автор книг, издававшихся ИТО, твердый сторонник китайских коммунистов, близкий друг Агнес Смедли и тайный член коммунистической партии, согласно данным под присягой показаниям.

Израэль Эпштейн – пишет в «Нью-Йорк таймс», автор книг, изданных Институтом, друг коммунистов и враг Соединенных Штатов, если судить по его собственным писаниям, сотрудник советской тайной полиции; покинул Соединенные Штаты во избежание депортации.

Джеймс Аллен – бывший редактор зарубежного отдела в «Дейли уоркер», пишет в издания ИТО.

Менее чем за неделю до начала слушаний комиссии Маккаррана, около пятидесяти человек, более или менее близко сотрудничавших с Институтом, были идентифицированы как советские агенты, коммунисты или столь убежденные прокоммунисты, что разница была несущественной. О роли Института красноречиво свидетельствуют показания Луиса Буденза, экс-коммуниста и бывшего редактора «Дейли уоркер», в которых он процитировал Александра Трахтенберга, комиссара по культуре в коммунистической партии, сказавшего, что ИТО был «небольшой красной школой для обучения некоторых людей в Вашингтоне тому, что следует думать о роли Советского Союза на Дальнем Востоке. «Он был «красный, как роза», – сказал своему курьеру Элизабет Бентли мастер шпионажа Яков Голос. Александр Бармин, бывший бригадный генерал Красной армии, а ныне глава русской секции «Голоса Америки», объяснил это следующим образом, выступая на слушаниях комиссии Маккаррана:

«Сенатор Фергюссон: Что представлял из себя Институт? Был ли это коммунистический фронт или нечто другое, на ваш взгляд? Что именно?

М-р Бармин: Конечно, у нас бывает иногда то, что мы называем «крышей». Институт был специально создан для достижения узких военных целей. Это была фальшивка, не более, чем финт, подделка. Вместо него мог быть какой-нибудь экспортно-импортный бизнес или какой-нибудь магазин, или туристическая фирма, которые были бы устроены как место для встреч или собраний и в качестве предлога для законного жительства в районе.

Что до Института (ИТО), то здесь был, конечно, план другого рода. Это была организация, которая уже существовала и которая была основана, чтобы идеально подходить не только для какой-то одной страны, но для всего тихоокеанского региона в целом. Эта «крыша» могла позволить им обеспечить передвижение их людей, что открыло бы огромные возможности для разведывательной деятельности. Так что это была не специально созданная конструкция, но такая, что должна была проникнуть всюду и занять ключевые места в государственных учреждениях.

Что до вопроса передвижения людей, должно было быть достаточно сотрудников, которые могли бы докладывать о своих наблюдениях военной сети и спокойно работать внутри организации для сбора информации и вербовки людей и проч..

Сенатор Фергюссон: Итак, Институт был последней структурой, которую вы собирались использовать и использовали, так?

М-р Бармин: Так».

«Звездой» Института тихоокеанских отношений был Оуэн Латтимор. Как Эдвард Картер был выдающимся администратором организации, так Латтимор был выдающимся ученым, защитником московских процессов, неутомимым пропагандистом интересов Советского Союза и китайских коммунистов. Латтимора можно описать как человека, который всегда оказывался в нужном месте. В 150 тысячах фрагментов переписки ИТО, которые Комитет по внутренней безопасности нашел спрятанными в подвале дома Фредерика Филда и в гараже Картера в Ли, штат Массачусеттс, досье Латтимора было огромно и – бесконечно откровенно.

Сенатор Маккарти обвинил Оуэна Латтимора в том, что он был «архитектором нашей дальневосточной политики» – политики, передавшей Китай в руки коммунистов, пытавшейся убрать умеренную администрацию в Японии и создавшей предпосылки для нынешнего конфликта в Корее. В том смысле, что писатели и корреспонденты, работавшие на институт, делали политику Госдепартамента – факт самоочевидный, и потому все спокойно доверяли этим людям. Да, Латтимор был именно тем, кем считал его Маккарти. Но Маккарти пошел, однако, дальше, обвинив Латтимора в том, что он был «советским агентом высокого ранга». Невозможно было определить заранее, насколько серьезно может быть воспринято это второе обвинение. Существуют показания Бармина, служившего когда-то под началом генерала Берзина в 4-м Управлении Красной армии, согласно которым Латтимор «считался своим человеком» в советской разведке. Бармин фактически повторил заявление в том же роде, сделанное генералом Вальтером Кривицким – покойным главой советской разведки в Западной Европе. И Луис Буденз, говоря об источниках получения официальной информации для компартии, которую поставляли ему такие люди, как Джек Стэчель, Эрл Браудер и Фредерик Филд, показал, что Латтимор считался членом международного советского аппарата. Все эти обвинения Латтимор отменил, поставив под сомнение даже сам факт существования

генерала Берзина.

Невозможно дать исчерпывающую оценку этим показаниям. Да в некотором смысле это выходит за рамки данного вопроса. Метод Латтимора – метод, которому следовали и в ИТО, – лучше всего изложен в письме, написанном им Картеру в 1938 году:

«Мне кажется, ты человек достаточно себе на уме, если судить по тому, как долго ты думал над темами исследований для китайской секции – для Азиатикуса, Хан-Сенга и Чи (Чжао Тингчи)..

Я полагаю, для основных целей данного исследования хорошо бы менять позицию, занимаемую Институтом, в зависимости от страны. Что до Китая, я подозреваю, что это окупится, если нам держаться несколько позади официальной позиции китайских коммунистов, на достаточном отдалении, чтобы не рисковать заполучить такой же ярлык, но и несколько впереди от позиции активных китайских либералов, чтобы это было заметно. Что до СССР, следует поддерживать в основном их внешнюю политику, но без использования их лозунгов и ни в коем случае не создавая у них впечатления нашей подчиненности им...»

Такова была та самая техника «себе на уме»: поддерживаем политику, но не лозунги, которая столь эффективно применялась Латтимором, ИТО и прокоммунистически настроенной шайкой интриганов в Госдепартаменте, и теми, кто повсюду всучивал Америке тех, кого сейчас уже повсеместно признали национальными врагами. Метод этот – вести коммунистическую пропаганду в привычных американских терминах – метод тонкий, коварный и психологически точный.

Подобные статьи влияли на ту часть американской публики, которая в свою очередь оказывала влияние на формирование американской внешней политики. Через таких людей, как помощник госсекретаря Самнер Уэллес, постоянно пребывавшем в близком общении с Эдвардом Картером и другими светилами и знаменитостями ИТО, и Джон Винсент, эта пропаганда напрямую попадала в Госдепартамент. ИТО сделал свои многотомные исследования доступными для правительства. Его издания – «Far Eastern Survey» и «Pacific Affairs» – последний редактировался сначала Латтимором, потом – Мишелем Гринбергом (членом аппарата Бенгли, ставшего помощником личного адъютанта Белого дома Лачлина Курье и впоследствии перешедшего в Госдепартамент, откуда он был уволен в период «сокращения численности вооруженных сил») – являлись фактически обязательным чтением для чиновников зарубежной службы. А это способствовало ловкому и упорному распространению пропаганды. В 1947 году, когда «Незаконченная революция» Эпштейна вышла в свет, Картер написал разоблачительно откровенное письмо директору по рекламе издательства «Литтл, Браун и компани», помеченное «лично и конфиденциально»:

«Пишу в знак признательности за «Незаконченную революцию в Китае» Эпштейна, которую вы столь любезно прислали мне несколько дней назад. Я уже прочел 2/3 ее и надеюсь закончить в ближайшие несколько дней.

Думаю, это крайне важно, что вы изобрели подобный способ заставить прочесть ее среди прочих и госсекретаря Джорджа Маршалла, и сенаторов Ванденберга, Морсе и Ивса, и Джона Фостера Даллеса, и Джона Винсента из Госдепартамента. Вам известно лучше, чем мне, как удостовериться в том, что они прочтут ее в ближайшем будущем. Письмо от меня на эту тему может заставить некоторых из них подумать, что я рекомендую книгу, потому что я был поклонником Эпштейна, и они могут слегка скептически отнестись к моей рекомендации.

У меня есть другое предложение. В книге отражено столь глубокое понимание китайского народа и искреннее восхищение им, что, я полагаю, равно важно найти способы и средства, чтобы добиться ее широкого распространения в Китае. Думали ли вы о китайском издании?

Книга, по сути, объединяет в одном томе несколько книг. Это проникновение в историю Китая в годы войны. Это документ общественного значения, и это настольная книга для военных, которая могла бы иметь огромную ценность, например, для маки во Франции и даже для горстки антигитлеровски настроенных немцев в Германии. Она могла бы стать настольной книгой по политическим и военным вопросам и для Вьетнама, и для других азиатских стран, на случай, если империалистические державы попытаются вернуться к до-Пёрл-Харбовскому господству.

Книга не столь необходима в коммунистических районах Китая, как в районах, контролируемых Гоминданом, и ее авторитетные итоги и выводы могли бы помочь обрести надежду вновь, а также ознакомить с новыми методами миллионы китайцев, недовольных правлением Гоминдана...

Более, чем когда-либо в недавние годы, возросло число людей и в Соединенном королевстве, и в Канаде, а также в Австралии и Новой Зеландии, которые нашли бы книгу познавательной, и не только в отношении Китая, но и в отношении мыслей, высказанных в ней, в отношении ко многим движениям на европейском континенте и повсюду в мире.

Я поздравляю «Литтл, Браун и К», продемонстрировавшего безошибочную мудрость в решении не только опубликовать эту книгу, но и сделать все для ее широкого распространения.

P. S. Я не советовался с Эпштейном в отношении этого письма. Надеюсь, однако, что он с одобрением отнесется к нему и оно вызовет дальнейшие конкретные предложения от него. На этот случай я позволю себе послать ему копию лично.

P. P. S. Говоря о генерале Маршалле, я хотел бы, чтобы вам удалось найти кого-то, кто сумел бы заставить его прочитать книгу от начала до конца, а не просто конец с готовым анализом Эпштейна, касающимся деятельности Маршалла. Мне кажется, что ему бы не помешало почувствовать нарастающий эффект предыдущих глав, чтобы заставить себя объективно оценить свою собственную роль.

Я уверен, что Джон Винсент прочел бы книгу непредвзято. Ему, вероятно, знакома большая часть материала, приведенного в книге, но он скорее всего не видел его, организованного столь логично. Если бы он взялся продвигать книгу, он сумел бы убедить генерала Маршалла прочитать ее от корки до корки.

Конечно, многие скажут, что Эпштейн – рьяный защитник коммунизма. Полагаю, что это скорее всего так, но думаю, что он призывает всего лишь к более глубокому и здравому анализу мира, чем это делают многие другие нынешние рьяные защитники. Я слышал, что «Нью-Йорк таймс» обратилась к Оуэну Латтимуру с просьбой отрецензировать книгу. Надеюсь, что и другие издания сделают столь же мудрый выбор.

Полагаю, что гоиндановское правительство внесет книгу в список «запрещенных» для ввоза в Китай. Но надеюсь, что вы сумеете передать ее в руки посла Лейтона Стюарта и некоторым американским корреспондентам, таким, как Бенджамин Уэллс, Кристофер Ренд, Арч Стил и Сан Фо, а также мадам Сун Ятсен и некоторым другим до того, как упадет бронзовый занавес».

Рецензия Оуэна Латтимора в «Нью-Йорк таймс» была восторженной. «Израэль Эпштейн бесспорно зарезервировал себе место в... выдающейся компании своей безоговорочной поддержкой китайских коммунистов...», – писал он. В коммунистической «New Masses» Фредерик Филд из Института тихоокеанских отношений заметил, что «иностранные угнетатели сегодня – это в первую очередь американские империалисты». Одна из главных тем в книге, достойных похвалы, писал Филд, это «борьба китайского народа против... американского империализма». Он провел параллель между продажными китайскими чиновниками и некоторыми американскими конгрессменами. Самуэль Сайлен поместил в «Дейли уоркер» корреспондента ИТО Эпштейна «в верх списка». И эту книгу Картер столь энергично хотел всучить генералу Маршаллу, чтобы она направила его на путь истинный в его государственных размышлениях!

В 1945 году Макс Истмен и Т. Пауэлл написали критическую статью для «Ридерс дайджест» об американской политике в отношении Китая. Напечатанная под заголовком «Судьбы мира поставлены на карту в Китае», она доказывает опасность прокитайской коммунистической пропаганды и показывает, как использовали ее для того, чтобы изгнать Чан Кайши и, очевидно, Соединенные Штаты. Вскоре после появления этой статьи, Картер написал Латтимуру шифрованное письмо о своем визите на «166 улицу» и о разговоре с отцом о сыне. Сын «также подтвердил, как я и предполагал, что отец любит писать сам. Я, однако, был готов через два-три дня послать ему набросок вместе с самым тактичным и убедительным письмом, какое я только мог написать – в слабой надежде, что он выразит готовность что-то сделать». Объяснения этим секретам были найдены в других письмах, хранившихся в архивах ИТО.

Латтимор написал набросок ответа в «Ридерс дайджест» и переслал его Картеру, который пешком отнес его на 166 улицу, в дом Корлисса Ламонта. Ламонт передал письмо своему отцу, банкиру Томасу Ламонту, а тот, в свою очередь, должен был передать его в «Нью-Йорк таймс» как написанное от себя лично. Подобной уловкой Картер надеялся убедить читателей «Таймс» в том, что даже ярые консерваторы были прокитайски настроенными коммунистами. Ответ Томаса Ламонта, хотя в чем-то и соглашавшегося с Картером, тем не менее ясно и лаконично ставит все на свои места:

«Я также был обеспокоен непрекращающимися нападками разных комментаторов на Россию... Я прочел статьи в «Ридерс дайджест» и внимательно просмотрел меморандум. Я полагаю, что вы фактически предлагаете мне написать в «Нью-Йорк таймс» письмо и убедить наше правительство изменить нынешнюю политику, обеспечив доступ так называемых коммунистических армий к помощи по ленд-лизу... Главное здесь, похоже, в том, что я должен изобразить более адекватное знание ситуации, чем у нашего правительства. В вашем меморандуме вы указываете, что Россия в одиночку помогала Чану. Хорошо, если это так, но почему это не дополнительный аргумент для того, чтобы и нам сделать то же самое?»

Картер, державший в своих руках политику и судьбы Института, как-то написал канадской знакомой, характеризуя Эрла Браудера как лектора:

«Он действительно очень хорошо информирован и, вопреки распространенному мнению, 100%-ный американец». В архивах ИТО находилась и пачка с документами, касающимися другого 100%-ного

американца – коммуниста Фредерика Филда. В 1940 году Филд подал в отставку с поста исполнительного секретаря Института тихоокеанских отношений, с тем, чтобы возглавить руководство коммунистическим фронтом «Американская мобилизация за мир», функционировавшим в период действия пакта Гитлер – Сталин.

Фронт этот долбил Белый дом, призывая к решительным действиям по прекращению помощи Британии и вел широкую агитацию повсюду, пока Гитлер не вторгся в Россию. Даже Картер вынужден был признать, что поддержка Филдом этого фронта оказалась неожиданным сюрпризом для него. И тем не менее Филипп Джессап, ставший впоследствии председателем ИТО, убеждал попечителей совета Института отклонить предполагавшееся увольнение Филда.

«Мы считаем, что это отвечало бы интересам (ИТО), если бы м-р Филд по-прежнему близко сотрудничал с нами, насколько это возможно, – писал Джессап. – И мы бы хотели и впредь видеть его в качестве секретаря совета, максимально участвующего в руководстве и определении политики...»

Столь безграничную терпимость разделяли и попечители совета Института, однако Филд настоял на своем переходе в коммунистическую организацию. Через десять дней он телеграфировал о своем уходе из ИТО «ввиду неизбежной критики и неправильного понимания», и попросил Джессапа «не делать поспешных выводов, пока я не смогу поговорить с вами лично. «Оуэн Латтимор рекомендовал Филда на работу в Консультативный совет по обороне. Но после того, как коммунисты отказались впредь считать фашизм «делом вкуса» – перемена, чудесным образом совпавшая с концом медового месяца Гитлер – Сталин, – Филд вновь вернулся в ИТО. В 1942 году он решает, что неплохо бы получить назначение в армейскую разведку США. И Картер с Уильямом Стоуном – когда-то сотрудничавшим с «Амеразией» и ИТО, а впоследствии определявшим политику для «Голоса Америки» при Госдепартаменте, поспешили дернуть за все струны, какие могли, чтобы надеть офицерский мундир на Филда. Однако доклад ФБР предотвратил это, к большому Картера и Стоуна сожалению.

Д-р Карл Витфогель, один из выдающихся ученых, специалистов по Дальнему Востоку, сообщил комиссии Маккаррана о беседе, состоявшейся между ним и Оуэном Латтимором в 1944 году, сразу по возвращении миссии Генри Уэллеса в Китай, Россию и Индию. «Мы говорили о возможных решениях на Дальнем Востоке. (Латтимор) сказал, что для Кореи хорошее консервативное решение было бы лучшим решением, т. е. если бы Советский Союз занялся бы этой страной, которая меня сильно беспокоила. Я, естественно, вышел из себя и подумал, что представителю американского правительства не следовало бы так говорить...»

Латтимор отрицал, что подобная беседа имела место. Отрицал он также и другие высказывания, приписанные ему д-ром Витфогелем. В письме, датированном 20 февраля 1947 года, Латтимор в том числе писал: «Я никогда не спорил, что Америке следует свергнуть (микадо)». Витфогель ответил цитатой из книги Латтимора «Решение в Азии», опубликованной в 1945 году: «Если японцы сами решат действовать без императора, ну и на здоровье. Если нет, нам следует ясно дать понять, что милитаризм потерпел катастрофическое поражение и что мы, победители, не нуждаемся в императоре, и что и он сам, и все мужские претенденты на трон... должны быть интернированы, предпочтительно в Китае. Его имущество и поместья следовало бы использовать для проведения аграрной реформы, ясно, что без его согласия... Вновь возникшие имущественные интересы будут в состоянии предотвратить реставрацию монархии (после его смерти)».

Все это, конечно, отрывочно, фрагментарно. И это лишь небольшая часть свидетельских показаний, которые в свою очередь являются лишь небольшой частью закончившейся истории. Но это говорит о духе, царящим в Институте, круге правил и обязанностей его сотрудников. Из организации, основанной Э. Руттом и другими выдающимися американцами для изучения сложных проблем Тихоокеанского региона – сферы жизненных интересов Америки, ИТО превратился в холдинговую компанию убежденных защитников Советского Дальнего Востока и прибежище наивных простофиль. Хотя наивность объясняет, но не извиняет проступков. Когда Жерар Слоуп, нынешний глава ИТО, готов ручаться за розингеров, эпштейнов и филдов, когда он закрывает глаза на доклады со зловонным духом или отказывается признать результативность воздействия Института на политику Госдепартамента, его добрые намерения приобретают чисто теоретический характер. Дорога в Москву вымощена благими намерениями – и далеко не все, идущие по ней, сознают, куда они идут.

ГЛАВА 17

СТРАТЕГИЯ ПОРАЖЕНИЯ

Существует некий временной сдвиг, временная планка, искажающая силу и эффективность разоблачения. Да, Элджер Хисс был пойман, но спустя много времени после того, как зло было совершено. Большинство людей, названных экс-коммунистами, давно ушли из правительства, и их прошлые поступки и предательства – уже история, и потому не кажутся реальными. Пропасть между решением человека порвать с коммунистическим движением и решением открыто высказаться широка, а общественная воля лишь слабеет в долгом ожидании.

История пишется не историками, но людьми, стоящими у власти – имеющими влияние, дарующими места и должности. Факты, которые всплывают в воспоминаниях, – или уже забыты, или выходят на свет Божий тогда, когда политики уж пребывают на приличном удалении от своих триумфов и ошибок. История – это официальная хроника, лишённая признаков жизни, так что американцы живут по пресс-релизам, и если один из них противоречит другому, то об этом знают одни ученые.

Возьмем Госдепартамент. Его склонность к неблагонадежным элементам проявлялась неоднократно, и история с коммунистами это продемонстрировала. А между тем секретари Госдепартамента и их помощники даже не думают признавать свои ошибки, спокойно уверяя всех, что в их заведении отныне все в порядке. Именно это утверждал помощник секретаря Джон Пенрифой, когда сенатор Маккарти выдвинул свои обвинения. И был вознагражден за свою верность посольством в Греции. А потом Эдвард Позняк и Теодор Гейджер – двое из неблагонадежных элементов, взятых на мушку Маккарти на слушаниях комиссии Тайдингса, тихо исчезли с государственной службы. Миссис Эстер Брюнер, также из немаленького списка Маккарти, была временно отстранена, когда ее муж покинул свой высокоответственный пост в ВМФ на время следствия. Другие же с тех пор тихо расслабились.

Вообще администрация Трумэна слишком часто ставила свое политическое будущее выше блага страны – будь то вопросы безопасности, или же покровительство неумехам и нерадивым работникам, а также друзьям из Канзас-сити. Безопасность в современном вашингтонском понимании заключается в засекречивании всех правительственных архивов, которые могут представлять опасность для администрации, и рассекречивании тех, что могут помочь в политической борьбе. Когда в октябре 1947 года Филипп Джессап давал показания перед сенатским комитетом, ему позволили огласить содержание документов, которые могли бы помочь ему в прояснении его позиции. А когда генерал Уиллоби предстал перед комиссией Маккаррана, его руки были связаны правительственным указом о неразглашении имен американцев, участвовавших в советской нелегальной деятельности в Японии. И какой бы документ ни был обнародован впоследствии под давлением общественности – это случается слишком поздно.

Когда 2 июля 1946 года помощник госсекретаря Дина Ачесона сообщил публике, что обвинения в сокрытии коммунистов в Госдепартаменте были вызваны «скорее тревогой, нежели фактами», это было воспринято как правдивое заявление. Однако публика могла не знать, что 26 июля 1946 года – 24 дня спустя – Госсекретарь Джеймс Бернс признал в частном письме, что после тщательного просеивания Советом по благонадежности, 284 сотрудника Госдепартамента получили неблагоприятные отзывы, но лишь 79 из них были уволены. Именно это письмо имел в виду сенатор Маккарти в своей речи в Вилинге, Западная Виргиния, когда говорил, что среди оставшихся 205 у него есть показания на 57, как состоящих в компартии или людей, лояльных к коммунизму, но по-прежнему пребывающих в Госдепартаменте, что вызвало взрыв нечистой игры и атак на него со стороны либералов. Эти самые либералы по-прежнему настаивали на том, что утверждения, будто сочувствующие коммунистам остались на службе в Госдепартаменте, не соответствует фактам. Они утверждали также, что единственное, что соответствует истине, это что из 79 уволенных лишь 40 были уволены из-за мании подозрительности.

Публика, однако, не знала, что ФБР подготовило список для Госдепартамента, в котором, по словам одного из их официальных представителей, «были перечислены «агенты», «коммунисты», «симпатизирующие» и «подозреваемые» сотрудники Госдепартамента по состоянию на 15 мая 1947 года.

Из таблицы явствовало, что агентов было 20, коммунистов – 13, симпатизирующих – 14, подозреваемых – 77».

Публика лишь повторяла заверения Ачесона, Пенрифоя и президента, что проникновение коммунистов в правительство – дело прошлого. Доклад же офицера безопасности, аккуратно проштампованный «SECRET», лежит, спрятанный в архивах.

Еще раз, уже 10 июня 1947 года, комиссия Сената по ассигнованиям направила письмо госсекретарю Маршаллу, в котором предупреждала, что «под руководством администрации Дина Ачесона «была продумана и реализована программа» защиты персонала Госдепартамента,

придерживающегося коммунистических убеждений в Госдепартаменте. Маршалл, однако, не соизволил даже подтвердить получение этого документа.

«Ревизионисты», пересматривающие современную историю, не те несостоявшиеся люди, что не получили признания в академических кругах. Настоящие ревизионисты – это официальные историки, готовые принять за евангельскую истину любые фальсификации правительственных чиновников, ответственных за связи с общественностью или лукавые заявления выше – или нижестоящих чиновников, не согласующиеся с глубоко упрятанными в архивах протоколами. И дело Зорге – показательнейший пример этого. В 1949 году Пентагон подготовил так называемый «Доклад Уиллоби» по делу Зорге, Смедли и другим. Доклад был подготовлен сотрудниками армейской разведки и заверен юристами-экспертами.

Однако Агнес Смедли пригрозила генералу Макартуру судебным иском. Угроза явно нелепая, но либеральная пресса истошно разоралась, и министр обороны Кеннет Ройял срочно отозвал доклад и ретировался, поджав хвост. И не успели еще похоронить копии этого доклада в пентагоновских архивах, как уже был создан миф о том, что Министерство обороны «отвергло» доклад, усомнившись в его истинности, чем выдало Агнес Смедли и другим, обозначенным в нем, своего рода сертификат о безупречной репутации. Миф этот жив и по сию пору, хотя даже беглый взгляд, брошенный на содержание газеты «Нью-Йорк таймс», способен легко разрушить его.

Вот так обстояли дела с политикой Соединенных Штатов на Дальнем Востоке. Давая показания перед сенатскими комитетами по разведке и международным отношениям, собравшимся на совместное заседание, чтобы установить причины, приведшие к внезапной отставке Макартура с поста главнокомандующего силами ООН в Корее, Дин Ачесон неоднократно повторил две догмы, которых придерживалась правительственная пропаганда в отношении причин тех потрясающих уступок, сделанных Россией, с целью вовлечь ее в войну на Тихом океане в 1945 году.

Ачесон под присягой утверждал, что когда подписывались ялтинские соглашения, погубившие националистический Китай, «мы еще не знали, есть у нас атомная бомба или нет». Хотя генерал Лесли Гроувс недвусмысленно подтвердил тот факт, что еще до Ялты он и министр обороны Симпсон информировали президента Рузвельта о том, что А-бомба была «на 99% – свершившийся факт» и что использование первой такой бомбы – вопрос нескольких месяцев. Полковник Уильям Консидайн из «Манхэттенского проекта» срочно вылетел на Мальту, чтобы перехватить американскую делегацию, направлявшуюся на Крымскую конференцию и уведомить госсекретаря Стеттиниуса о том, что «бомбу можно испытывать и что Гроувс перепроверил утверждения ученых об этом и что вероятная дата – 1 августа (1945)».

Ачесон под присягой утверждал: «Это было мнение военных (во время Ялты), разделявшееся всеми, что взятие Японии потребовало бы массивной высадки на островах и что прогноз этого сражения был крайне неблагоприятен: это была бы кровавая и ужасная битва. И потому было крайне важно, чтобы русские вступили в войну на Дальнем Востоке».

И тем не менее еще за семь месяцев до Ялты, адмирал Нимитц и генерал Макартур встретились в Гонолулу, чтобы обсудить тихоокеанскую стратегию, и, по словам адмирала Лики, пришли к соглашению, что «Японию можно вынудить принять наши условия капитуляции, используя военно-морские и военно-воздушные силы, но без вторжения на японскую землю». Адмирал Кинг, присутствовавший на переговорах в Ялте, сообщил президенту, что «блокада и бомбардировки могут заставить Японию капитулировать». Вступление русских в войну «ускорило бы эту капитуляцию», сказал он, но высказал при этом мнение, что президенту Рузвельту не следует уступать им больше, чем южную часть Сахалина в качестве «подачки», поскольку русские в любом случае и сами хотели бы вступить в эту войну. Но вместо этого Советскому Союзу была обеспечена военная и экономическая гегемония в Маньчжурии, а также порт Дайрен.

Более того, существовал доклад, подготовленный пятьюдесятью специалистами Министерства обороны – многие из которых были достаточно высокого ранга, – где указывались серьезные военные и политические последствия вступления русских в войну на Тихом океане, и следовал однозначный вывод, что такое вступление следует любым способом предотвратить. И все же Дальний Восток был преподнесен России на блюдечке в качестве платы за ее участие в Тихоокеанской войне, что стало величайшей ошибкой в истории американской дипломатии, и истинная причина Ялты так и остается до сих пор «непостижимой тайной», как писали восемь сенаторов из числа принимавших участие в слушаниях Макартура, и что «итоги Ялты остаются триумфом коммунистической дипломатии».

Кто подтолкнул руку, которая держала перо, подписавшее ялтинские соглашения? Не кроется ли ответ на этот вопрос в истории Зорге, в деле «Амеразии» и Института тихоокеанских отношений? Не было ли там бесконечного повторения политики, которую использовало прокитайское коммунистическое лобби в отношении Госдепартамента начиная с 1943 года, или же мгновенной мобилизации той силы, что торпедировала подписание соглашения с Японией о *modus vivendi* в 1941-м?

Что действительно началось в Ялте – так это настойчивая, осознанная или нет, попытка передать Китай коммунистам, усилившаяся в последующие годы. В 1946 году, когда генерал Маршалл был готов продолжить свою катастрофическую миссию в Китае – то есть катастрофическую для всех, кроме китайских коммунистов, было составлено великое множество инструкций, которыми ему следовало руководствоваться в переговорах о соглашении между Чаном и «красными». И когда он давал показания на слушаниях Макартура, Маршалла спросили: «Вы не могли бы вспомнить, кто приложил руку к подготовке той директивы, которую послали вам в Китай?»

«В то время, – ответил Маршалл, – госсекретарем был м-р Бирнс, и я полагаю, что он приложил руку. М-р Ачесон был его заместителем, и я полагаю, что и он приложил руку. Джон Винсент руководил группой по Китаю в Госдепартаменте – конечно же, он тоже приложил руку... Я – нет». А вот Ачесон вину за эту директиву, призывавшую к «коалиции» националистов и коммунистов, возложил на Маршалла. А на кого же еще!

Все вышесказанное – не более, чем преамбула и комментарий к представленной здесь слишком мизерной, слишком запоздавшей и слишком расстраивающей американскую публику информации. Нечто вроде свидетельских показаний негативного характера против Дина Ачесона – вольного или невольного пленника своего Дальневосточного отдела, и против генерала Маршалла, и против всех тех людей, которые и подарили большую часть Азии коммунистам. Вся эта информация говорит не в пользу консультантов из ИТО, либеральных, а иногда и коммунистических, советников людей, чья настойчивая политика поставила мир на грань новой войны. Поставьте мифического «среднего американца» на место свидетеля и спросите его в судейской манере: «Какова репутация у Госдепартамента в смысле честности, неподкупности, безукоризненности и надежности?» И ответ, без сомнения, был бы таков: «Плохая репутация. Скверная».

«Средний американец» быстро просматривает газеты и столь же быстро их забывает. Так положите перед ним документы, пусть даже малую их часть, и потом спросите: «Не проясняет ли это, почему Госдепартамент готов пойти на любой трюк, использовать любую уловку, любой обман, для того, чтобы заблокировать тщательную проверку его персонала, его политики и его мотивов?» Может, и здесь ответ будет «да»?

Предлагаю вам доказательство А – заявление Дина Ачесона в шокирующе обескураживающей Белой книге по Китаю. «Это пусть неприятный, но неизбежный факт: зловещие итоги гражданской войны в Китае не зависели от правительства Соединенных Штатов и не были ему подвластны. Ничто из того, что сделала или могла сделать наша страна в пределах своих возможностей, не смогло бы изменить эти итоги; и ничто из того, что не было сделано, не содействовало бы этому».

Доказательство В – письмо Дина Ачесона сенатору Коннэли от 15 марта 1949 года: «Китайские правительственные силы не выиграли ни одной битвы в течение последних нескольких лет из-за недостатка оружия и боеприпасов».

Доказательство С – упорный курс генерала Маршалла на достижение в 1946 году перемирия между китайскими красными и националистами, и именно в то время, когда Чан выбивал коммунистов из одного стратегического района за другим. Сражения возобновились, но после того, как коммунисты подтянули войска, и поражение Чана обернулось победой для Сталина и Мао. Обо всем этом писалось в американской прессе.

Доказательство Д – полмиллиона бесполезных, разукомплектованных противогозов, которые мы вынудили Чана купить у нас по 8 долларов за штуку.

Доказательство Е – эмбарго генерала Маршалла на продажу оружия националистам, которое так и не было отменено до июля 1947 года. Об этом эмбарго адмирал Чарлз Кук, выступая перед подкомиссией Маккаррана, сказал так:

«Сенатор Фергюссон: Вам известно что-либо о военном снабжении националистических войск?

М-р Кук: Да, после отъезда (генерала Маршалла) где-то примерно 1 августа 1946 года снабжение было прекращено.

Сенатор Фергюссон: Генерал Маршалл обсуждал когда-нибудь с вами этот вопрос?

М-р Кук: Он говорил об этом в общем, особо не комментируя, кроме высказанного им мнения, что мы, имея в виду Соединенные Штаты, вооружили китайцев и теперь мы же разоружаем их. Другими словами, он взял на себя вооружение тридцати с лишним китайских дивизий, снабжение их оружием и прочими подобными вещами, а потом мы вдруг остановили этот поток вооружений и ввели эмбарго. Так что ни мы сами их не снабжали, и не позволяли им купить что-либо на стороне в течение около десяти месяцев, я уверен. Он просто высказал свое мнение, вот и все. Я не просил его высказываться, но он сделал это.

Сенатор Фергюссон: Это равносильно разоружению китайцев, потому что они не могли нигде больше получить боеприпасы для оружия, которым мы снабжали их?

М-р Кук: Да, это так.

Сенатор Фергюссон: Какой эффект дало бы вооружение националистов, насколько это беспокоило коммунистов?

М-р Кук: Конечно, коммунистов в Маньчжурии очень хорошо снабжали русские из японских арсеналов и захваченного японского оружия. И мы были практически уверены, что это будет продолжено, и, конечно, в нашей Белой книге доказывается нашими дипломатическими представителями в Москве, что так оно и было.

Сенатор Фергюссон: Итак, нам известно, что коммунисты получали оружие и боеприпасы, а также что введение эмбарго для националистов – это была наша политика, которую мы и проводили в жизнь?

М-р Кук: Это верно.

Сенатор Фергюссон: И генерал Маршалл говорил вам, конечно, что это равносильно разоружению националистов?

М-р Кук: Да.

М-р Моррис: Отправляли ли Соединенные Штаты какое-либо вооружение китайскому правительству в течение этого периода?

М-р Кук: Никакого боевого снаряжения. Позвольте мне несколько видоизменить тему. Этот вопрос, который подняли здесь, о передаче устаревшего вооружения в Циндао в феврале 1947 года... Количество военных кораблей в Китае постепенно убывало, а боеприпасов у них было больше, чем необходимо для завершения боевых операций, и некоторое количество этого вооружения устарело и не отвечало стандартам, принятым в Соединенных Штатах. И потому некоторое количество устаревшего вооружения в Циндао подлежало списанию. Я не хотел везти его через весь город Циндао, с тем чтобы погрузить на корабли, и единственный способ избавиться от них, полагал я, это просто выбросить их где-нибудь на свалку или взорвать. Но уничтожение тысяч снарядов – дело непростое. Так что когда я в 1947 году вернулся в Вашингтон, чтобы решить вопрос о множестве судов, скопившихся в Циндао, встал также и вопрос об этих боеприпасах – выбрасывать их или нет...

Сенатор Фергюссон: Почему же вы не отдали их китайским националистам для того оружия, которое у них было?

М-р Кук: Я говорил об этом. Ну, когда у нас была эта конференция с участием Госдепартамента, включая и генерала Маршалла и м-ра Винсента.

Сенатор Фергюссон: Это Джон Картер Винсент?

М-р Кук: Джон Картер Винсент.

Сенатор Фергюссон: Какой пост он занимал в Госдепартаменте в то время?

М-р Кук: Он был помощником госсекретаря по дальневосточным делам, как м-р Раск сейчас.

Сенатор Фергюссон: Вы обсуждали этот вопрос с генералом Маршаллом. Был ли он тогда госсекретарем?

М-р Кук: Он был госсекретарем. Там были министр ВМФ, и шеф штаба ВМФ, и генерал Маршалл, секретарь Маршалла и м-р Винсент.

Сенатор Фергюссон: Вы расскажете нам о беседе, которая у вас состоялась?

М-р Кук: Да. Я придерживался мнения, что нам следовало бы оставить там эти боеприпасы и выбросить их, а националисты могли бы прийти и забрать их. Им тогда отчаянно не хватало боеприпасов. Я считал, что нереально было избавиться от них каким-то другим способом. В споре, который последовал, м-р Винсент высказался против этого.

Сенатор Фергюссон: И что он сказал?

М-р Кук: Он просто сказал, что мы должны поискать способ уничтожить боеприпасы.

Сенатор Фергюссон: И не отдавать их националистам?

М-р Кук: Да. Генерал Маршалл признал, что проблема существует, и сказал, что он считает, что это очень трудная проблема – уничтожить боеприпасы, и одобрил мою рекомендацию.

М-р Моррис: Где состоялась эта конференция?

М-р Кук: В Госдепартаменте.

Сенатор Фергюссон: Привел ли м-р Винсент какое-либо оправдание тому, что не следует передавать китайским националистам оружие предложенным вами способом?

М-р Кук: Он лишь заметил, что было бы нежелательно так поступать... Сейчас я, конечно, могу сказать вам, что там были впоследствии и утаивание вооружений, например, в 1949 году, когда они уже перебрались на Формозу».

Доказательство F – донесение посла Лейтона Стюарта. В июле 1947 года он докладывал, что «существует недостаток вооружений и боеприпасов к ним во всех сражающихся войсках». В феврале 1948 года он сообщал, что «если бы американская помощь материализовалась в адекватной степени... ход событий можно было бы быстро повернуть в нашу пользу».

Доказательство G – неоднократные, на протяжении нескольких лет обращения Чана в Госдепартамент с просьбами позволить ему закупить снаряды калибра 7,42 мм, которые использовались лишь в Китае, были вознаграждены поставками, которых хватило на три недели боевых действий.

Доказательство H – после долгого периода политики под названием «ничего нельзя сделать», Сенат, наконец, принял Закон о помощи Китаю, а Госдепартаменту потребовалось четыре месяца – и угроза принять меры со стороны сенатора Стайлса Бриджеса, чтобы одобрить продажу оружия китайским националистам. 15 мая 1950 года вице-адмирал Рассел Берки сказал: «Китайские «красные» по-прежнему находились бы к северу от Великой китайской стены, если бы специальные виды вооружений, одобренные Конгрессом два года назад, вовремя попали к националистическим силам. По тем или иным причинам понадобилось девять месяцев, чтобы доставить их в Китай. Кто-то где-то в Соединенных Штатах споткнулся, или застрял, или ему помешали».

Как показала Фреда Атли в своем бестселлере «Китайская история», прошло несколько месяцев, прежде чем было проведено «соответствующее изучение». А потом боеприпасы были проданы, как излишки, за границу по цене 4,55 доллара за 1000 патронов, а то, что в прайс-листе числилось по цене 45 долларов, было продано Чану за 85 долларов.

А теперь сравним заявления Дина Ачесона в доказательствах A и B – с другими доказательствами. Обратимся к докладу о Ялте, а потом подбросим еще два доказательства – попытки изгнать Чана на Формозу и признать китайское коммунистическое правительство – две политические акции, предпринятые вопреки воле Конгресса и настроениям американцев. Пометим эти доказательства I и J.

Доказательство I – 6, 7 и 8 октября 1949 года Госдепартамент провел встречу за круглым столом на тему «Американская политика в отношении Китая». Участвовали в ней 25 специалистов по Дальнему Востоку, председательствовал Филипп Джессап. Публике, оплатившей все расходы, не сообщили ни о самой конференции, ни о составе участников. По крайней мере об этом не упоминали до лета 1951 года, когда Гарольду Стэссону удалось вырвать стенографический отчет из цепких лап Госдепартамент. Из 25 участников 15 были связаны с ИТО – или как попечители, или консультанты, или сотрудники, или авторы публикаций. Из этих пятнадцати четверо в показаниях под присягой были впоследствии названы членами коммунистической партии, а один был связан с пресловутым Советом помощи Китаю.

За исключением Гарольда Стэссена и профессора Кеннета Колгроува, среди участников совещания не было ни одного, кто был бы известен своими симпатиями к Чан Кайши. Ведущей фигурой этого совещания был, хотя он скромно отрицал эту роль, Оуэн Латтимор. За столом, в качестве участника, сидел и генерал Маршалл.

Совещание обсудило многие аспекты китайской проблемы. Беседы сопровождалось солидным поглаживанием подбородков сидевших с серьезным и торжественным видом консультантов Госдепа. Но разговор заметно оживился, когда обсуждался вопрос о признании «красного» Китая. Спорили не о том, стоит ли Америке признавать коммунистическое правительство Китая. Спорили о том, когда следует даровать это признание и какую выбрать линию поведения, чтобы сделать этот шаг «съедобным» для американской публики, не разделявшей терпимость участников совещания к коммунизму.

Лоуренс Розингер предложил, что «следует немедленно прекратить нашу помощь остаткам националистов, как только появится такая возможность». Розингер немного запоздал. Ибо госсекретарь Дин Ачесон пошел куда дальше, еще восемь месяцев назад настойчиво торопя с прекращением всякой помощи – как экономической, так и военной – остаткам армий Чан Кайши. Факт, о котором публике не сообщали.

В конце одного из заседаний, в отсутствие Гарольда Стэссена, участники разговорились по душам.

М-р Джессап: Мне бы хотелось предложить, поскольку у нас есть еще несколько минут, обсудить вопрос о признании коммунистического правительства в Китае... Мне кажется, что в некоторых дискуссиях о признании есть определенное несоответствие между краткосрочными и долгосрочными аспектами этого вопроса. С одной стороны, встает вопрос: «Признавать ли коммунистическое правительство и немедленно?» Но с другой стороны, налицо вероятность повторения ситуации, которая существует благодаря Советскому Союзу практически более пятнадцати лет и о которой мы говорили, что она не существует, тогда как она существовала, и все вы знаете те трудности, что вырастают из этого...

М-р Макнаутон: Сидя в этой комнате, споря и слушая, я подумал, что мне следует сказать, что мы достигли такого состояния ума, в котором нам следует признать правительство Китая. Но генерал Маршалл в течение последних нескольких дней шептал мне на ухо, что множество вещей, о которых мы здесь говорили, вы не сможете прямо сейчас предложить американской публике или Конгрессу, а потому рассуждения в вакууме, здесь, между собой, встретятся с практическими проблемами, и я думаю, что следует продумать линию поведения, понаблюдать и не спешить.

М-р Джессап: Говоря как представитель американской публики из специфического района страны, вы полагаете, что признание потерпело бы неудачу в вашем районе?

М-р Макнаутон: Я думаю, что публика вышла бы из себя.

Бенджамин Кайзер: Это сегодня. Но как они отреагируют завтра – это уже другая история...

Натаниэль Пеффер: Я бы тоже свел этот вопрос к вопросу выбора момента, и я бы подождал. Я подождал бы недели четыре, пять, может, шесть...

Аргур Холькомб: Я согласен с теми, кто говорил, и я полагаю, что так думает большинство из нас, возможно, даже все, что вопрос признания – вопрос выбора момента, и я думаю, что большинство из тех, кто говорил так, также добавили бы, что поскольку выбрать нужный момент – исключительно трудно, то было бы лучше сделать это слишком рано, чем слишком поздно.

Оуэн Латтимор: Господин председатель, мне кажется, я определенно воодушевлен той очевидной тенденцией, которая проявилась сегодня утром – а именно, что нам следует исходить скорее из фактов, чем из субъективных суждений. Я надеюсь, что Госдепартамент владеет ситуацией, но... мне кажется, что нам следовало бы еще раз вернуться к проблеме, поднятой генералом Маршаллом, и рассмотреть ее поближе, что проблема выбора момента – это самое важное... Нам следует взглянуть несколько шире и включить сюда и всю остальную Азию... Сумеет ли мы увязать признание нового режима в Китае со множеством позитивных шагов в Азии в целом... чтобы продемонстрировать, что Соединенные Штаты... горячо желают установления самого прогрессивного и либерального режима из всех возможных?..

Лоуренс Розингер: Мне хотелось бы разделить точку зрения, неоднократно высказывавшуюся за этим круглым столом, о том, что нам следует поторопиться с признанием. Мое личное мнение – признать Китай следует как можно раньше. Но я хотел бы предложить... подготовить общественное мнение как основу для скорейшего признания...

М-р Джессап: Я думаю, что сегодняшнее утро было весьма содержательным и очень полезным...

Эдвин Рейхауэр: Мы, похоже, в основном согласны с мыслью о желательности признания коммунистического правительства в Китае и очень скоро признаем его...

Конечно, именно это имел в виду посол Джессап, когда осенью 1951 года под присягой сообщал сенатскому комитету по международным отношениям, рассматривавшему его назначение членом делегации на Генеральную ассамблею ООН, что Госдепартамент ни разу не «обсуждал» возможности признания красного Китая.

Доказательство J – 23 декабря 1949 года, когда плохо вооруженные, разбитые и преданные всеми армии Чан Кайши начали свой исход на о-в Формозу, для сотрудников информационной службы Госдепартамента был подготовлен пакет секретных инструкций. За этими документами чувствовалась рука прокоммунистической группировки, настоящего «китайского лобби», работавшего долго и с любовью ради краха националистов. Этому лобби совсем не хотелось ни видеть возрождение антикоммунистической военной силы на Формозе, ни откладывать и дальше великий день победы и признания для китайских «красных».

Документ гласит:

«Формоза и политически, и географически, и стратегически – часть Китая, не имеющая какого-либо особого значения или важности. Если растущий общественный интерес вдруг обратится на Формозу, необходимо предать гласности факты, отмеченные ниже...

Следует использовать любые материалы для противодействия ложному впечатлению, что утрата (Формозы) могла бы серьезно угрожать интересам Соединенных Штатов или любых других стран, противостоящих коммунизму.

Без очевидной чрезмерной и неоправданной озабоченности этим вопросом, выделим, как приемлемые, любые из следующих главных вопросов:

“...Формоза не имеет особого военного значения...”

В отношении настойчивого требования к Соединенным Штатам действовать, особенно в самих Соединенных Штатах, нам следует изредка время от времени прояснять, что поиски баз Соединенных Штатов на Формозе, посылка туда войск, снабжение армий, отправка военно-морских соединений или совершение любых подобных действий не принесли бы никакой существенной пользы ни Китаю, ни его националистическому режиму”.

И предостерегающая директива Госдепартамента:

“Избегать: любых ссылок, которые отмечали бы важное стратегическое значение острова или утверждали бы, что остров – субъект политической реальности”.

Сразу спустя тринадцать дней после издания приказа, президент категорически утверждал, что «правительство Соединенных Штатов не оказывает военной помощи и не дает советов китайским силам на Формозе».

Формоза могла бы пасть, а Госдепартамент продолжал бы говорить американскому народу, что остров не имел никакого стратегического значения – что она находилась вне нашего «периметра обороны» – точно так же, как Госдепартамент до самого начала корейской войны говорил американскому народу, что «пыль должна осесть», прежде чем может быть выработана сильная дальневосточная политика. А до этого весьма отдаленного дня оставить проведение «аграрных реформ», как сказал помощник госсекретаря Раск, «красным» революционерам примерно того же сорта, что и американских времен 1776 года, с Мао Цзэдуном в роли Джорджа Вашингтона.

Доказательства эти – лишь небольшая выборка из огромного количества имеющихся в наличии. Имеют ли они какой-то смысл или же бедные, замшелые антикоммунисты, которые ищут скрытый смысл в деле Зорге, которые усматривают параллели между Одзаки и некоторыми людьми в нашем правительстве, которые замечают, что «Амеразия» – это отнюдь не законченная глава в довольно загадочной истории – просто обманываются сами и вводят в заблуждение других? Возможно ли для среднего гражданина и для не столь среднего читателя поверить, что американская политика на Дальнем Востоке – результат широкораспространенной и глубокой закономерности? Или ее следует приписать непроходимой глупости? И есть ли здесь различия? Ведь глупость может заходить очень далеко, а болванов, которых терпят и превозносят до небес как гениев, хватает в политике...

Так какой же вердикт можно вынести на основе всего сказанного?

Если он до сих пор жив – а он вполне может быть жив, – Рихард Зорге мог бы ответить на этот вопрос. Рихард Зорге вполне может смеяться над Америкой, как он смеялся когда-то над своими японскими тюремщиками. «Все идет по плану, – мог бы сказать он, – поскольку падение Китая было запланировано», и уйти, прихрамывая...

Все идет по плану – но не по плану Америки... Мертвый или живой, Зорге продолжает добывать победу для своих хозяев. И «Зорге» побеждают во всем мире. Время стремительно уходит. А мудрости как не было, так и нет.

Проповедник Колет сказал мне: «Слова мудрости подобны звездам... И кроме того, вовремя, сын мой, предупреждаю тебя: можно писать книги без конца... Но позволь же нам услышать окончательный вывод обо всем этом деле... А уж Господь сам вынесет свою оценку каждой работе, разберется с каждым тайным делом – доброе оно или злое».

Примечания

1

Письменные показания, данные под присягой.

2

Лозунг Трумэна.

Это определенно «задняя мысль», пришедшая ему в голову уже потом. Революционное правительство Керенского, сброшенное год спустя Лениным, было демократическим правительством среднего класса. Рабочим это правительство могло быть названо лишь в самом широком смысле. Но Советы для удобства предпочли об этом забыть.

Для более глубокого ознакомления с подобным разбиением автор отсылает читателя к книге «Сталин и германский коммунизм», Кембридж, 1948, написанной Рут Фишер, сестрой Герхарда Эйслера и члена-основателя австрийской коммунистической партии.

На самом деле надписи у входов в парки шанхайских международных сеттльментов гласили: «Парки зарезервированы для использования иностранной общиной. Собак в парк не приводить». Но пропаганда убедила весь мир, что надписи гласили: «Собакам и китайцам вход воспрещен».

Когда, по предположению Элджера Хисса, Уиттакер Чамберс упомянул имя Ноэля Филда полковнику Борису Быкову, главе советской разведки в Соединенных Штатах, как о вероятно возможном кандидате в шпионы, Быков подобным же образом предупредил Чамберса никогда впредь не упоминать этого имени.

Короче говоря, он был той всемогущей личностью, представителем Коминтерна, который управлял местными компартиями и терроризировал их, во многом подобно тому, как Герхард Эйслер правил американской партией в 30 - 40-х годах.

в двух комнатах дома Лиллестрома

Здесь следует учесть, что Анне в то время было далеко за 30 и что от первого мужа, за которого она вышла совсем молоденькой, у нее тоже не было детей.

«Алекс», глава группы, он вернулся в Россию через шесть месяцев, передав руководство Зорге; Вейнгард, радист, вскоре был заменен более способным Клаузенем

эстонец в звании майора Красной армии, ставший преемником Зорге

советскими курьерами

кличка Одзакі была «Отто», Клаузена - «Толстяк», Зорге - «Рамзай», Гюнтера Штайна - «Густав»

Одзаки и Сайондзи встретились как делегаты на конференции Института тихоокеанских отношений в 1936 году в Йосемите. Однако доподлинно неизвестно, сколько потребовалось Одзаки времени, чтобы завербовать Сайондзи в организацию Зорге.

одна из кличек Клаузена

«встречался с Сержем»

Японская разведка записывала радиосообщения группы Зорге, но несмотря на отчаянные усилия, не могла ни расшифровать их, ни установить местонахождение радиопередатчика. После ареста Зорге и Клаузена, при обыске у Клаузена полиция обнаружила экземпляр книги Statistisches Jahrbuch fur das Deutsche Reich. Это и был шифроблокнот группы, и с его помощью японцы смогли, наконец, расшифровать послания, которые они регулярно записывали.

т. е. в рабство на юг. Амер. идиома. – *Ред.*

Источники - это официальные документы Госдепартамента, воспоминания людей, документы Конгресса, книга Джорджа Моргенштерна «Пёрл-Харбор: история тайной войны», Нью-Йорк, 1947 год. - Автор

Раскаявшийся грешник получает благословение Божье. Но либералы в Нью-Йорке и Вашингтоне придерживаются более высокой морали, а именно, что человек, повернувшийся спиной к Сталину, бесконечно греховней того, кто отказался повернуться спиной к Элджеру Хиссу.

В мае 1945-го Эмерсон вернулся из контролируемого коммунистами района, после чего доложил Госдепартаменту, что японских заключенных, содержащихся в американских тюрьмах, следует передавать японским коммунистам для перевоспитания.

ведущая фигура в документах дела «Амеразии»

Показания Элизабет Бейли, курьера советского аппарата в Вашингтоне, перед комиссией по расследованию антиамериканской деятельности:

М-р Стриплинг: Был ли Соломон Адлер членом этой (шпионской) группы?

Мисс Бейли: Да, был.

М-р Стриплинг: Он был достаточно активным участником?

Мисс Бейли: Достаточно пассивным, м-р Стриплинг, потому что в то время, когда я состояла в этой группе, он находился в Китае.

Лоуренс Дуггэн был одним из тех блестящих и привлекательных молодых людей, собравшихся вокруг Палмера Уэллса. В 1933 году, после неудавшегося коммунистического путча в Бразилии, партийный юрист появился в посольстве Соединенных Штатов в Рио с письмом от Дуггэна, в котором тот убеждал, что необходимо предоставить самые благоприятные условия и все возможности в распоряжение этого защитника революционеров, предупреждая, однако, что «посол не должен быть информирован об этом». Дуггэн был позднее представлен Геде Мэссинг Ноэлем Филдом, ставшим впоследствии советским агентом. Как ведущий специалист в Латиноамериканском отделении Госдепартамента, Дуггэн оказался ценным довеском к группе Мэссинг, и потому был немедленно завербован. Как долго он оставался агентом или сколь глубоко был вовлечен, неизвестно, поскольку мисс Мэссинг передала его вскоре другому «связному». Имеющиеся свидетельства дают основания полагать, что он вскоре отошел от дел. В 1948 году, когда дело Хисса-Чамберса заполонило газеты, Дуггэну нанесло визит ФБР. Во время этого визита он так разволновался, что агенты, беседовавшие с ним, предложили продолжить разговор позднее. Но им так и не удалось никогда закончить это интервью: в декабре того же года Дуггэн «выпрыгнул или выпал» из окна своего офиса на 14 этаже в Нью-Йорк-сити.

Позднее отправившийся в тюремную камеру, потому что скрыл свое членство в коммунистической партии. Карл Марзани был другим блестящим молодым человеком, служившим в совершенно секретной службе стратегической разведки во время войны. Ошибка его заключалась в том, что он под присягой, в заявлении о приеме на работу в Госдепартамент, указал, что никогда не был коммунистом. К сожалению для него, член «Alien Squad» – высокоэффективного антикоммунистического подразделения при департаменте полиции Нью-Йорк-сити, действовавшего под руководством майора Фиорелло Ла-Гардиа, сумел проникнуть в ту же партийную ячейку, где числился и Марзани. После суда по делу о нарушении присяги Марзани был отправлен за решетку.

Под присягой Ларсен заявил, что его работа состояла в том, чтобы совать нос в дела других людей и докладывать об их деятельности полиции.

Выступая перед Палатой представителей в 1941 году, конгрессмен Дж. Дондеро сказал, что Рот был посажен на ключевую должность офицера связи между разведкой ВМФ и Госдепартаментом, несмотря на «совершенно неблагоприятный отзыв, полученный после окончания расследования, проведенного самим Управлением разведки ВМФ, когда Рота впервые представили на получение офицерского звания».

По словам конгрессмена Дондеро, один из этих документов - «План боевых операций» - был столь секретным, что армейские офицеры за его утрату подлежали военному суду.

Джордж Кеннан, один из величайших мыслителей Госдепа послевоенного периода, написал, что самая мудрая политика для Соединенных Штатов – это избегать войны с Японией, позволив ей оставаться противовесом советскому влиянию на Дальнем Востоке, и что, сокрушая Японию, мы создаем вакуум силы. А фракция анти-Грю как раз и искала, как усилить это тотальное разрушение Японии.

На этой встрече Латтимор предложил урезать помощь китайскому националистическому правительству. Через год генерал Маршалл обязал Латтимора срочно подготовить «обзор» дальневосточной политики. А через несколько месяцев люди, поддерживавшие старую политику, Думэн и Грю, были изгнаны из Госдепартамента. Визит Латтимора в Белый дом состоялся примерно за неделю до того, как м-р Трумэн отбыл на Потсдамскую конференцию, убежденный, между прочим, что Британия, а не Россия, является главным врагом Соединенных Штатов.

Здесь можно отметить, что в июле 1945 года коммунистический теоретический орган, журнал «political affairs» утверждал: «Существуют влиятельные силы в Госдепартаменте, которые ищут компромиссного мира, который мог бы сохранить после войны власть микадо... направленную против Советского Союза».

Политика Госдепартамента действительно сеяла семена войны. Но политика, проводимая кликой Ачесона.

В 1950 году Хичкок заявил, что не упомянул о членстве Яффе в компартии из-за того, что был уверен, что судья Проктор читал об этом деле в газетах.

Ложные воззрения.

Слово «маккартизм» придумал Оуэн Латтимор. Его на следующий же день после высказываний Латтимора перед подкомиссией Тайдингса подхватила «Дейли уоркер», и за короткое время оно стало частью полемического словаря либералов.

Моррис, например, подвергался грубым и безответственным нападкам журналиста Джозефа Элсопа, который на глазах у широкой аудитории фактически обвинил Морриса в подстрекательстве свидетелей к даче ложных показаний. И это обвинение он позднее отказался взять назад, даже давая показания под присягой.

Не только большая часть сотрудников «Амеразии» была связана с ИТО, но сам журнал был побочным детищем института, созданным как орудие пропаганды взглядов, открыто прокоммунистических даже для изданий ИТО.

Агент Коминтерна, позднее отказался от всякого притворства, открыто объявил себя коммунистом и отправился к Мао. - Автор.

Во время показаний Оуэна Латтимора было представлено доказательство – письмо ему Эдварда Картера, который, касаясь этого вопроса, писал 11 июля 1939 года: «Мотылев (глава русского филиала ИТО) жаждал получить больше информации об экономической ситуации, а также личных соображений в отношении того, что собираются здесь предпринимать в отношении Китая и Японии... Одна из самых настойчивых просьб Мотылева – об информации, касающейся состояния китайской экономики и финансового положения Китая. Это удачно дополнило бы обзор Чи, подготовленный им для «Инквайери»...

Латтимор, конечно, отверг обвинение. Оно было высказано в Сенате. В то время стояли шум и гвалт, что Маккарти прячется за сенатский иммунитет, чтобы клеветать на Латтимора. Любопытно отметить далее, что поддерживал Латтимора тот самый Дрю Пирсон, который первым и объявил на весь мир имя человека, которого Маккарти как раз и стремился не афишировать.

Все трое являлись активными коммунистическими пропагандистами

17 октября 1940 года Латтимор написал Фрэнку Филду в вашингтонский офис коммунистического фронта «Американской мобилизации за мир»: «Посылаю тебе статью, представленную мне на рассмотрение Азиатикусом. Для читателей «Pacific Affairs» это читалось бы как пропаганда, к тому же напыщенная и восторженная пропаганда. Статья слишком длинна, однако мы можем подсократить ее, убрав избыток прилагательных, но сохранив при этом ее реалистическую суть...»

Посол Филипп Джессап был обвинен сенатором Маккарти в том, что имел «духовное родство с коммунистами». И когда Джессап прибыл на утверждение его назначения в качестве делегата на Генеральную ассамблею ООН, он признал свое членство в одном из коммунистических фронтов, отвергая, однако, членство в других, и признал, что в 1946 году он был убежденным противником американских атомных бомб и выступал за остановку военного атомного производства. И чтобы показать, насколько далек он был от каких-либо коммунистических симпатий, он под присягой утверждал, что в 1939 - 1941 годах был членом изоляционистской организации «Сначала Америка» - странная характеристика для одного из ключевых сотрудников неизменно интервенционистского Госдепартамента. Сенатская комиссия по иностранным делам отказалась утвердить назначение Джессапа в ООН, однако президент Трумэн назначил его временным членом делегации, проигнорировав таким образом волю Конгресса.

9 августа 1951 года СенаторФергюссон:Генерал, вы подчиняетесь тому же запрету, что и остальные свидетели, пришедшие сюда, - запрету свидетельствовать о персональных делах и так называемых личных делах по благонадежности?

Генерал Уиллоби: Господин председатель, как гражданин - хотел бы помочь, но как офицер - ...

Циркуляр от 21 августа 1948 года «Оглашение личных дел и информации»:

«Никакая информация любого рода, относящаяся к благонадежности сотрудников, и никакие данные расследований любого рода, относятся ли они к благонадежности или другим аспектам записей в личных делах, не могут быть включены в материалы, представленные комитетам Конгресса».

Макартур, главнокомандующий войск на Тихом океане, не был проконсультирован Госдепартаментом до Ялты.

22 апреля 1950 года он писал сенатору Тайдингсу: «Я никогда даже не встречался с м-ром Латтимором».

Слушания Макартура 2 июня 1951 года:

Сенатор Брюстер: Вы никогда не рассматривали вопрос? (признания красного Китая)

Госсекретарь Ачесон: Нет. Мы никогда не обсуждали этот вопрос.

Бригадный генерал Луис Фортьер под присягой показал комиссии Маккаррана, что в январе 1950 года Филипп Джессап говорил ему, что Соединенные Штаты признают красный Китай «примерно через две или три недели».

17 июля 1949 года Оуэн Латтимор писал в «Нью-Йорк компас», объясняя подобную политику: «Поскольку становилось все более и более очевидным, что Чан Кайши и Гоминдан потерпели поражение и разбиты наголову, американская политика должна была стать более деликатной. Проблема состояла в том, как позволить им проиграть, не показав при этом, что Соединенные Штаты бросили их... Как надо было также позволить Южной Корее проиграть, не показав при этом, что мы бросили ее...» И тем не менее под присягой во время слушаний Макартура, Ачесон как раз тогда недвусмысленно высказался об американской политике в отношении Формозы:

«Прежде всего мы поняли и согласились, что Формоза имела стратегическое значение, поскольку это касалось Соединенных Штатов. Следующим моментом было то, что ее стратегическая важность вызывала необходимость удержать Формозу и не отдавать ее в руки такой власти, которая была бы враждебна по отношению к Соединенным Штатам».